

Юрий Яньшин

Формула Бога. Возвращение

Юрий Витальевич Яньшин

Формула Бога. Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70529755

SelfPub; 2024

Аннотация

У каждого хорошего человека должен быть свой персональный Ангел-Хранитель. И он, конечно же, есть. Вот только мало кто догадывается, что Ангел-Хранитель, хоть где-то и похож на человека, но очень сильно отличается от него. И при этом он испытывает почти физическую боль за страх и отчаяние своего подопечного. А если подопечной является маленькая девочка, то ему надо вылезти из кожи вон, чтобы спасти её и чтобы успокоить свои расшатанные нервы. (обложка сгенерирована автором при помощи нейросети Kandinsky 3.0).

Юрий Яньшин

Формула Бога.

Возвращение

Книга первая

Посвящается моей дорогой маме –
Морозовой Тамаре Павловне,
моему вдохновителю, соавтору и критику.

От автора. Это первое мое крупное произведение, написанное и представленное суду широкой общественности. Хочу сразу предупредить критически настроенных читателей, что я не физик, не химик и не математик. И ни в коей мере не претендую на роль пифии при Оракуле. Это произведение, просто полет моей бурной и может в какой-то степени не совсем здоровой фантазии. Мне очень хотелось представить иные миры и адаптировать их к сознанию рядового обывателя. Описывая жизнедеятельность инопланетян, я мог бы использовать, ничего не значащие, а потому неудобоваримые, термины типа «брамбулета на петеяровом масле», как у уважаемого мной покойного Кира Булычева. Однако поразмыслив, отказался от этой затеи, поэтому мои персонажи, хоть

и имеют инопланетное происхождение, но с удовольствием едят борщ, а при необходимости принимают таблетки нитроглицерина. Я вполне осознаю, что сюжет местами грешит затянутостью, «бородатым» юмором и иногда откровенной скукой. Уважаемые верующие, прошу Вас, не считайте, пожалуйста, данное произведение антиклерикальным и обижающим Ваши религиозные чувства. Больше всего мне хотелось бы этого избежать, но если я все-таки ненароком Вас обидел, то простите меня, Христа ради! P.S. Все персонажи произведения, за исключением семьи Кругловых, являются подлинными.

За сим, откланиваюсь и желаю приятного времяпрепровождения

Вступление

Приказ от 10 июля 7518 от С.М., номер 864.10.07

Службе ПВ-перемещений по шестому сектору:

1. На основании распоряжения Надзорной инстанции по Шестому

сектору, за номером 594.10.07 обеспечить и проконтролировать

разрыв контакта между объектами «1» и «3» с выводением

последнего за рамки локализованной среды за 2 сек. до общего завершения операции;

2. Обеспечить и проконтролировать совмещение объектов

«1» и «4» в одной точке пространства и времени, к моменту общего завершения операции;

3. Обеспечить и проконтролировать разрыв контакта и рассинхронизацию объектов «1» и «2»(шифр 103) к моменту

общего завершения операции. После рассинхронизации объектов, считать миссию объекта «1» завершенной;

4. Назначить начало и конец операции на 22 июля 07 часов 52 минуты 32 сек. по местному летоисчислению и времени.

(Нач. отд. планирования ПВ-операций – генерал-майор Ангельской Службы

Василий Васильев).

Приказ от 18 июля 7518 от С.М., номер 944.18.07 Службе ПВ-перемещений по Шестому сектору:

1. Приказ от 10 июля 7518 от С.М., номер 864.10.07 Службе

ПВ-перемещений по Шестому сектору считать с настоящего

момента утратившим силу;

2. На основании распоряжения Надзорной инстанции по Шестому

сектору, за номером 637.18.07 обеспечить и проконтролировать

остановку жизнедеятельности объекта «1» в условленном участке

времени и пространства;

3. Обеспечить полный разрыв контакта и синхронизации объектов

«1» и «2»(шифр 103) в установленное время;

После рассинхронизации объектов «1» и «2» считать миссию объекта «2» оконченной;

4. Назначить начало и конец операции на 22 июля 07 часов 50 минут 32 секунды

по местному летоисчислению и времени.

(Нач. отд. планирования ПВ-операций – генерал-майор Ангельской Службы Василий Васильев.

Завизировано: Начальник Ангельской Службы Шестого Сектора генерал-лейтенант Ангельской Службы Архангел Гавриил).

Наступление этого утра, для Захара Круглова, оказалось невыносимо и мучительно долгим. С ночи никак не удавалось уснуть, долго ворочался, отыскивая местечко поудобней и попрохладней на узком диванчике. Мучила духота, несмотря на открытую дверь балкона. Хотел встать и сунуть голову под кран с холодной водой, чтобы хоть как-то освежиться, но вставать при этом ужасно не хотелось, так как знал, что если сейчас решится и встанет, то со сном можно будет вовсе распрощаться. Знал он за собой такую чер-

ту. В голове копошились дурацкие мысли, перемежающиеся ритмами новомодных шлягеров, еще с вечера доносившихся из открытого окна дома, что стоял напротив. «Фу, какая гадость! – подумал он, – И чего только не лезет в башку!» Тревожное ощущение какой-то беды, неумолимо надвигающейся непонятно откуда, закралось в сознание и начало укореняться в нем. Что-то неприятно покалывало в области сердца и это покалывание эхом отдавалось болью в левом локте. Раньше с ним такого никогда не случалось. Прислушался. Из соседней, смежной комнаты не доносилось ни звука – жена всегда спала тихо и даже никогда не ворочалась во сне, засыпая и просыпаясь в одной и той же позе. Он всегда по-доброму удивлялся этой её особенности. Вместе они не спали уже больше месяца. И не то чтобы они ругались, этот период в их совместной жизни уже благополучно миновал, а просто в один прекрасный день поняли, что вполне могут обходиться без обязательных атрибутов семейного бытия. Специфика его службы, связанная с длительным нахождением в чисто мужской среде, приучила Захара к длительным воздержаниям и они не доставляли ему особых хлопот. Что же касалось жены, то его мало интересовал вопрос того, как она с этим справляется. Он не исключал, что у нее уже давненько есть кто-то «на стороне», но, по большому счету это уже не волновало его нервную систему никоим образом. Они были чужими друг другу, и их ничто не связывало кроме дочери и нелепого «синяка» в паспорте. В общем, каждый жил сво-

ей жизнью и старался не вмешиваться в чужую. В голову нахлынули воспоминания...

– Павел Андреевич, вы шпион?!

– Видишь ли, Юра...

(из к/ф. «Адъютант Его
Превосходительства»)

I

Со своей будущей женой Оксаной он встретился почти 10 лет назад, когда он, будучи на последнем курсе КВАКУ, частенько стал заходить на «танцульки», организованные при деятельном участии руководства училища, дальновидно считавшим, что негоже будущим лейтенантам начинать службу в гарнизонах «не окольцованными». Восемнадцатилетняя, только что окончившая колледж, высокая и стройная, с небольшой, но упруго торчащей из-под низкого выреза розовой кофточки грудью, с такими чертиками в глазах, она выгодно отличалась от коренастых по большей части и уже примелькавшихся дочек преподавательского состава училища и служащих, расположенного неподалеку артиллерийского полигона. Несмотря на то, что стала объектом повышенного внимания со стороны молодых самцов, она, не обращая особого внимания на их неуклюжие попытки завладеть ее вниманием, первая проявила инициативу, пригласив За-

хара на танец. Это явно противоречило неписаному этикету подобных собраний, где девицы должны были, опустив очи долу и алая от напускного смущения, робко давать согласие особям противоположного пола на предложение станцевать. Решительно взяв его за руку, она повела его в круг танцплощадки. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, ибо Захар и сам являлся личностью неординарной в физическом и эстетическом плане. Высокий и широкоплечий, со светлым пушком чуть заметных пшеничного цвета усов на чистом, без традиционных, в этом возрасте, угрей на лице, он мог служить живым олицетворением мужской привлекательности. Именно о таких парнях грезили во все века девушки. Да он и сам знал, что является предметом тайных воздыханий доброй половины из присутствующих здесь девушек. Иногда даже пользовался этим, но без злого умысла и урона для девичьей чести. Видимо поэтому, несмотря на свои впечатляющие внешние достоинства и благодаря своему незлобивому от природы характеру, ему удавалось не нажить себе врагов и соперников, как среди женщин, так и среди мужчин. А вот эта девушка его чем-то явно «зацепила». То ли своей решительностью, то ли цветом своих изумрудных глаз вкупе с крутым изломом, на манер татарского лука, аккуратных бровей, то ли доверчивостью своих рук, ласково обвивших его шею. «Ведьма» – подумал он тогда впервые. – «Ну и пусть!» Из разговора выяснилось, что она является единственной, а потому любимой дочерью полковника (два его сына бы-

ли постарше), прибывшего с какой-то проверочной миссией из столицы на соседний полигон и оказавшимся по случаю старым однокашником начальника училища. Дочка, изнывая от пресыщения и соблазнов жаркой и пыльной «первопрестольной», увязалась за отцом, в чаянии новых впечатлений от загородной поездки. Они протанцевали вдвоем весь вечер, а потом он ее провожал до местной ночлежки, носившей по какой-то не совсем понятной причине пафосное название «Гостиница Советская», которой больше подходило «дом колхозника». Еле-еле успел к вечерней поверке. Обменялись адресами, обещая непременно писать друг другу. Он сдержал данное обещание, написав ей первой письмо, потом еще и еще. На одно она даже ответила, сообщив ему в дежурных фразах, что у нее все хорошо, что она учится и времени у нее ни на что не хватает, поэтому просит не обижаться, если она не всегда будет успевать с ответами. Больше писем от нее не было. Что было дальше? А дальше был Дагестан и, Вторая Чеченская... Воспоминания проносились в голове со скоростью Красной Стрелы и носили обрывочный и хаотичный характер, упорно возвращая его к ней.

Их вторая встреча произошла почти два года спустя, когда он уже в чине старшего лейтенанта, с неярко поблескивавшими на груди двумя крестами – «За мужество» и «Военные заслуги» случайно столкнулся с ней на выходе из подземного перехода столицы, куда он прибыл по делам службы. Роман, так неожиданно начавшийся и прерванный почти два

года назад, получил еще один шанс и не преминул им воспользоваться. Наличие выправки бывалого военного, а так же орденов, сделали свое дело, как этого и следовало ожидать. Шестым, а может быть и тринадцатым (кто их женщин разберет) чувством, Оксана поняла, что, такие как Захар, будут иметь в новой армии, которую начал строить молодой президент, шикарные перспективы. Кстати, новым оказался не только президент, о котором еще вчера никто и ничего не знал, но и министр обороны, начавший, как это и полагается, с того, что стал всюду менять прежние кадры и рассаживать своих людей. Именно благодаря такому неожиданному социальному лифту, отец Оксаны, уже казалось бы отчаявшийся поменять свои три звезды с двумя просветами на одну, но без оных, хоть пока и не получил желаемого, однако сумел пристроиться при Генштабе на хорошей и непыльной должности. При этом небезосновательно мечтая о генеральской пенсии, проведя остаток жизни на какой-нибудь подмосковной даче. Папаша пошел в дочь, поэтому не был «чином избавлен от ума», и немного поворчав для приличия: «дескать, ей всего двадцать, а в Москве, при нынешних его возможностях, можно найти жениха и попримичней», дал согласие на брак своей дочурки с бравым старлеем.

Со свадьбой тянуть не стали, ибо жениха ждало новое назначение в одну из частей ПриУРВо . По настоянию новых родственников, свадьбу решили сыграть в Москве, а не в Ретуве, где скромно жили родители жениха. Сыграв скороспе-

люю и не шибко богатую на приглашенных гостей свадьбу, молодожены отбыли к новому месту службы. С ведомственным жильем в те времена было весьма и весьма туго. Министерству обороны было не до строительства военных городков, хоть бы удержать в эксплуатационном режиме ранее построенные и то ладно. Заботясь о благополучии новой ячейки общества, их родители, с обеих сторон, поохав и поахав, все же набрали денег на квартиру. Да не на жалкую однушку в старой хрущевке, а на вполне даже приличную трехкомнатную, в одной из новостроек Самары, по счастливой случайности расположенных невдалеке от местонахождения воинской части, в которой ему предстояло служить. Родители раскошались с «дальним прицелом», рассчитывая в скором времени на пополнение молодой семьи. А вот с «прицелом» то как раз и вышла промашка...

Сперва все было как нельзя лучше. Молодые упивались друг другом, стараясь провести вместе каждую свободную минуту. Молодая жена деятельно и энергично принялась обустраивать первое свое супружеское гнездышко, но ее энтузиазма хватило ненадолго. Привычки прежней столичной жизни никак не давали покоя молодой женщине. Решительно все ей не нравилось в «провинциальной глуши» как называла она Самару во все учащающихся истериках по поводу прерванного высшего образования и в результате невозможности проявить себя на новом месте (при этом для мужа так и осталось загадкой, что мешало ей оформить пере-

вод в местный вуз). Не те магазины и кафе, не те скверы и дома, и даже люди по ее мнению не дотягивали до культурного уровня москвичей. Может быть все это неприятие и не устоялось в ней, как втайне надеялся Захар, если бы не постоянные обещания тестя о том, что как только зять получит звание капитана, так сразу же можно будет подумать о направлении в академию, а уж он, любимый тестюшка, в доску расшибется, но сумеет после окончания академии найти ему в столице подходящее место. Обещания, как это водится, падали в благодатную и каждый день взрыхляемую почву, вспаханную в мозгу дочери. Укореняться в излучине Волги, а уж тем более обзаводиться потомством абсолютно не укладывалось в планы молодой женщины. На подобие чеховских «сестер», слова: «В Москву! В Москву!» – все чаще и чаще срывались с ее губ. Напрасно Захар пытался отвлечь ее от этой пагубной с его точки зрения темы путем устройства своей дрожайшей половины в одну из фирмочек по распространению сотовой связи, расплодившиеся, как грибы после дождя. Оксана упорно, невзирая на неодобрительные взгляды и шушуканье бабушек, оккупировавших приподъездные лавочки, не желала заводить ребенка. «Видимо еще не настало мое время. Да и я еще молодая для этого дела. Может у меня еще организм не сформировался?!» – не раз заявляла она на робкие недоумения мужа по поводу отсутствия признаков беременности. Служба Захара проходила ровно и без сбоев. Он заслуженно получал поощрения от начальства и неодно-

кратно занимал со своим подразделением призовые места на очередных учениях. И когда долгожданное звание «капитанши» Оксаной, наконец-то было получено, разразился гром среди ясного неба... Но то ли тесть «наверху» перешел кому-то дорогу, то ли чем-то не потрафил вышестоящему руководству, а может быть просто подвел природный нюх, но его как говорится: «ушли по собственному». Для Оксаны это стало поистине крушением всех надежд и перспектив на то, чтобы перебраться в Москву. Муж, конечно, по-родственному переживал за тестя, но его «падение» не стало для него трагедией, да и значок академии не являлся для молодого капитана венцом мечтаний. Он был, вообще, человеком не слишком амбициозным. Честно тянул лямку, целыми сутками, а то и неделями пропадая в части и на полевых учениях. Домой приходил довольный и уставший, нисколько не помышляя, по мнению супруги, о карьерном росте. С этих пор, что-то надломилось в их отношениях. Жена стала какой-то холодной и отстраненной, подолгу задерживаясь на работе, что Захар отмечал, когда сам приходил со службы сравнительно вовремя. Она, молча, разогревала ужин на двоих, молча, поглощала свою порцию и так же молча мыла посуду. Общих тем для разговоров не было. Затем уходила в зал, и там усевшись в мягкое и с высокой спинкой кресло, поджав под себя красивые длинные ноги, начинала просмотр бесконечных сериалов, транслировавшихся по телеканалам в невероятном количестве. Так продолжалось до ночи. А ночью, по

сравнению с тем, что было, еще казалось так недавно, тоже проходило все буднично и пресно. Была не любовь, было исполнение обряда. Она, тихонько охнув, пару раз обмякала под его телом, и он, освободившись от груза, старался побыстрее отползти на свою половину кровати. «Привыкнет. Стерпится. Отгадет» наивно полагал он. Флегматик по натуре, он еще неизвестно сколько бы терпел данное положение вещей, если бы не одно «но».

Как-то раз, невзначай, роясь в прихожей на предмет поиска куда-то запропастившихся ключей от «Нивы-Шевроле», недорого купленной по случаю с рук (у жены тоже были права), он, на всякий случай решил заглянуть к жене в сумочку. Среди всевозможного женского хлама, к вящему своему удивлению, нашел кроме традиционной для большинства женщин «но-шпы», облатку незнакомых таблеток. Поднеся к глазам блестящую пластинку, с ужасом прочитал название новомодного противозачаточного средства, усиленно рекламируемого по телевидению. Вне себя от душившей его ярости, Захар ворвался в комнату жены:

– Как?! Как ты могла?! – буквально срываясь на крик, спросил он, грозно потрясая в воздухе зажатой в кулак пластинкой со снадобьем. Слезы бессильного бешенства и обиды готовы были вот-вот брызнуть из глаз. «Как?! Как она могла сама не желать своего, нашего ребенка?! А как же любовь?! Ложь! Все ложь!» Словно в горячечном бреде, рванул рубашку у горла. Две верхние пуговицы разлетелись мелкой

шрапнелью по комнате. Такое с ним было впервые с момента их свадьбы. Его тело сотрясали волны конвульсий, грозной глыбой навис он над женой. Но она не стала оправдываться, как втайне надеялся Захар, а сузив до невозможности глаза, что тоже было признаком ее крайне возбужденного состояния, будто внезапно распрямившаяся после долгого сжатия пружина, перешла в контратаку:

– Ты!! Да кто ты такой?! Как ты смеешь мне вообще что-то предъявлять?! – не произносила, а выплевывала она слова, словно они были наполнены хиной. – Я! Я отдала тебе лучшие свои годы! Я для тебя пожертвовало всем! Учебой! Карьерой! – продолжила она, резко перехватив инициативу. – А ты! Что ты сделал хорошего для меня, кроме того, что пригласил меня в эту дрякву, в которой по полчаса ждешь гребаное такси?! Даже в отпуск на море не могу себе позволить, уж про шубу вообще не заикаюсь, как пэтэушница бегаю зимой в куртешке! Я как жена декабриста за тобой! В Сибирь!...

– Ну...до Сибири, положим, далековато. – вставил он слегка подостыв.

– Да какая разница?! – не унималась она. – Пойми , ты, недалекий! У меня была п е р с п е к т и в а! – четко выделяя каждую букву последнего слова проговорила она. – А здесь что?! Сидеть и принимать с утра до вечера платежи в салоне связи?! А ведь я из-за тебя ушла с третьего курса филфака! Сейчас бы уже давно работала переводчиком в крупном издательстве. Все преподавы говорили, что у меня талант к язы-

кам. Или вообще за границей при посольстве.

– Ага! Так тебя и ждали в посольстве, – с сарказмом заметил он.

– Да вот, ждали! Уеду к родителям! Оставайся здесь и живи один со своими пушками.

– Ну да, в Москву! А куда же еще? Нужна ты им сейчас! Как же-с! А в особенности твоим брательникам! Держи карман шире. Много вас таких развелось на столичную жилплощадь!

– Да если хочешь знать, ко мне еще тогда сынок банкира клеился! До сих пор не женат, между прочим! – осеклась на мгновение, но так как муж не среагировал на известие о неженатом сынке банкира, продолжила. – Мне и сейчас предложения всякие делают. А я, я... как последняя дура...

– А ты хотела быть первой?!

– Что первой?! – не поняла она.

– Хотела быть первой душой? – уже откровенно и зло усмехнулся Захар.

Оксана поняла, что и так сболтнула лишнего, поэтому вовремя прикусила язык. Когда хотела, она вовремя могла пересилить свое женское начало и остановиться.

Захар понимал, что в чем-то она, безусловно, права и доля вины во всем случившемся лежит на нем тоже, но смириться с тем, что его как мальчишку водили за нос при этом лишая отцовского счастья, никак не мог.

– Ну вот что, – уже абсолютно спокойным голосом произ-

нес он. – Слушай мою диспозицию! Эти таблетки я выбрасываю. И впредь, принимать что-либо подобное запрещаю. Ясно?! Если еще раз что замечу, бить не буду, не бойся. Просто У-Убью! – сказано это было тихим, но столь решительным тоном, что Оксана, заглянув мужу прямо в зрачки, почему-то сразу поверила – убьет. «Кто их знает, этих ветеранов чеченской? Все они шизики», – подумала она про себя, буркнув:

– Иди, в роте своей командуй, – отвернулась и как-то разом опустила плечи.

В этот вечер они больше не разговаривали. Ночью спали врозь. Эту тему они больше никогда не затрагивали, но Захар был почему-то уверен, что его обещание она приняла всерьез.

Жизнь опять потекла своим неспешным чередом, и уже месяца через три, после очередного молчаливого ужина, жена ровным и бесцветным голосом сообщила, убирая посуду со стола, что нужно уже начинать потихоньку приобретать детскую коляску, кровать и прочие необходимые для этого случая вещи. В ответ на радостно-недоуменный взгляд мужа, так же без малейших эмоций, молча, выложила на стол экспресс-тест. Жарким солнечным днем среди стылой зимы осветилось лицо Захара. В порыве неистовой радости он вскочил, опрокидывая табурет, и подхватив жену на руки, закружил ее по маленькой кухне, как это бывало в первые, и ничем еще не омраченные месяцы их совместной жизни.

Жена не смеялась и не пыталась, как раньше делать вид, будто хочет вырваться из объятий любимого. Она была холодна как древнегреческая статуя Пигмалиона. Поглядев на её, ничего не выражающее лицо снизу вверх, словно наткнувшись со всего маху на каменную преграду, осторожно опустил драгоценную ношу на пол. В это мгновение он понял, что ребенок, которого он так долго и с таким нетерпением ожидал, не будет в их маленькой семье желанным для всех...

Беременность жены протекала ровно и без видимых эксцессов, типа гастрономических «причуд» и резких смен в настроении, коими его пугали в разговорах обремененные потомством, а значит и более опытные в этом деле сослуживцы. Причудами Захара было не испугать, а к постоянно плохому настроению супруги он уже притерпелся и даже как-то ухитрился приспособиться, втайне все же надеясь на то, что уж ребенок, стоит ей только на него взглянуть, уж точно растопит холод в их семейных отношениях, и разбудит заложенные природой материнские инстинкты. Он же, в свою очередь, постарается всячески этому поспособствовать. К чести Оксаны надо было сказать, что на протяжении всего срока она не изводила мужа ни дикими желаниями, ни вспышками беспричинной агрессии, как он опасался. Она будто смирилась вековой женской участью и не предпринимала никаких шагов тому, чтобы хоть в чем-то перечить мужу. Но отношения между ними от этого теплее не становились, оставаясь все такими же формальными. Первое «узи», как это во-

дится, ничего интересного не показало. Захар рассматривая снимок даже не смог ничего понять из того что на нем было изображено. Светло-темная рябь ничего ему не «говорила» ни о внутриутробном расположении плода, ни уж тем более о поле будущего ребенка. Зато второе «узи», сделанное еще через три месяца после первого и на которое он решил идти вместе женой, предварительно отпросившись у начальства, было куда более интересным, чем прежде. Хорошо видна была не только головка будущего ребенка, но и одна из ручек, тянущаяся ко рту. Можно было разглядеть даже пальчики. А вот вторая ручка была расположена так, что никак не давала разглядеть самое важное...

– Девка будет! – не терпящим возражений тоном заявила пожилая врач, делавшая процедуру.

– Почему вы так решили, ведь там ничего не было видно?! – с сомнением в голосе произнес Захар.

– Девка! Уж ты служивый помяни мое слово, – вновь произнесла она тоном, не терпящим возражений, а потом, снизойдя, все же пояснила, – Вишь, ладошкой прикрывается?! Только девки бывают такими стеснительными. А мужики всегда стараются свой срам наружу выставить.

«Ну что ж, – подумал он, – Девочка, тоже неплохо». Покопавшись на жену, но ее похоже мало интересовал этот вопрос. Получив заверения, что беременность протекает без эксцессов и получив необходимые наставления, недружная супружеская чета отбыла восвояси. По дороге домой хотел было

в машине затеять шуточный спор по поводу будущего имени дочери, но Оксана, явно не собираясь поддерживать длительный диалог, решительно сказала, отвернувшись к боковому стеклу:

– Я уже все решила. Не трудись. Назову Инессой.

Горькой обидой резанули слова «я решила», «не трудись» и «назову», как будто у них и не семья больше, она мать-одиночка, а он так себе – просто мимо проходил. «Да, конечно, отношения больше чем непростые, но все же зачем она так со мной?!», – с болью подумал он. Однако вслух произнес:

– А почему Инессой?

Но ответа так и не дождался. Не удостоила. «И-нес-са. Инесса... Инесса-принцесса», – несколько раз повторив про себя как бы пробуя на вкус каждую букву имени. «Ну пусть будет Инесса. Чему я удивляюсь? Двадцать первый век на дворе. Сейчас модно стало давать детям экзотические имена. Спасибо, что хоть не Акулина и не Пульхерия какая-нибудь. А с другой стороны...? Куда ни взгляни – одни Лены да Наташи. Может оно и правильно, что будет Инессой?!», – и еще раз добавил, но уже вслух:

– Инесса.

Последние три месяца перед родами пролетели как один день. Третье и последнее «узи» внесло полную ясность в вопросе о половой принадлежности ребенка. Суматоху с необходимыми покупками в ожидании назначенной даты внесла нагрянувшая теща грозившая приехать ближе к родам. Во-

преки расхожему мнению, будто бы любая теща должна быть непременно порождением чуть ли не самого дьявола, мать Оксаны была женщиной простой и отнюдь не стервозной. Несмотря на жизнь в столице, сохранила этокое провинциальное добродушие и не растеряла своих деревенских корней. Она по-своему любила Захара и понимала его трудности в отношениях со своей дочерью. «Ох, Захарушка и заплачешься еще ты с ней! И в кого она у нас такая вредная уродилась?!» – недоумевала она в свои нечастые приезды к молодым.

Оксане же прямо выговаривала: «Дура ты, дура! Нашла мужика золотого, так держись за него! А не фыркай по углам, как кошка худая! Что тебе еще не хватает?! Муж, дом, семья, работа... Не то что мы с твоим отцом с раскладушки и чемодана начинали, да по гарнизонам! Фильм-от глядела «Офицеры»?! Так-от и было». Так что Захар в полном праве мог считать Марию Степановну в немногочисленном стане своих верных союзников. Поэтому ее приезд никак его не огорчил, а даже наоборот вселил робкий лучик надежды на то, что бодрая и никогда не унывающая матрона сможет стать неким буфером в отношениях между ним и женой. В последний месяц перед родами, он стал еще более внимательным и заботливым, почасту звоня домой и справляясь о самочувствии жены. Теща обстоятельно и со знанием дела докладывала о всех перипетиях прошедших с момента его последнего звонка. Вечером, собравшись вместе за семейным столом

шел обмен мнениями о предстоящих делах, о выполненных и запланированных работах. Мария Степановна хвасталась новыми приобретениями для приданого малышке. И они подолгу и со вкусом рассматривали то распашонки, то ползунки и пинетки, и прочую мелочь. Иногда в обсуждение удавалось втянуть совместными усилиями и Оксану. В эти минуты Захар чувствовал себя окрыленным и абсолютно счастливым. Несмотря на устоявшееся в общественном сознании мнения о том, что нельзя заранее покупать ни кроватку, ни коляску, супруги, по настоянию все той же неугомонной тещи, все же решились на данное приобретение. Оксана, правда, пробовала сопротивляться, планируя сократить необоснованные траты за счет покупки коляски в комиссионном магазине, но быстро сдалась под дружным напором с обеих сторон.

– Ты дочка, теперь про себя забудь. Всё. Нагулялась, поди?! Ты мать – без пяти минут! Сама должна понимать, что тратиться на себя будешь в последний черед, – заявляла Мария Степановна, значительно поднимая указательный палец вверх. С матерью спорить было бесполезно. Оксана это хорошо знала с самого детства и поэтому, пофыркивая потихоньку и нервно передергивая плечами, отступала.

Так или иначе, но к назначенному сроку все уже было готово. Оставалось только ждать, когда по велению природы, долгожданное дитя не начнет проситься наружу. Рожать решили в «Красном Кресте». Не испугала даже головокружи-

тельная дороговизна предстоящего мероприятия. Предлагаемое качество услуг и комфортабельные условия для матери и будущего ребенка перевесили все сомнения в правильности сделанного выбора. По предварительной договоренности, за несколько дней, чтобы не суетиться и не рисковать в ненужной спешке, специально-оборудованный реанимобиль забрал будущую роженицу со всем необходимым на все ее время пребывания в клинике.

Через два дня, утром, ближе к полудню, с бодрым криком, огласившим операционную, страна получила известие о появлении еще одной своей гражданки. Как то сложится ее судьба? Какое место займет она в жизни общества, и как при этом сложится ее собственная жизнь? Что ждет впереди? Какие печали и радости выпадут на ее долю?

О том, что схватки начались еще ночью, он узнал из телефонного звонка Марии Степановны, неотлучно находящейся рядом с дочерью. Чувствуя, что роды начнутся в ближайшие часы, она еще с вечера отбыла в клинику. Хотел было увязаться за ней, но теща со смехом отвергла его неуклюжие поползновения, заявив:

– Неча, тебе милоч, в наши бабские дела лезть. Уж как-нибудь сами управимся. Иди, Родине служи.

Неуклюжей гусыней вылезла в чуть подстывшую к вечеру лужицу и аккуратно закрыла за собой дверцу старенькой «Нивы». Она по своей натуре была бережливым человеком. По его настоятельной просьбе она ежечасно с крестьянской

обстоятельностью докладывала о текущих событиях, пока ей самой не надоело это занятие – в последнем разговоре заявив, что больше звонить не будет до «разрешения от бремени» или непредвиденной ситуации. Надо ли говорить, что Захар в эту, как ему показалось, самую длинную ночь в его жизни, ни на минуту не сомкнул глаз? Вернувшись, домой, полностью раздеваться ко сну не стал, так и просидел в кресле полуодетым в темноте. Утром, с красными от бессонницы глазами, наскоро умывшись и не разбирая вкуса подогретой на микроволновке еды, загодя и впрок наготовленной заботливой тещей, побежал на службу. На службе все время держался и хватался за телефон, лежащий в нагрудном кармане в страхе, что пропустил звонок. И когда он, наконец, прозвонел, сообщая голосом изрядно умотавшейся тещи о благополучном исходе родов, весе и росте девочки, Захар, словно крылья обрел за спиной. Каждому встречному офицеру части безумно хотелось похвастаться так долго ожидаемом, и так неожиданно свалившемся на него счастье. Но встречные, видя сияющее лицо капитана, уже и сами догадывались, что к чему, лапидарно и весело вопрошая: «Ну?! Рост?! Вес?!» По их светящимся добродушием лиц, он понимал, что они искренне радуются вместе с ним и ему становилось от этого еще лучше. Он верил, что с приходом в этот мир дочери он обретает что-то гораздо большее, чем статус отцовства, он тем самым, обретет наконец-то смысл жизни.

Он хотел сразу ринуться в клинику, но Мария Степановна

благоразумно отговорила его от этого поспешного шага. Она мотивировала свою точку зрения тем, что де Оксана спит вместе с дочерью и тревожить сон новоявленной мамы, никак не рекомендуется, да и ему, лишний раз лезть в глаза начальства, с просьбами отпустить со службы тоже негоже. А к вечеру, когда все более-менее успокоится, то и он сможет без хлопот подъехать и посмотреть на жену с ребенком если и не в палате, то уж в окне-то точно. Расспросив еще тещу о том, нет ли какой надобности в продуктах или вещах, выражая готовность достать все по первому требованию, Захар попросил передать Оксане все причитающиеся по этому поводу слова и отключил связь. Он на миг представил себе какой роскошный букет белых лилий (жена обожала эти цветы) он сегодня преподнесет своей Снежной Королеве, как иногда он называл про себя свою Оксану.

Вечером, купив свежих фруктов и громадный букет лилий, Захар направился в клинику. Он думал, что ему придется долго стоять у подножия здания, выискивая глазами знакомый силуэт в оконном проеме, но к своему вящему удивлению, ничего подобного не случилось. После минутной формальности в фойе, выдали халат, бахилы и снулого вида охранник препроводил его на второй этаж, где собственно и располагалось перинатальное отделение. Передав дежурной медсестре с рук на руки посетителя, охранник удалился, а молоденькая провожающая, выяснив к кому и в какую палату направляется новоявленный отец, решительно, как ма-

ленького мальчика, взяв его за руку, буквально потащила в искомое место. У палаты под номером «4» она резко остановилась, и заговорщическим тоном негромко сказала:

– Вы подождите меня тут, а я загляну и спрошу, могут ли вас принять.

На его недоуменный взгляд, быстро протараторила, все так же полусшепотом:

– Ну, знаете..., разные же бывают ситуации. И потом... вдруг она кормит малыша? Не всем молодым мамашам нравится, когда их застают за этим делом. Я мигом.

Она тихонько приоткрыла дверь и ящеркой проскользнула внутрь палаты. Не прошло и полминуты, как из двери ни слова не говоря, вынырнула сестричка, а за ней следом показалась и Мария Степановна. Вид у тещи был одновременно радостный и растерянный. Он думал, что она проведет его в палату к роженице, но та, взяв его за руку, повела к окну в коридорном тупичке, чтобы не загоразивать проход.

– Девочка, вся в тебя! Крупненькая. Молчунья. Не плачет, кричит только. Ну да крупные они все такие. Это мелкота орет беспрестанно, а твоя хороша, – со знанием дела говорила теща.

– Марья Степановна, миленькая, а мне нельзя туда?! Я вот и бахилы одел и маску мне дали, – взмолился он, вытаскивая марлевою маску из кармана. – Я ненадолго, только погляжу и выйду.

– Ты погоди, соколик, насмотришься еще на все и на

всех, – поджимая губы, тусклым голосом проговорила она непонятные для Захара слова.

– Так что, Мария Степановна, пройти то мне можно? – явно не «врубаясь» в ситуацию, канючил он.

– Говорю же тебе, суцеглупому, погоди, а ты опять свое талдычишь?! – уже начинала злиться теща. – Не в себе она! Понимаешь?! Не в себе!

– То есть как это не в себе?! – разинул рот от изумления Захар. – С ума, что ли сошла?!

– Да она и не была в нем николи! – парировала она его недоуменные вопросы.

– Как это?! Я не понимаю! Что произошло то, вы мне можете объяснить толком?! – все еще недоумевал он, в принципе, уже начиная догадываться, куда дует ветер.

– А так вот! – уже почти взорвалась теща. – Не хочет она никого видеть! И ее и тебя, в первую очередь! Еле вон уговорили ее вместе с акушеркой, чтоб хоть приложила к груди и дала первое кормление.

– Как же так!? – совсем уже поник головой Круглов.

– Врач сказала, что такое часто бывает у первородящих. Вроде как страх у ней самой перед ребеночком так проявляется, – пояснила со вздохом Мария Степановна, но по ее интонациям Захар понял, что она и сама не очень-то верит в эту версию. Эту догадку Круглова, она сама же и подтвердила через мгновенье:

– А только не верю я во все это! Чтобы мать да убоялась

собственного дитя?! Николи такого не было. Скаженная она у тебя, как есть скаженная! Хосподи! – приложила она ще-поть ко лбу и размашисто наложила на себя крест. – Воззри и взнемли! За что насылаешь на мя кары свои?! За какие прегрешения?!

– А я вот тут собрал кое-чего, – пропуская мимо ушей тещины взывания к Богу, тихо проговорил Захар. – Что теперь с этим делать?! Опять же, цветы... лилии... ее любимые.

– Давай сюда! – прервала она его душевные возлияния, не переставая креститься и шептать что-то укоризненно-неразборчивое. – Продукты возьму. А цветы?... Даже и не знаю, что с ними делать. Ну да ладно, возьму и их, чай мать-то родную не измордует ими.

– Выписывать-то когда обещали? – спросил он, наблюдая, как теща роется в сумке, бурча себе что-то под нос.

– Девонька крепенькая получилась, здоровенькая, – не поднимая головы от сумки, проскрипела Мария Степановна, – Ксюха твоя, тоже кобыла здоровая, прости Господи, врач сказала, что завтра еще понаблюдают, а уж послезавтра и выписывать можно.

Наконец оторвавшись от сумки, теща с укоризной спросила:

– А ты, что же Захарушка, съестного всякого наташил, а про банное забыл?

– Про какое еще банное?! – не понял тот.

– Про то, что я тебе давеча по телефону просила привезть!

Мыльное, там, шильное...

– Ой, Мария Степановна, простите, из головы вылетело, забыл видно! А что, разве ее уже можно купать с обычным мылом и шампунем?! Я где-то читал...

– Читал он! – передразнила его теща. – Не об ней речь, а о женке твоей, непутевой! Ванну ей поди ж ты принять приспичило. Да и перед выпиской помыться надо будет. Ну, ин ладно. Я там, на первом этаже видела, продают всякое, схожу потом сама.

– Может, деньги нужны? – полез он в карман за кошельком.

– Не нать! Есть у меня, – отмахнулась она, забирая сумку и цветы. – Ты сам-то хоть поел чего? Я оставляла.

– Да, кивнул он, – спасибо. Я ел, не беспокойтесь.

– Ну ладно, коли так. Я позвоню, если надоба какая возникнет. Ну, давай иди. Вон вижу, круги под глазами, какие. Сам, умаялся.

На этом и расстались. Почти на ватных ногах спустился, забыв даже снять бахилы на выходе.

Через день состоялась выписка. Снова пришлось отпрашиваться у начальства. Впрочем, на начальство, Круглову было грех жаловаться. Бригадный начарт, человек обстоятельный, сам отец троих сыновей, прекрасно понимал нужду и заботы своего подчиненного, поэтому всегда, если это напрямую не вредило службе, старался идти ему навстречу. В 11.00 в одном из вестибюлей перинатального центра Крас-

ного Креста состоялась выписка Инессы Захаровны Кругловой с матерью. Захар, как это и положено, чисто выбритый, в парадной форме, при лайковых перчатках, с букетом лилий наперевес ожидал выхода своей супруги с ребенком. Здесь же крутился и нанятый заранее фотограф, дабы увековечить это незабываемое мероприятие. Ровно в назначенное время, в вестибюль спустилась Оксана в сопровождении матери. Хмурое выражение ее лица на порядок поубавило его оптимизм от ожидаемой встречи. Сухо поздоровавшись и приняв от мужа букет цветов, Оксана демонстративно не стала целовать мужа и не дала это сделать ему, несмотря на настойчивые просьбы фотографа, матери и немногочисленного персонала центра, пришедшего на проводы. Неловкость напряженной атмосферы сняло только появление медсестры, спустившейся сверху и державшей на руках конверт с младенцем, перевязанный розовой лентой. Медсестра улыбаясь, передала драгоценный сверток отцу и Захар, с трепетным испугом взял первый раз на руки свою дочь. Все тут же бросились и окружили счастливого и немного смущенного отца, наперебой поздравляя того с началом по-настоящему семейной жизни. Оксана. Естественно не принимала в этом никакого участия. Стоя чуть в стороне, она с интересом разглядывала разрисованные «амурчиками» стены, делая вид, что это ее совершенно не касается. Захар прижимал обоими руками к себе крохотное тельце ребенка, чувствуя его теплоту даже через синтепон одеяла, не зная что делать дальше и как

при этом положено себя вести. Положение спасла улыбчивая медсестра:

– Папаша! – воскликнула она. – Вы разве не хотите сами взглянуть на дочку?!

Тот только быстро-быстро закивал. Лицо девочки было прикрыто уголком, а он сам почему-то побоялся откинуть его из-за опасения. Что может при этом не удержать ребенка. Мария Степановка, которая стояла подле него, тотчас повернулась и бережно открыла взорам собравшихся, маленькое розовое личико. Неизвестно было, спит она или нет, так как Захар понятия не имел, когда груднички впервые начинают открывать глаза, но вот то, что она шевелит губками, как бы причмокивая, хорошо было ему видно. Со всех сторон слышались возгласы о том, что девочка – вылитый отец и к тому же раскрасавица, что еще больше добавляло краски в его лице. Сполна насладившись этим зрелищем, Захар заозирался, ища Оксану, но она по-прежнему не собиралась никак участвовать в торжествах. Тем временем. Теща ревниво накрыла лицо Инессы уголком, объясняя это скученностью народа препятствующего прохождению свежего воздуха. Пора было делать заключительное фото. Все выстроились в ряд. Оксану с каменным выражением лица поставили справа от Захара, все еще не выпускающего ребенка из рук, теща пристроилась слева, держа в руках лилии, предназначенные роженице. Наконец и с этим было покончено. Уже вчетвером они стали неспешно спускаться с высокого крыль-

да к машине Захара, стоявшей недалеко. Подойдя к машине, Захар хотел было передать дочь на руки матери, но та проигнорировала его протягивающий жест и уже залезла на заднее сиденье. Ребенка подхватили заботливые руки теперь уже бабушки – Марии Степановны. Он помог ей поудобней расположиться рядом с угрюмой супругой и закрыл дверь, стараясь не хлопнуть громко. Только сейчас до него начала робко доходить мысль о том, что полноценной матери у его дочери, похоже, не будет никогда. Эта мысль очень больно резанула его тогда. Боль хоть и была краткой, но у него от нее потемнело в глазах, что до этого с ним никогда не случилось прежде. Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами, приходя в себя. Потом осторожно вставил ключ в замок зажигания. Ему еще только предстояло узнать. Что в их маленькой ячейке общества он будет не только отцом, но еще и матерью...

II

Родив ребенка, Оксана посчитала для себя, что на этом ее обязанности перед семьей были выполнены, а значит пришло самое время уделить внимание себе самой. Заботясь о своей фигуре и появившихся после родов незначительных растяжках, она с головой ударилась в «психолого-физическую реабилитацию», как она это называла, без конца пропадая в косметических и массажных салонах города, благо,

что с некоторых пор денежное довольствие мужа позволяло ей это делать. Все, что она теперь делала, так это нехотя несколько раз в день прикладывала малышку к груди и выдавала почерпнутую из интернета информацию по уходу за младенцами в качестве ценных руководящих указаний матери и мужу. Поменяв пару дней подгузники малышке, и поняв, что такая «грязная» работа полностью противоречит ее утонченной натуре, она ничтоже сумняшеся, доверила эту работу маменьке и мужу. Что уж там говорить про ежедневные купания и прочие гигиенические процедуры? Она их просто игнорировала. И так, всегда с боем встававшая к ребенку по ночам, она где-то вычитала, что это якобы непедagogично и постоянные ночные бдения воспитывают в ребенке чувство эгоизма. Теперь она категорически отказывалась это делать. В результате чего, мужу с бабушкой пришлось и эту функцию взять на себя, установив некое подобие графика дежурств. А тут еще, к вящей ее радости закончилось грудное молоко. .. Это только в нормальных семьях любящие супруги стараются делить домашние заботы пополам. Семья Кругловых к этой категории не относилась.

Уборки в доме, включая генеральные, проводил Захар совместно с бабушкой. Мама отказывалась принимать в них даже посильное участие, мотивируя свой отказ наличием проблем в позвоночнике, связанных с недавней беременностью. Оформление всех предварительных документов, связанных с рождением и регистрацией ребенка легли целиком

и полностью на Захара. Снежная королева присоединилась к этой процедуре только в самом ее финале. Осваивать процедуры связанные с купанием. Переодеванием и сменой подгузников пришлось ему в срочном порядке осваивать при непосредственной помощи Марии Степановны. Днем, находясь на службе или бывая дежурным по части, он мог быть уверенным только в своей теще. Но никак не в жене. Домашнее вечернее и ночное дежурства почти полностью ложились на его тренированные армией плечи. Умаявшись с ребенком и домашними делами за день, Мария Степановна мало чем могла помочь своему зятю. Беганье по магазинам, а с недавнего времени и по молочным кухням, научили Захара до тонкостей разбираться в качестве детского питания и сортах молочных смесей, а также с первого взгляда отличать китайские подделки от всех остальных товаров детского мира. А ежедневные набеги на молочную кухню научили его дипломатии и искусству оболыщения неприступных сотрудниц данного предприятия с целью получения различных преференций. Без всяких там градусников, а лишь прикосновением губ к лобику малышки он мог с погрешностью до одной десятой градуса определить точно ее температуру. По одному ему ведомой интонации кряхтения дочки он мог определить «мокрая» или «грязная» опасность нависает над его лапушкой. Прогулки с коляской в выходные а также в вечернее время перед сном тоже входили в его исключительную обязанность. Составить ему в этом деле ком-

панию, Оксана под разными предлогами отказывалась. И он научился, в конце концов, под сочувствующие взгляды бабушек сидящих у подъезда на лавочке, делать это вполне самостоятельно, корячась в одиночку с коляской у высоко-го и ничем не оборудованного крылечка. Не раз наблюдая, как Мария Степановна занимается приготовлением специальной еды для малышки. Он невольно и сам научился это делать, под не совсем одобрительные покачивания тещиной головы и ее невнятные бормотания по поводу немужского занятия. Так или иначе, но и эта мудрящая профессия стала одной из тех, которая была им освоена. Он любил учиться, несмотря ни на что. Всем был хорош молодой отец. Если бы где-то во Вселенной существовала бы планета, на которой бы жили исключительно отцы с детьми младенческого возраста, то Круглов, несомненно, мог баллотироваться на пост президента такого государства. Именно такого мнения придерживалась Мария Степановна, к которой он и до этого испытывал чувства неложного уважения, а сейчас, когда общие заботы из-за нерадивого отношения Оксаны к своему ребенку сблизили их и это его уважение переросло в настоящую сыновнюю любовь.

Однажды, вернувшись из очередного похода в салон красоты, супруга, с твердостью в голосе, которая все чаще и чаще давала о себе знать по мере сдачи позиций противоположной стороной, заявила, что денег на жизнь катастрофически не хватает. Тех же «жалких копеек», коими «бестолко-

вый и никчемный» муженек изредка соизволил наделять ее несчастную, выказывая тем самым свою «непомерную жадность», может хватить разве что на один обед в приличном заведении. А посему, несмотря на послеродовой отпуск, она принимает решение о досрочном выходе на работу, пока на подмены, а там дальше видно будет. Ступор, в котором пребывала оппонирующая сторона, вызван был даже не тем тоном, коим все это было сказано, а та беспардонная ложь в произнесенных ею словах. Все присутствующие прекрасно знали, что все денежное довольствие, включая всякие там пайковые и за выслугу Захар приносил домой до копейки, не оставляя себе практически ничего. А устраивать заначки было не в его характере. Порой доходило до абсурда. Тривиальные носки, ежегодно преподносимые супругой на 23-е февраля, и служащие постоянным напоминанием с ее стороны о неустанной заботе внешним видом мужа, штопались им неоднократно и собственноручно, вместо того, чтобы украшать ими ближайший мусорный бак. Так она опять начала «пропадать» на работе. Неизвестно кого и каким образом она там подменяла, но тем не менее денежки в ее кошельке не переводились. Впрочем и тратила она их исключительно на себя, любимую. Устраивать слезки и скандалы по этому поводу. Круглов считал для себя делом неприличным. Он только ежился и отмалчивался от ехидных вопросов своих сослуживцев и бабок у подъезда.

Видимо вконец потеряв остатки терпения, Мария Степа-

новна, выбрав время, когда дочери не было дома, решила поговорить с зятем начистоту, приведя того на кухню и прикрыв за собой дверь, чтобы ненароком не разбудить ребенка, сладко и беззаботно посапывающего после кормления.

– Ты, Захарушка, как хочешь, а дольше такое продолжаться никак не может! – начала она практически без артикуляции.

– О чем это вы, Мария Степановна?! – без всякого энтузиазма в голосе спросил он.

– Вот ты только со мной-то не хитри! – всплеснула с досадой руками теща. – Уж меня-то старую на кривой козе не объедешь! Ты либо претворяешься, что ничегошеньки не видишь вокруг, либо и вправду дурачком заделался?!

– Я и правда не знаю куда вы клоните! – притворно удивился он, что, впрочем не скрылось от ее орлиного взора.

– Это я то, клоню?! – взвилась она до небес. – Это рога твою башку к земле клонят! От того и не видишь что на свете белом творится!

– С чего это вы взяли, мама?! Что вы такое говорите?! Она же ваша дочь...

– Потому и говорю, что дочь. Спасибо, Господу! Наградил халдой!

– Но с чего вы взяли-то?! Какие у вас доказательства?

– Доказательства ему подавай! Мимо подъезда уже и пройти нельзя, в глаза уже тычут все. Срам-то какой!? Средь белого дня уже к самому подъезду на иномарке подвозят!

Тьфу!

– Она говорила, что просто сослуживец довез. По дороге ему было, – попробовал он возразить неожиданно разбушевавшейся теще.

– Просто?! Сослуживец?! Ты рехнулся что ли?! Да почитай через день, этот сослуживец с ней подкатывает. А букеты цветов у ней тоже скажешь по дороге нашла?!

– Это благодарные посетители оставляют, – хватаясь за соломинку пролепетал он, как-то сразу съеживаясь.

– Какие такие благодарные посетители?! Она тебе, что, актриска какая, чтоб ей без конца цветы дарили?! Эвон, я давеча, собралась в магазин, да в кошельке мало оказалось, чтоб не разуваться по сто раз и не проходить в комнату, дай, думаю, у доченьки позаимствую, сумка-то ее тоже там в прихожей стоит. Ну и сунулась к ней, значит. Достая кошелек, а тааам! Сторублевых от ассигнаций, в палец толщиной, напихано! Во-о! – в доказательство своих слов она продемонстрировала зятю средний палец. – Меня аж, как кипятком ошпарило с ног до головы!

– Может зарплата с премией? – сделал он последнюю отчаянную попытку оправдать жену.

– Да где же ты видал, чтобы простой оператор в каком-то салоне связи получал столько, да еще и с премией!? – неистовствовала баба Маша. – Уж мне-то такое не говори! Такие деньги за простые глазки не дают. А тебе, неужели сердце ничего не подсказывает?! Ведь не чурка же ты бес-

чувственная!

Захар молча опустил глаза в пол. Как умная и старая собака, сердцем он все понимал, что говорит ему теща, а вот сказать вразумительного ничего не мог.

– Ну что молчишь, потупив глазки?! – спросила она его, подсаживаясь за стол напротив. До этого она стояла над ним бетонным монолитом.

– И что вы, Мария Степановна, предлагаете? – глухо проронил он.

– А сам-то что думаешь?

– Вы хотите, чтобы мы развелись? – чужим для себя голосом спросил Захар.

– Развод от вас и так никуда не убежит, если все оставить как есть, – возразила она ему.

– А что тогда? – непонимающе вскинул он глаза на тещу.

– Только ты пойми меня правильно, – начала она издалека. – Я ведь и сама мать, троих вон подняла, почитай одна. Мой от только ночевать домой приходил, и то не всегда. Заливал за воротник по часту, да и погуливал по молодости, чего уж греха таить?! Молчала, терпела вот, навроде тебя. Времена, сам знаешь, какие были. За себя боялась, а за него пуще, чем за себя. Тогда – это тебе не сейчас, по партийной линии так бы взгрели, не то, что Москва, Сахалин бы рядом показался. И ты ведь мне не чужой стал, Захарушка. Вон смотрю, как глаза-то у тебя запали, будто только что встал со смертного одра. Вчера вечером вернулся со службы, а китель

от на тебе болтается ровно на вешалке какой!

– Что-то вы Мария Степановна ходите все вокруг да около, будто не решаетесь сказать главного? – заметил он ее нерешительность.

– А то и скажу, хоть Оксанка моя и стерва порядочная, а все ж таки своя кровиночка. Потому и слова эти мне особо тяжело тебе говорить...

– Да не тяните вы kota яйца, Мария Степановна! – уже начиная терять терпение, воскликнул Захар.

– Да ничего я не тяну, а совет пытаюсь тебе дать, какой мне видится с моей бабской колокольни.

– Ну, так и говорите же!

– Ну, так и говорю... Побил бы ты ее что ли...

Какой угодно мог себе представить Захар рецепт решения их семейной проблемы. Он думал. Что она предложит им какое-то время пожить врозь и без ее – тещиной помощи. Чтобы Оксана на своей шкуре почувствовала как тяжело одной без мужа воспитывать дочь. Или уж совсем радикальный рецепт: изменить ей демонстративно с кем-нибудь в отместку, но такое...

– Что?! – вскинул он брови. – Побить?! То есть как это побить?! Вы в своем уме?!

– В своем, милоч, в своем! – зачастила теща.

– Что-то я сомневаюсь в этом, – уже с интересом поглядывая на тещу, протянул он.

– А ты не сомневайся! Я же тебе не советую бить ее смерт-

ным боем! Упаси, Господи! А так, прилику ради, для науки. Не по костям, а по мясу. Это кости от битья ломаются. А мясо от него только мягче делается, податливей, да нежней. А ей, толстомясой, никакого урону с этого не будет!

– Мария Степановна, вы меня извините, но так и хочется покрутить у виска пальцем. Что за домострой вы мне тут предлагаете?! Двадцать первый век на дворе!

– Ты это себе пальчиком то покрути, лось сохатый! – опять взбеленилась теща. – Предки то наши были чай не глупее нас с тобой! Знали, поди, с какой стороны лошадь запрягать. И знали, что наша сестра завсегда была слаба на передок, как и повелось с библейских времен. Это только дураки бьют своих женок, а умные – учат. Поучит такой вот, разок, повыбьет моль и тараканов у нее из головы и опять дальше живут, деток растут. Да не чужих, как нынче повелось, а своих. И жили душа в души всю жизнь и умирали вместе. А о разводах твоих и не думали николи, и сроду не знали что это такое. Так-то вот, зятек дорогой.

– Значит вы на полном серьезе предлагаете мне избить свою дочь?! Я правильно вас понял?! – глядя в упор на нее, произнес Круглов.

– Не избить, а сделать внушение! – выдерживая на себе его взгляд, и не отводя свой, значительно и с нажимом проговорила она, сложив у себя руки на животе. – Думаешь, мне самой легко произносить эти слова?! А только не ее мне жалко в первую очередь, а внученьку мою любимую, крохотулеч-

ку ненаглядную. Как она дальше будет меж вас двоих. Как меж двух огней? Ведь не сегодня, так завтра, все уже начнет понимать. И что тогда делать?

– Да я вас, в принципе, понимаю. Но что хотите со мной делайте, а поднять руку на мать своего ребенка я не смогу! Если б еще застукал на горячем, куда б еще ни шло, а так... – делая вялый отмахивающийся жест, произнес он.

– Ну, как знаешь. Я свое слово сказала. Вам жить. Смотрите сами. Только потом не говорите, что я вас не предупредила, – сказала она, грузно поднимаясь с кухонного стула. – Конец все равно не за горами, тут и к бабке не ходи.

И опять потекло время. Ни мира в доме. Ни войны, а так, будто соседи по коммуналке, вынужденные встречаться друг с другом на кухне. Иногда, после очередного «рабочего загула» Оксана, чувствуя свою вину во всех семейных нестроениях, пыталась неуклюже ластиться поздними вечерами, и даже ночью изредка старалась изображать былую страсть. В эти часы Захар робко лелеял надежды о том, что может быть, все образуется, жена «перебесится» и все войдет в прежнее, уже порядком подзабытое русло. Но наступало утро и все начиналось заново. С каждым разом эти надежды становились все призрачней и призрачней, и в конце концов окончательно сошли на нет. Семью от окончательного распада удерживала только дочь, ну и еще немного теща. Невеселая история, в общем. А тут еще как на грех, позвонил шурин и в достаточно обидных словах попенял матери, на ее небрежное, по

его мнению, отношение к остальным членам семьи, включая и его самого, у которого не так давно тоже родился ребенок. Да и отец, удрученный незаслуженной отставкой, требовал повышенного внимания, начиная все чаще и чаще заглядывать на дно стакана. Скрипя сердце, пришлось Марии Степановне признать, что в горьких словах сына имеется свой резон. Делать нечего. Пришлось собирать тещу в обратный путь. Это был один из тех редких случаев, когда зять отпускал загостившуюся у него тещу с такой неохотой и сожалением, как будто рвал какую-то струну, до этого крепко связывавшую его с этой вдруг ставшей родной женщиной. Провожая, зареванную, как девчонка, далеко не молодую женщину на вокзал, почему-то подумал, что больше уже не увидит ее никогда. Утирая слезы тыльной стороной ладони, та сквозь всхлипы пыталась уверить его, что как только позволят обстоятельства. Она ни на секунду не задержится там, а примчится невзирая ни на что, что разлука продлится недолго, от силы месяц-полтора. А он только вздыхал и поддакивал, держа в руках ее чемоданы. Дочь не пришла на вокзал, чтобы проводить мать. Якобы была срочно вызвана на работу. Отделалась эсэмэской: «Мамуля, пока-пока». Фирменный поезд «Жигули» уже тронувшись, вальяжно и не спеша, словно чеховский барин-помещик, выходящий на утреннюю прогулку из флигеля, начал набирать скорость, а Мария Степановна все стояла на подножке, выглядывая из-за массивного плеча проводницы, и махала, махала, махала рукой Захару.

Вернувшись домой, она по несколько раз в день, несмотря на дорогой роуминг, звонила, справляясь о самочувствии и делах оставшихся зятя и внучки, не интересуясь при этом дочерью. И каждый раз заканчивая разговор с зятем уверяла того в скором своем возвращении. Потом звонки стали реже, затем сократились до одного вечернего и однажды совсем прекратились. А спустя еще день, как гром среди ясного неба, пришло известие о скоропостижной смерти Марии Степановны. Не выдержало сердце, оторвался тромб. Видимо. События последних месяцев фатально сказались на ее и без того не очень крепком здоровье. «Хоть не мучилась» – подумал машинально в этот миг Захар. Он чувствовал себя одним из главных виновников ее преждевременной смерти. А вот мученья Захара Круглова, только-только по-настоящему начинались. После смерти матери, Оксанка, как сорвавшаяся после многомесячного сиденья на цепи сука, пустилась во все тяжкие. Сбросившая с себя, хоть как-то довлевший над собой авторитет матери, она решила выместить всю накопившуюся за это время злобу на неустроенную, по ее мнению, жизнь, на, ни в чем неповинного ребенка. И неудивительно. Ведь с кончиной матери, границы личной свободы для нее резко сузились. Мало того, что мать брала на себя весомую часть хлопот по поддержанию домашнего очага, так она еще и успевала возиться с внучкой, пока Захар проводил время на службе. Теперь поневоле приходилось целыми днями сидеть дома с так ненавидимым и навязанным ей ребен-

ком. Она забывала, а скорее всего не хотела вовремя менять дочери памперсы, и той часто приходилось дожидаться отца. Результатом этого стали появляться опрелости и по нежной младенческой коже ребенка пошли раздражения, снять которые обычный детский крем уже не был в состоянии. Пришлось обращаться к врачу. Она никогда не брала ребенка на руки, за исключением случаев, когда это необходимо было для переключивания с места на место. А ведь всем известно, что близкий тактильный контакт с матерью, в первые месяцы жизни, особенно важен для формирования устойчивой психики любого ребенка, а особенно девочки. Не играла с ней и не пела колыбельных песен. Все это за нее делал отец. И хотя он тоже не пел для Инессочки колыбельных, но зато неплохо знал песенный репертуар старых советских мультфильмов. Это и выручало всегда в критические моменты. Плавный переход с «рожкового» кормления на «ложечный» тоже принес с собой массу всяческих неприятностей. Не имея ни желания. Ни терпения в проведении такой сложной процедуры, Оксана торопливо совала ложку с едой в рот ребенка как лопату с углем в паровозную топку. В результате чего малышка просто захлебывалась и задыхалась. Конечно же, при этом невольно срыгивала. И конечно же на нерадивую маму. При этом, обрыганная и оттого еще более взбешенная мамаша не находила ничего лучшего для себя, как бить по лбу ребенка этой самой ложкой. Ребенок при этом начинал заливаться горячими слезами, не столько от

боли, сколько от непонимания, за что его бьет эта женщина с постоянно злым лицом. И естественно оставался голодным. Однажды Захар неожиданно рано вернувшийся со службы домой стал свидетелем подобного происшествия. Разразился очередной (они теперь приобрели характер регулярности) скандал. Волевым решением, отстранив супругницу от столь важного дела, он спокойно завершил начатое кормление. Потому, как жадно и с аппетитом ест малышка, он понял, что не вмешайся он сейчас и она осталась бы голодной. Теперь он стал догадываться почему у него с ребенком никогда не возникало никаких проблем с едой. Девочке элементарно было не до капризов. Она просто хотела кушать. Справедливости ради стоит заметить, что все, что касалось детских прививок, жена неукоснительно соблюдала все предписания педиатра. Правда, неизвестно, что было тому причиной, то ли боязнь супруги за жизнь дочери, в смерти которой ее могут обвинить, в случае заболевания, то ли получить ярлык «нерадивого попечителя» от органов опеки со всеми вытекающими отсюда последствиями для своей репутации.

Насколько Захару не повезло с женой, настолько ему повезло с дочерью. С самого своего рождения она ничего не взяла от своей матери. Ни обликом, ни характером она ничуть на нее не походила. Родившись довольно крупненькой – около 60 сантиметров, она, как и все «богатыри» проявила свой характер в том, что была тихим и спокойным ребенком.

Она очень редко плакала, а если и плакала когда, то очень тихо. Почти никогда не устраивала демонстративных истерик, проявляя завидную рассудительность и уравновешенность характера. Удивительно, но проявляя несвойственную для грудных младенцев деликатность, перед тем как «наделать делов» она заранее начинала тихонько покряхтывать, а не после, как это обычно бывает. Практически не нуждалась в соске, так как вывести ее из равновесия можно было только приложив немалые усилия. Бабушка поначалу очень беспокоилась по этому поводу, резонно опасаясь за психическое состояние внучки. Но детский врач, осмотрев как следует ребенка, а затем взглянув на отца, вынесла по поводу «тормознутости» девочки свой вердикт: «Что же вы хотите?! Папина дочка. Вся в отца!» Надо было при этом видеть широко улыбающееся лицо донельзя довольного папаши. Говорят, что младенцы в начале своей жизни будто бы боятся облика своих отцов. Случай с Инессой напрочь опровергал эти домыслы. При виде отца она всегда начинала ему улыбаться и протягивать ручонки. В эти мгновенья ее большие серые, как у папы, глаза лучились безграничной нежностью и абсолютным доверием. А в редкие минуты, когда ее по-настоящему что-то раздражало, она моментально успокаивалась, стоило ему только склониться и прикоснуться к ней. Засыпать она тоже предпочитала исключительно в мужских объятиях. А уж когда, папа взяв на руки свое бесценное сокровище и прохаживаясь по комнатам напевал, готовя дочь ко сну,

песенки, помнившиеся ему с детства, пределу счастья для нее кажется и не было. Этот факт невероятно злил Оксану, и она несправедливо обвиняла своего мужа в том, что он настраивает дочь против нее. Бабушку она тоже любила, но все-таки не так как отца. Она была с ней послушна, спокойна, но как-то обыденно и тускло. Бабушка это замечала, и слегка обиженно поджимая губы, негромко ворчала про себя: «Вот уж уродилось чадушко! Папин хвостик!» В еде Инесса также была неприхотлива, поэтому резкий переход от грудного вскармливания к искусственному прошел для нее без особых сбоев и потрясений. В общем, наперекор всему получился не ребенок, а сплошное чудо. И только умудренная жизненным опытом Мария Степановна, нет-нет, да вздыхала горько: «Охохонюшки... Эх и трудно же ей будет потом найти для себя жениха». На недоуменный вопрос Захара о причине предполагаемой трудности, охотно отвечала: «Девки, они ведь завсегда в женихи стараются подобрать такого, который будет на отца походить. А где же ей сыскать еще одного такого же ангела?!» «Ангела...» – словно эхом отозвался внутренний голос Захара.

От людских глаз ничего не укроешь, поэтому сослуживцы и начальство Захара, так или иначе, но были в целом в курсе его домашних перипетий и, как могли старались войти в его сложное семейное положение, часто идя ему навстречу, но все равно нужно было искать какой-то, более или менее, приемлемый выход из сложившейся крайне нездоровой об-

становки. Захар всем нутром своим чуял, как петля семейно-бытовой безысходности все туже и туже затягивается на его шее. Мама Захара – Ольга Валентиновна, тоже ничем помочь в этой ситуации не могла, потому как будучи еще не старой продолжала трудиться на одном из оборонных заводов Реутова, потому что надо было помогать дочери поднимать двоих близняшек, отец которых едва дождавшись, когда им исполнится год, смотал удочки куда-то на Север, да там и пропал. Единственное, чем мать могла и всегда охотно это делала, так это консультировать сына по тем или иным бытовым и воспитательным вопросам. Сестра тоже иногда звонила и делилась своим опытом. И еще выручали посылки с плодами, собранными на приусадебном участке, частые и щедрые, собранные заботливой материнской рукой. Выход из сложившейся ситуации был один, и он лежал на поверхности. Необходимо было дождаться, когда девочке исполнится полтора года, чтобы можно было ее оформить в ясли-сад. Оставалось еще почти полгода. Можно было бы на это время попробовать нанять няню, но как это воспримет дочь? И как воспримет нахождение в доме посторонней женщины супруга? Над этим стоило еще хорошенько подумать.

С этими невеселыми думами он и сидел весенним прохладным вечером на скамеечке возле детской песочницы, мерно покачивая коляску в которой сидела тепло одетая дочка. За этим занятием его и застала черная с рыжими подпалинами довольно крупная собака – помесь овчарки и двор-

няги. Она почти неслышно подошла откуда-то сзади и протянув лапу для пожатия Захаром, уселась на задние лапы рядом с коляской, помахивая по асфальту своим в рыжих ломах хвостом. Он сразу узнал ее. Это была всеобщая любимица дворовых ребятишек собака по кличке Фуфайка. Печальную, но вместе с тем обычную историю жизни Фуфайки знал весь двор. Когда-то у нее были хозяева, и она носила совсем другую кличку, о которой сейчас уже никто и не вспомнит. Она жила в одной из квартир многоэтажки, что стояла во дворе. Какие отношения у нее были со своими хозяевами, история умалчивает, а только когда они решили поменять свое прежнее местожительство на новое, то решили собаку с собой не брать. Опасаясь, что собака может увязаться за ними они не нашли ничего лучшего для себя, как запереть ее в квартире с небольшим запасом сухого корма в надежде, что новые хозяева, купившие это жилье, в скорости отпрут двери и выпустят ее на волю. Новые хозяева не торопились с переездом. Три дня и три ночи проскулило несчастное животное, пока соседи измучившиеся от непрекращающегося ни днем ни ночью воя, сами злые как собаки не вызвали участкового и эмчезовцев, для взлома дверей. Когда двери, наконец, взломали, взору свидетелей предстало измученное и истощенное животное с капельками засохших слез в уголках карих глаз. Вскрытый пакетик с сухим кормом был нетронут. Шаркающей старческой походкой, хотя она была еще молодая и полная сил, пригорбясь и раскачи-

ваясь от голода на ходу, она кое-как выбралась из подъезда наружу. По мнению Захара, все собаки произошли либо от шакалов, либо от волков. Те собаки, что имеют своими предками шакалов, за тарелку жидкого супчика с костью, готовы день и ночь лизать хозяину пятки, терпя от него побои и прочие несправедливости, рассуждая про себя, что от добра – добра не ищут, а потому следует примириться с действительностью и не высовываться со своим мнением. А те собаки, что произошли от волков, с достоинством принимая пищу из рук хозяина платят ему честной и преданной дружбой, но не прощают оскорбления своей чести. В роду у Фуфайки, явно присутствовала волчья порода. Она не ринулась на безуспешные поиски предавших ее хозяев. Она осталась жить здесь, в месте, где провела свои первые годы жизни, где ей был знаком каждый уголок и запах каждого, кто проживал в этом большом дворе. Все те, кто знал ее и историю ее злоключений всегда старались чем-то помочь. Жители двора подкармливали собаку кто чем мог – остатками от обеда, косточками, на которых еще можно было разглядеть остатки мяса, да и просто зачерствевающим хлебом, который жалко было выбрасывать. Добрейшее существо, она очень любила детей, и поэтому всегда играла с ними во дворе. Она позволяла им вытворять с собой все что угодно, прощая даже таскание за хвост. Даже бабки, вечно сидящие на приподъездных лавках, целыми днями осуждающие все и вся, не задевали ее своими пересудами, считая Фуфайку неотъемлемой

составляющей дворового общества. Никогда никого не укусившая, и даже не облаявшая, если ее уж сильно доставали детские, не всегда добрые проказы, она только жалобно поскуливала. Но это случалось чрезвычайно редко. Дети всей душой любили ее и тоже изо всех сил старались подкормить, принося ей, то кусочек колбаски, то какую-нибудь сосиску, а то и вовсе котлету, украденную со стола. А когда та, неожиданно для всех, вдруг в первый раз разродилась, принеся в помете нескольких таких же, как она сама, черненьких щенков, то при деятельном участии нескольких доброхотов, и при всеобщем одобрении жителей двора, для нее, из кем-то выброшенного на помойку громадного старинного шкафа, была сооружена вполне приличная и достаточно просторная будка. Чтобы дождь и снег не повредили старинному дереву, будку обложили кусками оставшегося от недавнего ремонта крыши рубероида. Впрочем, на зиму Фуфайка перебиралась со щенками в подвал дома, где проживал Захар, двери в который никогда не закрывались на ключ, по просьбе жителей. Там, среди труб с горячим отоплением в сухости и тепле они и проживали до самой весны. По всем собачьим меркам жизнь Фуфайки и ее семейства, если и нельзя было назвать слишком шикарной, то вполне сносной – безусловно. Захару тоже очень нравилось это добродушное и при всем при этом очень деликатное существо. Он и сам нет-нет, да подкармливал и ее саму и щенков, таких же добродушных, как и она сама, всегда крутившихся рядом со своей матерью, поэтому

без всяких натяжек считавшим себя ее приятелем, с чем и сама Фуфайка была полностью согласна. Сам Захар долго недоумевал по поводу более чем странной клички собаки, спрашивая знакомых ребяташек, с чем это может быть связано, но те лишь пожимали плечами. Такие вопросы обычно не посещают детские головки дошкольного возраста. Дети, как не раз отмечал про себя Круглов, предпочитают не заморачиваться по таким незначительным с их точки зрения поводам. Но так как Захар был человеком по натуре своей любопытным, то в конце концов он разгадал тайну происхождения ее прозвища. Тайна оказалась до банальности простой. Молодые мамочки, еще не знавшие собаку как следует, выводя на прогулку своих маленьких детей, опасаясь, что большая собака, находящаяся рядом может как-то испугать или того хуже, искушать ребенка, всегда покрикивали на нее: «Фу, фу, отойди отсюда». Так, по мнению Захара, родился первый слог ее нового имени. Дети же, что постарше, играя с собакой, часто кричали: «Фас! Взять его! Фас!». Конечно же собака никого не кусала несмотря на неразумные призывы расшалившейся детворы, но это обстоятельство никак уменьшало их энтузиазма и возгласы «фас» сквозь визг и смех детей продолжались. Вот он и второй слог нашелся. Кому-то из ребяташек пришло в голову объединить два слога. А кто-то из взрослых, услышав странное буквосочетание, ради смеха добавил концовку. Получилась ФуФайка. Дети в подавляющем большинстве не знали что это такое, но с радостью его

восприняли. Ибо непреложная истина гласит: чем нелепей название, тем оно прилипчивей. Так и пошло. Собаченция тоже не возражала против нового имени, и уже спустя короткое время стала отзываться на него. Захар вправе был гордиться своими дедуктивными способностями.

Услышав, как Инесса ворочается там у себя в коляске, Фуфайка встала на задние ноги и положив передние на край коляски сунула свой любопытный мокрый нос внутрь, где в полусидячем положении находилась дочь. Захар при этом негромко, но твердо пристрожил собаку:

– Только, чур, не лизаться в лицо! А то прогоню.

Захар был уверен, что Фуфайка отлично поняла его предостережение. Меж тем глаза маленькой девочки встретились с собачьими и вдруг распахнулись во всю ширь от неожиданности. Она никогда до этого не видела собак. Вся ее недолгая жизнь была наполнена совсем другими образами, совсем непохожими на этот. Она уже умела управлять мимикой лица. Могла улыбаться, если это было лицо папы, хмуриться, если видела материн облик, хитренько щуриться при виде бабушки и принимать безразличный вид при лицезрении посторонних. Теперь же она находилось в явном тупике, не зная как реагировать на неожиданного гостя. Страх в глазах ребенка не было. Чего ей ждать от этого лохматого с незнакомым запахом посетителя? Ища поддержки своим раздумьям на стороне, она поискала глазами отца, с которым привыкла немо советоваться в различных жизненных

обстоятельствах. Отец находился рядом – это успокаивало. Отец улыбался, значит, ничего плохого не будет, и можно тоже улыбнуться непрощенному, но чрезвычайно интересному гостю. Собачий нос вплотную приблизился к ребенку. Девочка протянула к собачьей морде свою маленькую ручку. Язык Фуфайки на миг коснулся ее ладошки. Девочка тут же захихикала. Ей было щекотно. Она поняла – это не враг, и уже облапив обоими ручонками лохматую морду засмеялась откровенно и радостно. Рядом сидел счастливый и гордый за свою смелую дочку отец и тоже улыбался, забыв на краткий миг обо всех своих заботах и невзгодах. Так началась дружба между маленькой девочкой и большой собакой, против которой отец девочки не имел никаких возражений, вполне обоснованно считая, что контакт с животным миром гармонизирует развитие ребенка и привьет ему много полезных черт характера.

Худо-бедно, но как-то выкрутились эти полгода. Сначала приехала мать, взявшая на работе отпуск. Затем на смену ей прибыла сестра с двумя очаровательными мальчиками близняшками. И просторная квартира, к радости Захара и Инессы и явному неудовольствию Оксаны, на несколько месяцев наполнилась веселым детским гамом. Впрочем, супруга и здесь нашла свою выгоду, почти сразу же уехав в Москву, по якобы наследственным делам и пропадала там почти два месяца, чем нисколько не огорчила ни дочь, ни мужа. А там и подоспело время оформлять дочку в ясли. Можно

мыло на этом слегка перевести дух. Ясли Инесса тоже восприняла спокойно и с достоинством, не устраивая сцен и как будто все понимая. Захару даже показалось, что она вовсе не против нахождения там, среди сверстников. Это несколько разрядило крайне нервную обстановку в доме, так как давало Оксане больше свободного времени для своих личных дел, в которые Захар предпочитал не соваться. Она по-прежнему ревновала дочь к отцу, но упорно ничего не желала предпринимать, для того, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Кажущееся спокойствие в доме Круглова вроде бы воцарилось, но стена отчуждения между его женщинами только еще больше возрастала, превратившись для обеих сторон в неприступный бастион.

Все бы ничего, человек может приспособиться жить и в гораздо более худших условиях, а только с некоторых пор, стал Захар замечать в своей супруге и нечто новенькое. Сначала в доме стали появляться брошюры с туманными названиями и невнятным текстом, но явно религиозного содержания. Со временем брошюрок становилось все больше и больше. Они уже занимали не одну полку на стеллаже, а почти целый шкаф. Книги, которые ранее находились на этом месте, включая Большую Советскую Энциклопедию и Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, как-то незаметно перекочевали на антресоли. А место, где всегда висел подаренный им на свадьбу натюрморт, заняло большое деревянное распятие. Затем в квартире стали появляться жур-

налы под названием «Башня Стражи» . Захар, несмотря на свое «солдафонство» был достаточно образован, чтобы не знать, что это за журналы и кто их печатает. Это ему сильно не понравилось. А затем в квартиру стали захаживать, правда, ненадолго, женщины неопределенного возраста с мышечными лицами и бегающими по сторонам маленькими злыми глазками, постоянно о чем-то пришепетывающие и оглядывающиеся, как будто что украли. «Постылые шептуньи» – так называл он их. Но с другой стороны, жена перестала задерживаться на работе, стала гораздо строже одеваться и перестала злоупотреблять косметикой, а главное чему втайне Захар радовался больше всего, так это то, что прекратились эти постоянные подвозы на иномарках с букетами цветов. Правда она начала куда-то пропадать по субботам до позднего вечера, а возвращаясь, была какой-то потерянной и погруженной в неведомые мысли. На вопросы о том, где она пропадает каждую субботу до вечера, Оксана не отвечала, строго поджимая губы. В конце концов выяснилось куда она бежит по субботам, после того как она сама однажды пригласила его пойти с ней, договорившись оставить дочку на то время с одной соседской бабушкой. Захар не удивился, когда жена привела его в один из частных домов, окруженных высоким и глухим забором. Он и раньше догадывался о существовании такого дома, а теперь его догадка получила свое подтверждение. Это был так называемый «молитвенный дом». Захар, аж сплюнул с досады. Уже через час, не

выдержав монотонного бубнежа, выскочил оттуда, как ошпаренный. А на жену махнул рукой: ну ее к бесам, дурищу.

Абсолютным счастьем для обоих стало непродолжительное время, когда Оксана движимая маниакальной тоской по столице, укатила туда в очередной свой отпуск. Оказалось, что этим двоим, для полного счастья не надо было слишком многого, всего то, чтобы никого из посторонних и непосвященных в их любовь. Их отношения не омрачало даже то, что иногда, из садика ему приходилось забирать дочь с большим опозданием, и девочка терпеливо дожидалась его, находясь в обществе пожилой сторожихи. Дома же, маленькая хозяйка, всячески старалась помогать отцу в меру своего детского сознания и уже полученных первых жизненных навыков. Она старательно, во всяком случае, как ей самой это казалось, орудовала веником, подметая полы, что-то там пыталась стирать, налив самостоятельно в тазик воды, помогала на кухне, больше путаясь под ногами. Она, казалось, готова была часами сидеть тихо, не шевелясь, с восторгом и обожанием смотря на него и слушая, как он читает ей сказки. От ее немого обожания ему порой становилось даже как-то неловко. Укладываться же спать на ночь желала исключительно в папиной кровати, обнимая того за шею и уткнув свой носик в его плечо. А он после того как она уснет, осторожно, чтобы не разбудить перекладывал свое сокровище в ее кроватку. Захар знал, что поступает крайне непедagogично, но ничего не мог с собой поделать. Рос его авторитет в глазах дочери.

Рос его авторитет и в глазах окружающих. Молодые мамы во дворе, привыкнув видеть его все время в компании хорошо и опрятно одетой девочки, уже начинали консультироваться у него по тем или иным вопросам детского воспитания и он, нисколько не смущаясь, охотно давал такие консультации. Даже бабки, сидящие у подъезда, раньше отпускавшие в его адрес ехидные замечания и донимая неудобными вопросами, стали куда более уважительно смотреть в его сторону, нередко приглашая присесть рядом с ними и отдохнуть. Это была вершина признания его педагогических талантов.

Шло время. Инесса росла не по дням, а по часам, превращаясь в хорошенькую девочку с очень крупными серыми глазами и постоянно не по-детски серьезным выражением лица. Хорошо развитая умственно и физически, чему способствовало постоянные занятия с отцом, она уже в три года довольно бегло читала все, что было написано печатными буквами, хорошо считала до ста и немного освоила основные арифметические действия, могла подтянуться на турнике десять раз, являя собой пример органично развитой личности. Она как и все дети в ее возрасте играла с ребяташками в саду и у себя во дворе, была вежлива со взрослыми, никогда и никому не отказывала в просьбах о помощи и не грубила, никогда не ябедничала ни на кого, но при случае могла постоять за себя и за более младших. Зная почти все матерные слова, которым научилась невольно в садике, никогда

их не употребляла, зная, что папе это не понравится. Она не была угрюмой букой, просто ее маленький жизненный опыт подсказывал ей, что не стоит распахивать свою душу перед каждым встречным-поперечным, а уж доверять в этом жестоком и беспокойном мире можно только одному человеку на свете, и у этого человека было имя «папа». Именно в силу этих обстоятельств она очень трудно сходилась на коротке с кем-нибудь, имея в подружках всего пару соседских девчонок сверстниц и собаку с нелепой кличкой «Фуфайка», в которой поистине души не чаяла. Инесса не напрасно пользовалась отцовской любовью и служила предметом его постоянной гордости. Девочка была очень искренней и правдивой, но правду говорила, как оказалось не всю, и не всегда...

Как-то раз, вернувшись после полевых учений, забирая в очередной раз Инессу из садика, он обратил на себя внимание пожилой воспитательницы. Она подошла к нему и потянув за рукав отвела в сторонку, пока Инесса возилась с упрямыми шнурками, которые ни в какую не желали завязываться. В отличие от молодых воспитательниц, она помнила наизусть имена и отчества всех родителей детей ее группы:

– Захар Ильич, голубчик, вы обратили внимание на синяки, которые присутствуют на коленях вашей дочери?

– Да, Клавдия Тихоновна, обратил, – подтвердил он.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Я спрашивал у дочери буквально вчера. Она сказала, что упала.

– Да?! И где же?

– Говорит, что во дворе. Бегали с другими девочками на перегонки и упала. А что?

– Видите ли, молодой человек, – она сняла с носа большие очки в роговой оправе и в задумчивости стала складывать и раскладывать дужки, – я занимаюсь детьми уже более тридцати лет, поэтому уж поверьте моему опыту, это никак не связано с падением. Если бы это было простое падение, то оно бы непременно сопровождалось ссадинами и царапинами, как это обычно бывает. А здесь, как вы сами можете убедиться сплошной кровоподтек синюшного цвета, но без кожных повреждений.

– А что это тогда, по-вашему? – уже с ноткой страха спросил он.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Мне она сказала то же самое.

– Честно говоря, я привык доверять словам своей дочери, – уже чуть более холодно сказал Захар.

– Я тоже уже хорошо знаю вашу дочь. Но мне кажется, что это не тот случай.

– Что вы имеете в виду? – продолжал недоумевать он.

– Ничего. Просто советую поговорить с ней начистоту. А если не поможет, то пронаблюдать за ней.

– Вы предлагаете мне шпионить за собственной дочерью?!

– Не шпионить, а понаблюдать. Согласитесь, что это раз-

ные вещи. Кстати, а почему я так редко вижу ее маму?

– Почему «кстати»?! Она вчера забирала и позавчера тоже, – опешил он. Потом взяв ситуацию под контроль, уже несколько извиняющимся голосом добавил. – У нашей мамы очень сложный график работы.

По дороге домой, он все время пытался разговорить дочь по поводу обнаруженных синяков. Но так ничего и не добился. Инесса была неприступна, как сейф швейцарского банка. Расспросы жены тоже не дали никаких результатов. Инцидент постепенно начал забываться, перейдя в разряд «очевидного, но невероятного». Через непродолжительное время их дивизию опять подняли по тревоге и марш-броском отправили в степь под Оренбургом, где должны были состояться общевойсковые учения под командованием чуть ли не самого Иванова, который иногда любил себя поразвлечь подобным масштабным зрелищем. Но что-то там, как обычно не срослось в верхах, и учения пришлось свернуть раньше планируемого срока. Безумно соскучившись по дочери, Захар летел домой как на крыльях. Была суббота, поэтому в садик за ней идти было не нужно. Бегло оглядев двор и не найдя там дочери стал подниматься домой. Он хотел сделать сюрприз и появиться дома неожиданно. Тихонько вставив ключ в замочную скважину, открыл дверь. Еще из прихожей услышал какой-то унылый речитатив жены и вторящий ему детский надрывный голосок. Поставив тихонько «тревожный» чемодан на пол, Захар осторожно выглянул из-за

дверного косяка. От увиденного его глаза моментально полезли на лоб. На стуле, спиной к нему сидела Оксана и монотонным голосом с остановками читала какую-то религиозную белиберду из раскрытого журнала, который держала на вытянутых вперед руках. А рядом с ней, стоя на коленях, Инесса повторяла за матерью ее слова. Недолго думая, Захар коршуном ринулся к дочери, чтобы поднять ее с колен. И только подскочив вплотную, понял, что она не просто так стояла на коленях перед распятием. На полу лежала картонка размером примерно с альбомный лист, на которой густым слоем была насыпана гречневая крупа. Именно на крупе своими коленями и стояла его дочь. Подхватив ее под локотки, поставил на ноги. Ноги у ребенка дрожали. Кинув взгляд на дрожащие коленки ребенка, Захар на секунду впал в ступор. Крупа была буквально вдавлена в кожу Инессы. А ее острые грани, как десятки мелких гвоздей впившись своими кончиками, оставили не просто отпечатки на коленках, а превратили их в кровавое месиво. Мелкие, как бисер капельки крови, кое-где уже подсохшие, видно она уже долго стояла на коленях, покрывали собой почти всю поверхность истерзанных коленей. Только завидев своего любимого папку, дочка, наконец, решилась заплакать, давая волю накопившимся чувствам боли, обиды и счастья от его появления. До этого, она судя по всему, как-то крепилась, вынося на себе невероятные страдания. **ЯРОСТЬ.** Ярость от увиденного ужаса мгновенно бросилась ему в голову и затопила собой мозг. Под-

скочив к испуганно тарашейся супруге, до которой начинал доходить ужас содеянного, он, обхватив ее плечи начал трясти супругу как спелую сливу, крича и брызгая ей в лицо слюнями:

– Тварь! Тварь! Тварь! Я убью тебя, паскуда! Придушу, а башку твою поганую в мусорное ведро брошу!

Голова Оксаны от такой невероятной тряски болталась, как привязанная на веревочке, из стороны в сторону. Казалось еще один миг, и она просто отвалится, откатившись куда-нибудь под диван. Она вопила во все горло, противно и с привизгом бензопилы, пытаясь вырваться из рук Захара. Но не тут-то было. Из стального захвата рук, привыкшего банить стволы своих «гвоздик» майора вырваться было невозможно. Клещи его пальцев, с неумолимостью подбирались к ее горлу. Оксана уже начала хрипеть, беспорядочно размахивая руками. Лицо Захара было страшным. В эти мгновения из него выплескивались вся боль и горечь, которые он претерпевал все эти годы. А смешавшись с яростью, брызжущей из его глаз трансформировались в смертный приговор для жены. Зрелище было настолько ужасным и непривычным, что Инесса, перестав давиться своими слезами с распахнутыми в крайнем изумлении глазами, молча смотрела, засунув в рот кулачок, как папа первый раз в жизни поднимает на маму руку. Очнувшись от оцепенения девочка, несмотря на свои раны, резво подбежала к сцепившимся родителям и дергая отца за штанину изо всех своих сил закричала:

– Папа! Папа! Не надо! Папа! Папа! Оставь ее!

Слова дочери достигли его сознания и он с силой отшвырнул жену на диван, под распятие, с которого молча и скорбно взирал на произошедшее, склонив голову, древний мученик. Задирая кверху ноги, Оксана рухнула на диван, размазывая слезы, вперемешку с соплями. Круглов склонился над поверженной супругой, все еще шипя от неостывшей ярости:

– Ты помнишь, тварь, что я уже обещал тебя убить?! Так вот, посмотри, – он, не оборачиваясь, махнул рукой позади себя, – кому ты обязана за спасение своей поганой и никчемной жизни!

После этого выпрямился и подхватив на руки Инессу скорым шагом направился в ванную. А Оксана осталась сидеть на диване, тихонько всхлипывая и туго доходя своим умишком до мысли о том, что вспышкой своей ярости, Захар, кажется, спас ее от больших неприятностей. Захар тем временем священнодействовал в ванной комнате. Вымыв наскоро свои руки и налив теплой воды в тазик, он поставил в него дочь и осторожными касаниями начал отколупывать впившиеся зерна гречихи из коленок, попутно проводя экспресс-допрос:

– Зачем она, – не называя имени супруги из принципа, начал он, – поставила туда?

– Мама сказала, что ты на учениях будешь, а там стреляют и значит могут убить, поэтому надо у боженки просить, чтобы он тебя спас.

– А помнишь, месяц назад, я тебя спрашивал про синяки на коленях? Ты тоже тогда стояла на гречке и просила боженьку?

– Да. Только не на гречке, а на фасоли, – со знанием дела ответила дочь.

– А сейчас почему она тебя не на фасоль поставила? – продолжал допытываться Захар, обрабатывая дочуркины ранки из домашней аптечки, находившейся тут же.

– Потому что те учения были... види... диве... дивизионными, – с трудом выговорила она, – а эти... оше... оше... общие

– Общевойсковые, – поправил он ее.

– Да. И значит более опасные. Так мама сказала, – подхватила дочь.

– Ну и?

– А чтобы бог услышал молитвы мамины надо пострадать. А с фасолью не так страдается, как с гречкой, – внесла ясность Инесса.

– Вот пусть бы она и стояла, коли так опасалась за мою жизнь! – вырвалось у него невольно и с надрывом.

– Она сказала, что кто-то из нас должен пострадать. Вот я и сказала, что сама хочу.

– Но зачем?! – уже предвидя ответ дочери, воскликнул он.

– А разве непонятно?! Ведь я люблю тебя больше чем мама..., – и с этими словами она обхватила за шею, склонившегося над ней отца.

Слезы брызнули из глаз Захара. Дело принимало несколько другой оборот. Жена оказывалась не профессиональной садисткой, а чокнутой на религиозной почве, что, разумеется, не делало ее менее опасной, но хоть как-то объясняло ее поведение. Позже выяснилось, что «умерщвление плоти» не ограничивалось стоянием на бобовых и злаковых, иногда оно принимало форму завязанного узлом конца мокрого полотенца, чтобы не оставлять явных признаков избиения. Но это уже была совсем другая история, не относящаяся напрямую к данному повествованию.

Пока же Оксана несколько попритихла и даже несколько поумерила религиозное рвение, почти перестав посещать молитвенные собрания, да и макулатуры в доме явно поубавилось. Захар же напротив, лишь усилил бдительность и контроль по отношению к жене.

Прошло еще немного времени. Девочка уже перешагнула свою первую «пятилетку». Был теплый летний июльский день. Опять суббота. С утра поехали с дочкой в парк культуры и отдыха имени 50-летия Октября. Она уже давно просилась отвезти ее туда, чтобы посмотреть и покормить лебедей, которые проживали там, в домиках, на середине искусственного водоема. Раньше все как-то не получалось, а теперь пора было выполнять обещанное. В парке провели время до самого обеда. Возвращались в приподнятом настроении. До обеда оставалось еще около получаса, поэтому Захар разрешил Инессе навестить свою любимую подружку –

Фуфайку, которая месяц назад опять оценилась от невесть кого, и принесла семерых милых щеночков. Отпустив дочку во двор, сам заезжать туда не стал, а остался на улице возле машины, приподняв капот, ковыряясь в ее внутренностях.

Как уже сообщалось выше, Фуфайка была всеобщей любимицей местной детворы и поэтому всегда охотно принимала участие во всех детских забавах. Она всегда очень ровно относилась ко всем ребятишкам, разрешая им вытворять с собой все что угодно. Но отношения с Инессой у нее были особые. И если по отношению к себе Фуфайка разрешала любые эксперименты, то это никак не касалось ее потомства. Она никому не разрешала брать ее щенков на руки, пока те не достигнут определенного возраста. Она не рычала и тем более не кусалась, но всячески старалась не подпускать никого к своему выводку, а если какой из щенков все-таки попадал в руки одного из ребятишек, то она подходила к нему, и аккуратно перехватив свое чадо поперек туловища зубами, забирала его из рук такого ребенка. И уж конечно она никого не пускала в свою будку. Незваных гостей она попросту вытаскивала оттуда, уцепив зубами за штанину или края платья. Видимо собака каким-то своим чутьем понимала, что дети порой в безудержной своей ласке могут попросту затискать еще не окрепших щенков до смерти. Однако из всех правил бывают исключения. Таким исключением и была Инесса. Только ей разрешалось заходить в будку и брать в руки еще слепых щенков. Собака была абсолютно

уверена, что девочка с большими серыми глазами, на всегда серьезном лице, никогда не причинит ни малейшего вреда ее потомству. И эта уверенность имела под собой прочную основу. Так было и в этот раз. Щенки, радуясь погожему солнечному дню, высыпали вслед за матерью из будки. Все кроме одного, маленького, круглого со всех сторон, как голыш, и оттого немного растяпистого. Из-за этой своей растяпистости он зачастую опаздывал к обеду, беспомощно тычась в уже занятые чужими пастями мамины соски. Инесса была хорошо осведомлена об этой его особенности, поэтому старалась не упустить момент кормления, когда это было возможно и почаще его подкармливать, когда такой момент упускался. Все щенки у Фуфайки всегда получались черного цвета, но не абсолютно. Присутствие рыжих, реже серых пятен, обнаруживалось то на лапах, то на боках. Этот же был похож на маленький живой кусочек кузбасского антрацита, черным от носа до кончика вечно подрагивающего хвостика. Ему вполне бы подошла кличка нечто вроде Черныша или Уголька, но Инесса упорно звала его Колобком и спорить с ней по этому поводу ни у кого не было смысла.

Выскочив из машины, Инесса, пообнимавшись с подружкой, разлегшейся на травке, быстро пересчитала спящих возле нее щенков и не найдя Колобка ринулась на его поиски. Поиски не заняли много времени. Инесса быстро нашла его, пыхтящего и кряхтящего, пытающегося разобраться со своими лапами, которые ему никак не удавалось уговорить

перелезть через высокий порожек будки. В маленькой поясной сумочке у Инессы хранилась половина котлеты от завтрака. Именно остатками этой котлеты она и собиралась подкормить своего любимца. Для этого ей пришлось залезть в будку, дабы в тайне от его ушлых братьев и сестер, провести нужную процедуру.

И отец и дочь, занятые своими делами, не заметили, как во двор въехала большая грузовая машина. Она была выкрашена в темно-зеленый цвет с будкой на шасси вместо кузова и двумя надписями на боку – крупной «ветеринарная служба» и мелкой «отлов бродячих животных». Громкие и резкие хлопки, как удар хлыста, щенячий визг и вой раздавшийся и тут же оборвавшийся мгновенно сообщили Захару, что случилась какая-то беда. Сопоставив в уме собачий вой, хлопки и представив дочь в окружении щенков, он выскочил из-под капота своей машины и припустился в сторону шума, где уже начинал раздаваться хор детских кричащих голосов. Эти детские крики еще больше добавили ему скорости. Прибежав во двор, понял, что опоздал. В задние, распахнутые дверцы кунга, двое молодцов в спецовках неразборчивого цвета и с короткоствольными гражданского образца винтовками за плечами уже закидывали бездыханное тело Фуфайки. Инессы нигде не было видно. Процессом погрузки руководил пожилой с недельной щетиной на щеках и подбородке мужичок в кепке «а ля Лужков». Он подскочил с мужичку и схватил того за грудки, явно намереваясь в порыве пра-

ведного гнева вытрясти из него всю мелочную душонку. Вообще, с некоторых пор, Захар и сам стал с удивлением отмечать, как легко ему удается терять самообладание и трезвость рассудка. Нервы были не к черту. Вопреки ожиданиям, мужичок не стал ни сопротивляться, ни уворачиваться, а только тихо и спокойно сказал:

– Отпусти.

Тут только Захар разглядел, что правый рукав его пиджака аккуратно заправлен в карман.

– Что вы себе позволяете?! Среди бела дня, на детской площадке, да еще при детях! – срывающимся от бессилия и ненависти голосом, пролязгал Захар, все же отпуская щетинистого распорядителя.

– Ты паря, кулачонками передо мной не маши и заботящегося о детском целомудрии из себя не корчь, – спокойным голосом ответил тот, расправляя левой рукой помятый реглан пиджака, – мы ведь тоже не от балды здесь, а на службе.

– Но зачем так-то, ведь можно же было как-нибудь по-иному?! – продолжал бушевать Круглов.

– Как по-иному?! В городе объявлено чрезвычайное положение в связи со вспышкой бешенства среди домашних животных. Мы обязаны любыми средствами срочно локализовать эпидемию.

– Но ведь есть же какие-то более гуманные методы... Отлов, например. А затем тестирование..., – не унимался За-

хар.

– Какое на х... тестирование?! У них же все по остаточному принципу! Деньги нашлись только на патроны, – парировал он слова Круглова.

Между тем его помощники собирали щенков и по два кидали к убитой ими матери. Детский плач и рев не прекращался. Кое-где слышались недовольные голоса жителей, возмущенных этой жестокой расправой.

– А дети?! Вы подумали, какую душевную травму вы наносите им своими действиями?! – в праведном негодовании воскликнул Захар.

И тут однорукого прорвало:

– Слушай, ты! Учитель мля... Не мы сами, а кто-то из ваших накатаз заявку, что во дворе бродит собака и пристает ко всем детям! Все вы хороши за чужой счет! Моралисты! А из вас всех, тут недовольных, хоть у кого-нибудь шевельнулась забота в голове?! Кто-нибудь из вас за свой счет догадался сделать им прививку?! – кивнул он в сторону распахнутых дверей кунга. – Или хватило ума хотя бы вскладчину купить псине ошейник?! Вы же знаете, что в тех, кто в ошейниках мы не стреляем. Я уж молчу, что никто из вас, святош, не взял собаку к себе. Мебель погрызет, обои поцарапает! Так?! И после этого смеете предъявлять нам претензии?! Добренькие значит?! А мы значит дерьмо?! Да?!

Захар стоял, ни жив, ни мертв. Безрукий мужичок, ни разу не коснувшийся его, сумел надавать оплеух и повозить

его, майора Круглова, мордой об асфальт.

Присмотревшись к одорукому, как следует, заметил очень характерный продолговатый шрам на шее справа. Сопоставив шрам, отсутствие руки и примерный возраст, неожиданно спросил враз потишевшим голосом:

– Афган?

Тот молча кивнул, доставая пачку «Примы» из левого кармана пиджака. Ловко вытряс оттуда сигаретину, засовывая ее в рот. Положив пачку назад и достав зажигалку начал щелкать колесиком по кремню, пытаясь закурить. Закурив, произнес:

– Кунар . 45-й ИСП .

Затем сделав глубокую затяжку спросил в свою очередь:

– Сам-то я смотрю, тоже из служивых?

– 23-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, – отрекомендовался в свою очередь Захар.

Сзади неслышно подошла Инесса, держа Колобка на руках.

– Папа! Что случилось?! Где Фуфа?! Почему стреляли?

– С тобой все в порядке? – перебил ее отец. И дождавшись утвердительного кивка продолжил допрос, явно увиливая от прямого ответа. – Ты где была?

– В будке лежала, – невозмутимо ответила дочь.

– Как это, лежала?! – удивился отец.

– Просто. Ты же сам всегда говорил, что когда стреляют, надо лечь на пол и прикрыть голову руками. Вот так, – и

она показала, как это делается, на секунду выпустив и тут же опять подхватив на руки беспокойного щенка. – Папа, где Фуфа?!

«Афганец» отвернулся, чтобы дым сигареты не задел лицо девчушки.

– Видишь ли, доча, в городе началась эпидемия среди собачек, – он с трудом подбирал слова и тщательно прятал свои глаза от пытливо-вопрошающих глаз дочери, – и поэтому дяди приехали, чтобы забрать их к ветеринару. Видишь, вон написано на машине: «Ветеринарная служба».

– Я слышала, как кричали щенки и плакала Фуфа. Что с ними?! – голос девочки звучал все тверже и подозрительней.

– Да. Это так, – согласился с ней отец. – Вон видишь, дяди с ружьями. Это они стреляли. Но ты не волнуйся. Они стреляли не по-настоящему. Патроны были усыпительные. Сейчас их отвезут к доктору, который лечит животных. Я тебе читал про Айболита, помнишь? Вот. Там они поспят, доктор их осмотрит и проверит, болеют ли они или нет. Если они больны, то их будут лечить.

Стоя спиной к ним, «афганец» громко хмыкнул.

– А потом их отпустят. Или отдадут в хорошие руки, – продолжал витийствовать отец, кожей ощущая, как между ним и дочерью начинает нависать тень недоверия.

– А как же Колобок?! Его тоже заберут?

– Нет-нет! – поспешил Захар, оглядываясь на курившего распорядителя. – Колобка мы сами потом с тобой отнесем к

ветеринару. А сейчас иди, отнеси Колобка домой, ты же ведь хотела иметь собачку?

– Что?! Правда?! Можно?! – не веря своему счастью, воскликнула Инесса.

– Правда! Можно. Только надо будет уговорить нашу маму, – уже чуть спавшим голосом закончил он свою фразу.

– Только и у Фуфы надо спросить разрешения. А то она проснется, а Колобка – нет. Она будет плакать. Можно я спрошу у Фуфы разрешение? – спросило сердобольное создание.

– Нет! – едва не хором ответили оба мужчины.

– Нет, – еще раз повторил отец. – Она сейчас спит, и будить ее нельзя. А то опять потом придется ее усыплять, а это как ты сама слышала, не очень приятно будет для нее опять.

Она опять внимательным взглядом посмотрела на отца. Врать могли все – мать, подружки, воспитатели в саду, надписи, даже собственные глаза могли обманывать, но только не отец. Этой мысли она не могла допустить даже на краткий миг.

– Ну беги, давай, – слегка подтолкнул он ее.

Девочка послушно пошла к дому. Бережно прижимая к груди свое первое маленькое сокровище.

– Детям всегда надо говорить правду, – не оборачиваясь к Захару, процедил сквозь зубы ветеран прошлой войны.

– Какую? – усталым голосом спросил его Круглов.

– Любую! – рубанул тот.

– Зачем? – спросил Захар и без того чуя абсурдность задаваемых им вопросов.

– А затем, – отрезал собаколов, – чтобы они знали, какую сволочную работу, мы вынуждены делать каждый день. И чтобы с детства приучались не предавать своих друзей. Ни на четырех, ни на двух ногах.

С этими словами он кинул окурок оземь и полез в кабину уже подъехавшего к ним грузовика. Едва не забыв закрыть капот своей машины, Захар на ватных ногах побрел к дому. Дома, как он и предполагал, уже всюю из кухни разорвалась Оксана. В углу, сидя на корточках и прислонившись к стене, насупившись, сидела Инесса, прижимая к груди Колобка. Не обращая на вопли супруги никакого внимания, Захар прошел в комнату и не разуваясь, плюхнулся на диван, жестом подзывая к себе дочь. Крепко прижав к себе, не выпускающую из рук щенка дочь, тихо проговорил:

– Ты уж прости меня, дочка. Прости своего глупого отца, если сможешь...

– За что?! – вытаращив глазенки, удивилась она.

– Соврал я тебе. Нету больше нашей Фуфы и детишек ее тоже нет.

– Как?! Ты же... – часто-часто моргая ресницами начала она, но потом будто подавилась чем. Слезы моментально наворачнулись ей на глаза.

– Не успел я добежать. Убили их, – прижимая к себе еще сильнее ребенка одной рукой и глядя ее по соломенным во-

лосикам другой, почти прошептал отец.

– Убийили! – тонко и с надрывом повторила она. Слезы душили ее, а тельце содрогалось от почти беззвучных отчаянных рыданий.

Прижимая к себе дочь, он и сам не заметил, как его собственные слезы замутили взор. Так они и сидели, слегка покачиваясь и вздрагивая плечами от очередного всхлипывания. За этим занятием их и застала Оксана, раздосадованная тем, что ее никто не слушает. Зрелище, открывшееся ее взору было настолько непривычным, ибо она не привыкла видеть плачущую навзрыд дочь и тем более плачущего вместе с ней мужа, что она предпочла захлопнуть свое едалище, и тихо-тихо пятясь задом, вновь вернуться, откуда только что пришла.

Успокоились, где-то, через час. Кое-как поели сами и накормили щенка. Оксана ни в какую не соглашалась оставить щенка дома, мотивируя свой отказ тем, что днем, когда никого дома нет, за ним не будет и присмотра. Довод, конечно, был более чем убедителен и требовалось его опровергнуть. С опровержением пока выходила заминка. Но жена милостиво разрешила оставить его до понедельника, пока муж не купит для него хотя бы ошейника. Весь вечер щенок просидел возле входной двери, тихонько поскуливая. Брать его к себе в постель мать с отцом Инессе не разрешили. Это было, пожалуй, единственное обоюдное согласие супругов за долгое время. А утром, едва забрезжил рассвет, Оксана тихонько,

пока все спали, открыла входную дверь и вынесла Колобка на улицу. Своим же домочадцам объяснила, что вынесла его утром на улицу, чтобы тот справил свою нужду, но он де вырвался от нее и убежал, а она бедняжка, не смогла его догнать в туфлях на высоком каблуке. Отец с дочерью только переглянулись, понимающе. Впрочем, из этой проблемы трагедию делать не стали. Оба прекрасно понимали, что далеко со двора Колобок никуда не денется и от своей будки никуда не убежит, поэтому решили разделить обязанности: дочь после завтрака отправляется во двор искать «убежавшего» щенка, а отец едет в специализированный магазин и покупает там щенячий ошейник и поводок. Здесь же, за столом и пришло решение всей проблемы в целом. К всеобщему удовлетворению решили, что в четверг, когда у Захара начнется очередной отпуск и он, как это уже и было в прошлом поедет с дочерью к своим родителям в Реутов, они с собой захватят и Колобка. Тем более не так давно мать Захара – Ольга Валентиновна, проживающая в частном секторе, жаловалась, что старая собака, охранявшая дом умерла, а новую пока что не смогла подобрать. Только к этому времени его надо будет найти и успеть до отбытия сделать ему нужные прививки, а то в поезд не пустят. На том и порешили.

Если с покупкой ошейника не возникло никаких проблем, то это нельзя было сказать про самого щенка. Его местонахождения определить так и не удалось. Инесса обшарила весь двор и опросила всех знакомых. Все опрошенные, ви-

дели его, то там, то тут, но сказать, где он находится в данный момент, затруднялись. Поиски Инесса не прекращала. В среду, знакомые мальчишки сообщили ей, что будто бы видели его в компании каких-то уличных собак, проходивших мимо двора, они вроде как стали его окликать, но тот проигнорировал их призывы. Времени практически не оставалось. Билеты до Реутова уже были куплены.

В эту ночь Захару так и не удалось уснуть. Боль в груди, которая, то увеличивалась, то затихала, липкая духота июльской ночи, волной цунами нахлынувшие воспоминания не дали сомкнуть глаз. Уже перед тем как пора было вставать, в комнату заглянула Инесса, и увидев, что отец тоже не спит, прошлепала босыми пятками по полу к его кровати.

– Папка! Знаешь, что я тебе хотела сказать? – прошептала она подойдя к его кровати вплотную.

– Что, дочка?

– Папка, – повторила она с придыханием, – я тебя воот так вот люблю! – С этими словами она обвила его шею ручонками и приникла головой к его груди.

– Спасибо, дочка! – так же тихо прошептал он ей, глядя рукой ее головку. – Ты настоящий друг!

– Я тебя никогда-никогда не брошу! – продолжила она, не отрывая своей головы от его груди. – А когда ты станешь совсем стареньким, я сама буду кормить тебя из ложечки и читать тебе газеты. Вот!

В горле у Захара запершило от нахлынувших чувств. Пора

было вставать, но он все гладил и гладил ее по голове, а она никак не хотела отпускать его шею.

Завтрак прошел в молчании, как обычно. Сегодня предстоял последний поход в садик, перед тем как уехать в далекий Реутов к бабушке.

Когда Захар с дочерью вышли на улицу, он обратил внимание на отсутствие привычных уже бабушек у подъезда, которые обычно с самого раннего утра уже начинают оккупировать все дворовые лавочки. Ни души. В самом дворе тоже было необычайно пустынно. Никто не спешил на работу, родители не вели детей в садик. Создавалось впечатление, что город замер в ожидании чего-то и боится это «чего-то» ненароком спугнуть. Уже выходя со двора, они услышали как зашуршали кусты, и вдруг из них выкатился черный, как уголь щенок. Будто холодный сквозняк пронесся между лопатками, и разом как-то стало невыносимо зябко, словно неожиданно осень на секундочку заглянула в летний месяц.

– Колобочек! – взвизгнула Инесса и бросилась к нему со всех ног.

– Нашелся, бродяга! – вторил ей разулыбавшийся отец, оглядываясь по сторонам в поиске источника необъяснимого холода.

Колобок не стал докладывать о том, где он пропадал все это время. Инесса подхватила его на руки, но он обычно спокойно чувствующавший себя на ее руках до этого, сегодня был какой-то беспокойный и все время норовил увернуться.

– Пап! Может, все-таки оставим его себе?! Ведь у него никого-никого не осталось! Он совсем один!

– Дочка, ты же знаешь нашу маму. Она найдет тысячу способов, чтобы избавиться от него. К тому же ты и сама прекрасно понимаешь, что за ним нужен постоянный присмотр.

– Я сама буду вставать раньше, и выгуливать его!

– А днем?

– И днем что-нибудь придумаем! Если мы вдвоем пойдем против мамы, она отступит. Я знаю.

– Знающая, ты наша! – усмехнулся он и присел на корточках рядом, чтобы тоже погладить щенка.

Он уже протянул к нему руку, когда поймал на себе оставившийся взгляд Колобка. Сорокаградусный мороз ошпарил все тело Захара, когда их глаза встретились. Это был не Колобок. Вернее, это был он, но взгляд не принадлежал ему. Из глубины черных как ночь глаз на него смотрела сама СМЕРТЬ. И Захар почувал, что это была именно его смерть, а ни чья иная. Она была беспощадна и неотвратима. Сердце опять тягуче и нестерпимо заныло. Он отдернул руку от щенка, будто обжегшись в пламени. Щенок тоже что-то почувствовал и отвел глаза. Захар с трудом поднялся. Колобок, тем временем, как-то ухитрился извернуться из объятий Инессы, и юркнуть обратно в непролазные кусты.

– Ой, папа, он опять убежал! – всплеснула дочь ручонками.

– Ничего, дочка. Раз нашелся, значит, теперь не убежит.

Будет здесь поблизости ошиваться.

– Правда!?

– Правда. Пойдем, а то опоздаем, и нас будут ругать, – сказал он, увлекая дочь за собой.

Уже подходя к пешеходной «зебре», он по привычке взял Инессу за руку. Впрочем. Сегодня она и не пыталась вырываться, как обычно это делала. Напротив, она сама вцепилась в отца, словно боясь его потерять. Эта часть города летним утром, как правило, не изобиловала большим количеством автотранспорта, ибо многие горожане уже находились в отпуске, как и он сам, а немногочисленные пока еще фирмы по бытовому обслуживанию населения открывали свои двери гораздо позже. Строго соблюдая правила при переходе проезжей части, Захар дождался, когда на светофоре загорится разрешающий сигнал и не выпуская детской ладошки из своей руки твердым шагом направился на противоположную сторону тротуара. Они уже дошли почти до середины, когда он повернул голову направо. Неизвестно откуда взявшийся лоснящийся хромированными «обвесами» в утренних лучах Солнца бегемотообразный джип с бешеной скоростью и срежая угол на повороте, яростно и неумолимо приближался к ним. Ни проскочить вперед, ни тем более повернуть назад Захар физически не успевал. Если бы он был один, то попытался бы как-то отскочить или проскочить мимо этого жутко рычащего чудовища, но в его руке была доверчиво устроившаяся ручка той, которую он любил больше всего на свете.

В глазах сразу потемнело и сердце, бухавшее до этого, как кузнечный молот, вдруг разом замолчало. Времени на размышление не осталось ни единого мгновенья. И он принял решение...

Служба ПВ-перемещений:

местное время 07часов 45минут 56секунд

Внимание! Появление неучтенного фактора

Приготовиться к возможной внештатной ситуации

Объявляется готовность к разрыву контакта и рассинхронизации объектов «1» и «2»

Напрягая все мышцы до разрыва сухожилий, он с невероятной силой дернул дочь за руку, отшвыривая ее от себя туда – вперед к спасительному краю бордюра. Он вложил в этот рывок всего себя, всю свою накопленную и не растраченную за многие годы силу... и ЛЮБОВЬ. От этого, невероятной силы рывка, Инесса взлетела почти на три метра вверх и по пологой параболе пролетела еще примерно метров пять или шесть, нелепо махая ручонками в воздухе, словно неоперившийся птенчик крылышками. Он еще успел остатками сознания заметить ее широко раскрытый рот, замерший в немом крике ужаса, когда гора всей массой со всей скоростью сшибла и отшвырнула его изломанное тело. Последней его мыслью была мысль о том, что он все-таки: « Успел... » Девочка приземлилась на тротуар уже за границей проезжей части. Удар был страшным.

В одно мгновение тело Захара Круглова было смято и из-

ломано чудовищной силой. Все сосуды и артерии были оборваны, а внутренние органы сплющены и перемешаны. Зрелище всего этого, одновременно, представляло из себя, ужас и отвращение, почти на грани психологического восприятия. Однако не всегда то, что со стороны кажется безусловной трагедией, является ей на самом деле. Во всяком случае, не для Кругловых. Да-да, это не авторская описка. Кругловых было двое. Вернее он был один, но состоял при этом из двух совершенно разных частей. Одна его часть, как это и положено в соответствии с устоявшимися поверьями совершила неспешный и увлекательный «полет в трубе» и, увидев «свет в конце тоннеля» замерла, остановившись на некоторое время. В общем, все, как утверждали люди, которым якобы посчастливилось перейти за грань смерти. А вот вторая с невероятной для человеческого восприятия скоростью рванула ввысь. Туда. К звездам. ДОМОЙ!

III

Служба ПВ-перемещений

Местное время: 07 часов 50 минут 32 секунды

Внимание! Чрезвычайная ситуация. Вмешательство неучтенных факторов.

Несанкционированное присутствие объекта «3».

Несанкционированное присутствие объекта «4»

Объект 2 выведен из контролируемого координатного по-

ля.

Несанкционированный контакт между объектами «1» и «4» установлен.

Произошла общая рассинхронизация событий.

Жизнедеятельность объекта «1» прекращена.

Экстренная эвакуация объекта «2».

Операция окончена аварийно.

Захария, как это и было положено во всех без исключения девяноста восьми перевоплощениях, очнулся в позе человеческого внутриутробного плода лежащего на правом боку, на который его заботливо пристроили чьи-то очень умелые руки. Он как-то интересовался у техников службы ПВ-перемещений с чем это связано, но из путаных в своей зауми объяснений уяснил только то, что именно такая поза наиболее оптимальна для выхода и возвращения в свое естество при подобного рода путешествиях сквозь пространство и время. Прислушался к своим внутренним ощущениям. Гулко и мощно ухало сердце, будто «баба», которой забивают сваи. Медленно открыл глаза. Приглушенный чуть зеленоватый свет, исходящий, казалось бы, отовсюду нисколько не раздражал. Все также не торопясь скосил глаза направо. Белоснежная атласная простыня приятно холодила голые ноги. Вставать решительно не хотелось. Сердце понемногу успокаивалось, но он решил все же схитрить сам с собой, чтобы продлить мгновенья очаровательного блаженства. сосре-

доточившись, он начал вспоминать все, что с ними обоими происходило в этом воплощении. С ним и его реципиентом. Невольная гримаса пробежала по его лицу – не нравился ему этот эпитет. «Как же его звали?! Ах, да, Захар». Удивительное совпадение имен. С ним такого еще ни разу не случилось. Словно четки перебирал события из их общей памяти, то улыбаясь, то морщась от нахлынувших воспоминаний.

Стоп!

Будто тысячи горячих иголок вонзились ему в голову. Нестерпимым жаром накатила от позвоночника волна и словно обручем сдавила мозг. Сердце, бившееся до этого с размеренностью швейцарского брегета, со всего маху остановилось и разом ухнуло в пропасть...

«Инесса!»

Голова буквально взорвалась от последней картинке воспоминаний... Её последний немой крик: «Па-а...!» катапультой подбросил его с ложа, раскаленная сковорода, а не мягкая и прохладная простынь казалось сейчас была под ним. «Как же так?! Инесса! Я тут, а она осталась там! Что с ней будет?!» – вихрем пронеслись мысли в голове. Рывком сел, свесив ноги на пол. В висках застучала молоточками кровь. Инструкция настоятельно рекомендовала не делать резких движений в первые минуты после возвращения из командировок. К черту инструкции! Он был абсолютно голый. Глазами искал привычное место для одежды. Так и есть. Кем-то аккуратно сложенное нижнее белье, тога с зо-

лотой оторочкой по краю (Гм... знак полковничьего достоинства) лежали стопкой на низкой подставке, расположенной в углу помещения. Там же прислоненные к стене стояли два белоснежных крыла плавно переходящие по окоему в светло-голубой цвет. Рядом с ними скромно примостились котурны с кучей ремешков. Облачившись в тогу и закрепив ее складки на груди массивной золотой пряжкой в виде головы льва, сунул ноги в сандалии. Вздохнул. Очень ему не нравилась эта форма одежды, к тому же он всегда почему-то стеснялся своих голых коленей. С крыльями пришлось повозиться дольше. Большие – более метра в высоту они произвольно изгибались, и все время норовили упасть пока он, изрядно помучившись, не пристегнул их к спине, закрепив наплечными ремешками. Пока возился с крыльями, как-никак прошло более тридцати лет, с тех пор как он надевал их в последний раз, немного успокоился, начав приводить мысли в порядок. Наконец покончив с облачением в парадный мундир, мельком глянув на себя в большое напольное зеркало, вышел из помещения, прикрыв за собой дверь.

Выйдя в широкий и светлый от облицовки натуральным белым мрамором коридор, оглянулся по сторонам. Его никто не встречал. Ну да это и не удивительно, встречают, как правило, новичков вернувшихся из первых циклов, а он был опытным сотрудником в немалых чинах. Коридор здания Шестого – «Русского» (как все его звали неофициально) сектора простирался влево и вправо от Захарии на много

сот метров, олицетворяя своей перспективой бесконечность. Поднял глаза. Над дверью, что находилась напротив двери, из которой он только что вышел, горело электронное табло с часами указывающими текущее время. Часы по сложившейся традиции показывали московское время. В «Москве» было 7 часов и 26 минут. Несмотря на ранний час, коридор отнюдь не пустовал – ночные смены готовились к сдаче вахты, а утренние начинали потихоньку подтягиваться на службу. В ноги отдавало гудением трансформатора сверхвысокого напряжения, работающего где-то в подвале. Тут и там сновали молодые ангелы и ангелицы младшего офицерского состава, в мгновение ока, то появляясь из неоткуда заходили в многочисленные двери, выходящие в коридор, то наоборот, выходя из дверей исчезали в никуда, деловито неся в руках папки и кейсы. Ангелы более высокого ранга, а потому и с более крупными крыльями за плечами, предпочитали банальной телепортации, мерное и неторопливое вышагивание словно древнегреческие перипатетики, с натянутыми на лица масками задумчивой отрешенности. Младшие в своей суетливости старались таких важных особ не задевать, поэтому частенько сталкивались между собою. От этого в воздухе стоял приглушенный шорох и хлопанье, напоминающий Захариин птичий базар. Все было знакомо и привычно. До кабинета шефа, куда он решил направиться первым делом, было далеко, но он по примеру старших ангелов не захотел воспользоваться телепортом, а решил прогуляться пешком, же-

лая не столько размять ноги сколько еще раз привести мысли в порядок. Спешить, по сути, было уже некуда. Предотвратить прошедшее событие по причине его свершения представлялось невозможным. Что же касалось всего остального, то у него было время на обдумывание своих дальнейших шагов в этом направлении. Повернувшись налево, Захария зашагал прямо по коридору. Навстречу иногда попадались знакомые ангелы. Приветствовали друг друга высоким поднятием рук. Иногда останавливались, чтобы перекинуться парой-тройкой малозначащих фраз, типа: «Привет! Уже вернулся?!», «Ну как там?! Где был на этот раз?!», «Ты куда? К шефу?» Приходилось останавливаться, отвечать такими же ничего не значащими фразами: «Привет! Да вот только что вернулся», «Там, все как обычно», «Да, к шефу. Нет, отпускные еще не получал». Пустые разговоры отвлекали и сбивали с основной мысли, но негласный этикет в общении, выработанный тысячелетиями требовал безукоризненной вежливости. Не отсюда ли пошла знаменитая фраза об «ангельском терпении»? В результате чего, дорога к кабинету руководства и так не слишком близкая, превращалась почти в бесконечную. Она вела мимо бесчисленного множества всяких аппаратных, операторских, контрольно-измерительных, технических и подсобных помещений. Вереницей шли испытательные стенды, лабораторные с загадочными, даже для него, самого, функциями, реквизиторских и прочих помещений. Повсюду царил деловая атмосфера крупной корпо-

рации. Деловая суета напоминала ему некую смесь между крупным НИИ и вокзалом в час-пик. Ноги с непривычки к долгому пешему хождению гудели, а котурны, надетые на босу ногу, изрядно натерли пальцы и пятки. Когда, спустя более часа, Захария, всерьез начавший жалеть об игнорировании телепорта, уже собрался было им втихаря воспользоваться, наконец-то появилась широкая и высокая ниша, скрывающая в себе массивные двухстворчатые дубовые двери с такими же массивными бронзовыми ручками и золотой табличкой с двумя лаконичными, черного цвета надписями «Приемная» «Архангел Гавриил». С заметным усилием, потянув на себя ручку тяжелой двери, он проник в приемную, едва-едва не прищемив крылья, ибо возвратный механизм двери сработал со скоростью гильотины. После ярко освещенного коридора приемная встретила его приглушенным светом канделябров искусно сделанных «под старину». Глаза медленно привыкали к полусумраку помещения. Последний раз он был здесь почти 33 года назад. В убранстве приемной почти ничего не изменилось за исключением того, что, во-первых, со стола секретаря куда-то пропал моноблок с ЖК-кристаллическим дисплеем, а вместо него появился вполне приличного вида голо-монитор с 3D проектором, управляемым мысленными усилиями. А, во-вторых, появилась молоденькая и прехорошенькая ангелица-секретарша в чине младшего лейтенанта, о чем говорил цвет и узор, идущий по краям ее тоги. Секретарша, без преувеличе-

ния, была настоящей красавицей, сошедшей с глянцевой обложки журнала для мальчиков пост-пубертатного возраста. Пышные льняного цвета волосы до плеч обрамляли настолько миловидное личико с большими голубыми глазами, что он невольно засмотрелся на нее, забыв на несколько мгновений о том зачем, собственно, сюда и пришел. Её ресницы были такими длинными, что казалось, хлопни она ими, и вместе с ними схлопнется и превратится в точку сингулярности весь окружающий мир. Кожа на лице ее была такой чистой и гладкой, что скорее походила на мейсенский фарфор, чем на настоящее лицо. Губы ее рта были настолько прелестны в своей целомудренной красоте, что хотелось немедленно прикинуть к ним долгим и жадным поцелуем. Он невольно сделал глотательное движение, одновременно подумав про себя не без ехидства: «Эге... а шеф-то у нас хоть и ангел, но отнюдь не монах». Секретарша, упорно не желала его замечать, сосредоточив все свое внимание на мысленном управлении компьютерными процессами. Но Захария и сам не торопился более настойчиво заявлять о себе. Из-за этого складывалось такое ощущение, что она вообще отсутствует на рабочем месте, погрузившись в один из информационных потоков. «Стажерка, – подумал он. – Из кадрового резерва». К ним частенько присылали таких ничего не знающих и ничего не умеющих молодых практикантов для того, чтобы они хоть немного поднаторели на ниве небесной бюрократии. Он был почти уверен, что стажерку шефу буквально навязали,

так как знал, что тот не любит никаких изменений в своем личном окружении. Последние полторы тысячи лет, должность секретаря исполняла, уже не молодая, но чрезвычайно опытная в секретарском деле, из «обращенных», по имени Олимпиада Дормидонтовна – женщина поистине выдающихся деловых качеств, и еще более выдающихся габаритов. Шеф был и сам не маленького роста, поэтому всю жизнь (по крайней мере, последние 3000 лет, что Захария лично знал его) предпочитал женщин под стать себе и с пышными формами. «Орлы мух не ловят», – часто приговаривал он, глядя на свою неизменную помощницу. Эта же, судя по бликам от виртуального экрана монитора на ее лице, выглядела сущей пигалицей по сравнению со своей предшественницей. Пауза уже начала затягиваться, когда он все-таки решил, что с него довольно, негромко кашлянул для привлечения внимания к своей персоне. Юная ангелица подняла на него свои глаза, и ее фарфоровое личико слегка порозовело от не напускного смущения. Решив немного отомстить за явное невнимание к себе, не поприветствовав, деловым тоном спросил, кивая головой в сторону двери, ведущей в кабинет:

– Шеф у себя?

– Ой, товарищ под... ой, (опять ойкнула она) извините, полковник?! А я сразу вас узнала! – воскликнула она, заулыбавшись и еще сильней разругавшись, от чего ее кукольное личико стало еще милей.

– Эээ... – невнятно проблеял он, явно не ожидая такого

поворота событий.

– Ну как же! Вы у нас на первом этаже в вестибюле висите на доске почета «весь Рай ровняется на них». Я всегда люблю, когда мимо прохожу. А мы вас еще не ждали. Думали, что вы пока на реабилитации будете.

– Наверное, все-таки не я, а мое фото висит на доске? – решил съехидничать он.

– Да-да, конечно, – чуть смутившись, пробормотала она, скромно опуская реснички. Девчонка явно начинала ему нравиться, поэтому не став далее вгонять в краску молодую особь, он еще раз спросил, но уже куда более ласковым тоном:

– Так что насчет шефа? У себя? Принимает?

– Да. У себя. Подождите минуточку, я сейчас доложу о вас.

Она с улыбкой бодренько вспорхнула с крутящегося кресла и метнулась к двери обитой красной кожей. Стоя на полу, она уже не оказалась такой миниатюрной, как он предположил вначале. «Ого, крошка, а ты не такая уж и пигалица, как мне показалось сперва», – невольно про себя отметил Захария. И в самом деле, когда она поравнялась с ним, то оказалось, что её рост всего лишь на полголовы меньше чем у него. Это приятно пощекотало его ноздри. Сам немалою роста, он любил статных и высоких женщин с рельефными формами. Тихонько пискнув, она потянула ручку двери на себя. Вопреки ожиданиям дверь послушно начала открываться с нето-

ропливой грацией объевшегося бегемота. Она юркнула в образовавшийся проем. Ждать пришлось недолго. Буквально через пять секунд она также резво выскочила из кабинета и, придерживая одной рукой дверь, второй сделала приглашающий жест входящему.

Захария, ничуть не колеблясь, вошел в кабинет. За время его отсутствия, в кабинете, так же как и в приемной разительных перемен не случилось. Всё тот же толстый, с длинным по щиколотку ворсом шемаханский ковер во всю площадь немаленького помещения, стены, облицованные светло-ореховыми панелями, высокие и широкие окна с подоконниками, уставленными всевозможными цветами в горшочках, массивный дубовый стол, расположенный у противоположной от входа стены заваленный бумагами и аппаратами телефонно-селекторной связи. Шеф был отчаянным ретроградом, поэтому предпочитал держать в руках телефонную трубку, стилизованную под «старину», нежели носить в ухе шарик миниатюрный шарик связи. К столу шефа был перпендикулярно приставлен столик поменьше с двумя приставленными к нему изящными золочеными креслицами в стиле барокко. Все как было в прошлый раз. Шефа во главе стола не было. Среди обильной зелени, усеявшей подоконники, Захария не сразу увидел своего начальника. Тот стоял в проеме окна, держа в руках небольшую садовую лейку из которой бережно поливал предмет своей ничем не обоснованной гордости и вполне обоснованного бесконеч-

ного разочарования – гигантскую маммилярию . «Проклятая верблюжья колючка», – как в сердцах иногда выражался он в адрес своего кактуса, вымахала, чуть ли не в два метра, но упорно не желала зацвести. Впрочем, когда у шефа было хорошее настроение, то «проклятая верблюжья колючка» превращалась в «наш ответ лорду Керзону». Архангел повернул голову в сторону вошедшего. На вид непосвященного, старшему ангелу было примерно за пятьдесят лет, а никак не восемь тысяч, о чем свидетельствовали документы. Впрочем, этого нельзя было сказать и о самом Захарии. Тридцатилетние с хвостиком черты его лица скрывали за собой почти пять тысяч лет полной приключениями жизни. Светлая улыбка неподдельной радости моментально озарила резкие черты лица архангела, изборожденные глубокими вертикальными морщинами. Рот растянулся в благостной улыбке, обнажая ряд ровных, как на подбор, белых и крепких зубов, нерастраченных в подкововерных баталиях с недоброжелателями. Однако все это не помешало Захарии заметить, что-то новое в поведении начальника. Громадные, будто выкованные из цельного куска серебра крылья в радостном возбуждении слегка приподнялись и опустились за его могучей спиной. Но глаза, при этом, у него были какими-то испуганными и немного растерянными, будто он только что увидел привидение «белой дамы» в Несвижском замке. «Что это с ним?» – подумал Захария. «Неужели он не ждал моего возвращения?» Впрочем, эта немая неловкость продолжалась

всего лишь доли секунд. Старший ангел быстро взял себя в руки.

– А поворотись-ка, сынку! Экой ты смешной какой! И эдак все ходят у вас в райских куцах?! – слегка переиначив и адаптировав известную всем фразу, воскликнул он. Заведующий сектором любил щегольнуть прекрасным знанием русской литературной классики. Все окружающие были в курсе его маленького увлечения и всегда охотно принимали его манеру общения.

Гавриил подошел и крепко по-отечески обнял подчиненного за плечи. При этом крылья старшего ангела взметнулись, чуть ли не к потолку, создавая неслабое дуновение в кабинете. Слегка отстранив от себя прибывшего из командировки, но, не выпуская его плеч из своих рук, добродушно пророкотал:

– Хорош! Хорош!

На попытку Захарии доложить о прибытии по всей полагающейся форме, заведующий только отмахнулся:

– Молчи! Все знаю! И про жизнь твою, и про дела, и про твои подвиги, особенно последний. Сводку уже доставили. Читал! – кивнул он на стол с бумагами. – Пойдем-пойдем, проходи, садись.

Ненавязчиво подталкивая, усадил в золоченое кресло. В свое, начальственное, садиться не стал, а сел в такое же напротив. Улыбка его по-прежнему светилась лаской и гордостью, за собственным трудом возвращенные кадры. А глаза уже

не были такими испуганными, как вначале. Не давая раскрыть рта, он продолжил:

– Ты у нас герой по всем статьям. Это ведь твое девяносто девятое – последнее перевоплощение. Помнишь, что я тебе обещал в прошлый раз перед твоим уходом?! Приказ о присвоении очередного звания я уже подписал. Он с утра лежит и дожидается тебя в канцелярии. Ну да ты это уже и так понял, когда одевался, – кивнул он на новую тогу Захарии.

– Да я, собственно..., – начал было тот, но опять умолк под натиском шефа.

– Да-да, все понимаю, – опять вскинулся старший ангел. – Твой последний подвиг ставит не просто точку в твоей полевой работе, но, не побоюсь высоких слов, а жирный восклицательный знак! – произнес пафосом он, многозначительно поднимая указующий перст, кверху. – Мало того, что ты спас душу реципиента, не дав завладеть ею темным силам, – и театрално при этом сплюнул через левое плечо, – так еще и уберег от смерти дитя малое, ценой своей жизни!

– Да это он сам изловчился как-то, – вставил Захария.

– Сам?! Скажешь тоже! Сам прекрасно знаешь, что ничего бы он без тебя не сделал, не будь вы с ним одно целое. Я же еще утром просматривал видеоматериалы отчета. Это ведь ты придал ему силы отшвырнуть ребенка метров на десять! Теперь, благодаря тебе, нашего полку прибыло. Реципиент, – тут он невольно поморщился, видимо не нравилось ему это новомодное слово, – не только завершил свой отме-

рянный Всевышним жизненный путь, не замарав себя никакими бесчестными поступками, удостоившись попадания в Райские Кущи, но и сможет впоследствии пополнить наши ряды, став, как и ты, полевым агентом. Он сейчас на сорокадневном карантине, в отстойнике. Если захочешь на него потом взглянуть, то могу устроить...

– Да нет, не надо, – вяло отмахнулся Захария. – Пусть приходит в себя. Ему ведь сейчас тоже будет тяжело после карантина и перемещения. – И уже совсем тихо добавил себе под нос, – как и мне.

Гавриил, не обращая внимания на сказанные почти шепотом слова подчиненного, продолжал:

– Так вот. К чему это я?! Ах, да. С учетом твоих прошлых заслуг, да еще последнего подвига... это ведь как-никак тянет на Ангельскую Звезду с Терновым Венцом и Косицами! В общем, есть мнение, выйти к руководству с ходатайством о награждении тебя этим орденом. Бумаги выправим и отправим сегодня же наверх.

Не увидев на лице собеседника ожидаемой им радости от награды, Гавриил продолжил:

– Да и то сказать, ценз по перевоплощениям тобой выполнен. И выполнен успешно. За все девяносто девять перевоплощений ни одного замечания. Все твои подопечные, не просто обрели покой и новую жизнь в Райских Кущах, но и дополнили именно наши – ангельские ряды. Рай гордится такими как ты, – говорил старший ангел, опять тыча ука-

зательным пальцем куда-то кверху и смешно при этом вращая глазами. Какой-то ненатуральной театральщиной веяло от всего этого. Захарии все никак не удавалось вставить хоть словечко. Складывалось впечатление, что шеф просто боится давать ему эту возможность. И все же уловив момент, когда начальник набрал побольше воздуха в грудь для произнесения очередной выпоренной тирады, он успел произнести тихим, но твердым голосом:

– Пожалуйста, разрешите высказать просьбу?!

Эти слова, словно иголки, пронзили Гавриила, который в этот момент был похож на воздушный шарик. Сходство было тем более очевидным, что шеф, услышав просьбу издал губами какой-то невообразимый звук – нечто среднее между всхлипом и иканием одновременно. Разом «сдулся», осел и даже как-то приопустил крылья, чинно реявшие над головой до сего момента. Не сообразив, что сказать, только кивнул. Тем временем Захария, опустив глаза в столешницу, произнес:

– Видите ли... Мне срочно нужно вернуться назад. Просто необходимо, – с натугой выталкивая из себя слова начал он. Видя, как медленно, но верно шеф превращается в подобие «лотовой» жены, продолжил уже чуть более уверенно. – Дело отнюдь не завершено. Остался ребенок. Сирота. Чистая и ничем не замутненная детская душа, – говорил он короткими и рублеными фразами. – Мы просто обязаны спасти ребенка. Насколько я знаю, к ней никто еще не

подселен, а только пока планируется. Ребенок находится без должного присмотра. Но даже если и поделят в ближайшее время, то сами понимаете, ангел-хранитель не может уберечь ни от случайностей и превратностей судьбы, ни от травматизма. Он всего лишь выступает в роли советчика. Я же прошу, только изыскать возможность моего внедрения в кого-нибудь, кто находится рядом, – голос его крепчал. – Вы понимаете, что с ней будет, если мы ее сейчас упустим или физически не убереем?! И это в тот момент, когда силы зла не упускают ни малейшей возможности для того, чтобы завладеть еще не окрепшими душами! А тут такой шикарный случай – сирота!

Услышав какие-то чавкающе-булькающие звуки, поднял глаза к собеседнику. Звуки исходили от шефа, непроизвольно шлепающего губами. Лицо его, которое еще пару минут назад было таким благообразным, сейчас представляло собой огромный белорусский буряк, с размаху насаженный на метровые в поперечине плечи.

– Да...да...да, какая она к бесу сирота!? – мелко крестя рот шепотью просипел архангел. – Ты что, сирот никогда не встречал?! Терминологии не знаешь?! Так в Божепедию глянь!

– Да знаю я терминологию! – начал уже злиться Захария. – А только для нее, отцом и матерью были мы с моим подопечным! И вы, товарищ генерал-лейтенант, прекрасно это сами знаете. И еще знаете, – вколачивал он слова, как гвозди, – что

Оксанка или доканает девчущку окончательно в очередном приступе религиозной экзальтации, либо сделает так, что та обозлится на весь белый свет и уж тогда ее душа точно не сможет попасть к нам, а значит и все мои труды насмарку пойдут. Мне сейчас чудом удалось спасти ребенка. Не душу – всего лишь тело. Я и дальше хочу этим заниматься.

– Смотри-ка, какой защитник сирот выискался! Ты что, забыл, чем закончилась твоя прошлая миссия?! Разве не ты подставил под огонь пулемета свое тело при штурме дворца Амина, чтобы прикрыть собой того молодого лейтенантика?! А ведь у тебя тогда было, если не ошибаюсь, двое маленьких детей! Или ты тогда не думал, что сиротишь детей своих?!

– Напрасно, вы, товарищ генерал вспомнили тот случай! Но я отвечу. Дети не были сиротами. У них была мать. Бала страна. Время было другое, да и люди были другими тоже.

– Время не может быть тем или иным. Оно есть объективное проявление реального настоящего, векторально устремленного в будущее, – витиевато выразился Гавриил в несвойственной ему манере.

– Может. И вы это знаете даже лучше чем я. Как сказал, не помню кто: «бывали хуже времена, но не было подлей». Так как-то.

– Мальчишка! Ты меня еще поучи! – опять было вскипел начальник.

– Простите, товарищ генерал! – чувствуя, что несколько

перегнул палку, произнес Захария, сбавляя тон. – А только ведь обидно получается. Когда такая борьба идет буквально за каждую душу, а тут..., – и он неопределенно махнул рукой.

– Что тут?! Договаривай! – вскинулся опять шеф.

Что договаривать-то? Все на поверхности. Плавает, так сказать...

– Но-но, – насупился архангел, и крылья за его спиной встопорщились. – Попрошу без намеков у меня.

– Ни сном, ни духом, – и уже голосом вкрадчивым и по заговорщически тихим голосом продолжил он, – У нас тут хоть и рай и служба райская считается, а все равно, как ни крути, заведение казенное. Все как у людей. Со своей иерархией, так ее и растак... Ангелы ведь тоже, в большинстве своем те же люди, только бывшие, а значит, и мыслят, и поступки совершают тоже по своей сути людские.

– Ну-ну, продолжай, – насторожился шеф.

Захария никогда не числил себя в специалистах по интригам, но тут его как будто понесло. Откуда что и взялось?! Тут тебе и мимика лица, и тон, как у бывалого заговорщика. Самому было противно и немножко смешно.

– А и продолжу, – охотно согласился хитрый подчиненный. – Девочка-то сейчас на самом, что ни на есть перепутье. Шаг влево, шаг вправо – пропадет или сорвется. А представители «конкурирующей фирмы», если таковая всё же имеется, а не является плодом досужих вымыслов, – ввернул

он к месту, показывая тем самым, что тоже готов блеснуть знанием советской прозаики, в лице Ильфа и Петрова, – не дремлют, и уж как пить дать, но уцепятся за такой шанс перетянуть на свою сторону чистую душу. А тут и наши подоспеют. Пойдут шепотки да разговоры по углам, что «упустили на равном месте, ротозеи» И чье это будет упущение?! Наше с вами! И пальцами будут тыкать в нас, в наш сектор. Да и вас не обойдут.

– А-а-а меня-то к чему приплел сюда?! – опешил Гавриил. Несмотря на свой возраст и опыт руководящей работы он был честен и по-своему бесхитростен в делах подковой борьбы. В этом была его сила, но и слабость.

– А к тому! – назидательным тоном классного руководителя, продолжил плести интригу полковник, – что скажут, а скажут непременно, уж вы мне поверьте, что-де «постарел наш Гавриил. Хватку потерял. И подчиненных не воспитал должным образом». Каково, а?! Дальше, вообще, мысли возникнут у некоторых...

– Какие?! – уже с нескрываемым страхом воззрился архангел на своего визави.

– Такие! Раз-де не тянет старый Гавриил, то и не подыскать ли ему более спокойную и менее ответственную работу? Регистрацию молитвенных прошений, к примеру, – добивая своего начальника, резюмировал Захария.

Казалось, что неподдельный ужас плавал в глазах старшего ангела. Впрочем, подобной сценой, Захария наслаждался

недолго. Несмотря на все, шеф был «тертый калач», а поэтому довольно быстро пришел в себя:

– Эк-кий ты у нас мол-лодец как-кой! – с расстановкой проговорил он. – Ишь, ты, какую хитрую базу подвел под свое желание продлить командировку! Молчи! – видя, как собеседник приоткрыл рот для оправдания, заявил он. – Теперь я буду говорить! А ты будешь слушать и не перебивать старших по званию и возрасту.

Захария захлопнул рот, едва не прикусив себе язык, и быстро-быстро закивал.

– Хоть ты и считаешься в нашем секторе лучшим полевым агентом, однако даже тебе полезно иногда напомнить о нашем предназначении. Мы, ангелы, создания Всевышнего. – Тут он кивнул головой на портретную раму, висевшую над начальственным креслом. Вследствие того, что Всевышний был безОбразен, а именно не имел конкретного образа, то и портреты его соответственно, представляли собой, пустое пространство обрамленное рамой. – Для чего ты думаешь, мы созданы?! Мы созданы для того, чтобы тот полуфабрикатный материал, что называется человечеством, путем долгой и порой изнурительной селекции, поднять на более высокую ступень развития, часть из которого станет обитателями Рая, а часть пополнит наше сообщество. Мы – связующее звено между Ним, – он опять кивнул на пустую раму, – и людьми, порожденными Им. Какова конечная цель всего этого тебе никто не скажет. И я не скажу.

– А что, – вставил Захария, – за все это время так никто у Него и не спрашивал?!

– Почему не спрашивал?! Спрашивали. Но ты же сам прекрасно знаешь, каково это – устраивать допросы начальству. Оно никогда, по большому счету не делится своими планами, а предпочитает отделяться ничего не значащими фразами, либо просто игнорирует вопрошающего. А надоедать начальству с этим... – он побряхтел и пожевал губами. – Чревато. Но нас, ангелов, все это устраивает. Мы живем, развиваемся, учим людей и учимся у людей сами. Происходит процесс конвергенции. Подтягивая людей до своего уровня, в морально-этическом плане, мы многое, в свою очередь, перенимаем у них в плане техническом.

Он встал с креслица, махнув рукой Захарии «сиди мол», медленно подошел к окну. Глядя в окно, не оборачиваясь, продолжал тихим голосом, постепенно его повышая:

– Нас, «природных», не считая шестикрылых, поначалу и было только горстка в несколько тысяч особей и с ними восемь архангелов. Да ты и сам помнишь. Это уж потом «обращенные» стали пополнять наши ряды. Смех, если кому сказать... Самому порой приходилось работать полевым, правда, без полного слияния, но зато без отрыва от основной работы. Днем с человеком, а как тот уснет, так сюда возвращался. Без малого тысячу лет спал вполглаза. Но работу наладили. А потом, вдруг, как гром среди ясного неба. Не ждал, не гадал. Перевод. Меня, когда из Византия, почти

тысячу пятьсот лет тому, вслед за тобой, направили курировать «русский отдел», пока он еще не стал сектором, всё это очень задевало. Я ведь спервоначала сильно в обиде был. «За что, мол, понизили?! В такую дырищу сунули». Сам ведь знаешь, какая тут резня была? Обры, киммерийцы, славяне, скифы... Двенадцать языков. Какие уж тут заповеди?! Какое прогрессорство?! Тоже, навроде тебя, писал реляции, да прошения наверх, слезницы. А сверху только одно: «Вам-де оказано высочайшее доверие». И точка. Как сейчас молодые говорят: «no comment». Но мы выстояли. Нашли на кого опереться, в кого и куда внедриться. А в итоге что?! А в итоге, не прошло и семисот лет, как не стало Византия. Пропал, развалился под гнетом противоречий между слепым клерикализмом одной его части и безумной алчностью другой. Исшаял и растаял яко воск на Солнце. Хоть еще и существовал несколько столетий, но всем и без того было понятно, что ему неминуемо настанет карачун. В конце концов, сектор сначала упразднили до отдела, а впоследствии просто объединили с балканским. И понял я тогда, что воистину неисповедимы пути Господни! – многозначительно воскликнул он, опять тыча указательным пальцем вверх. – А ты меня тут пугать вздумал отделом молитвенных прошений. Мальчишка! – уже совсем миролюбиво присовокупил он.

– Да я разве умаляю ваши заслуги?! Знаю. С самого Древнего Египта под вами ходил, с перерывами.

– Да причем тут мои заслуги?! – отмахнулся Гавриил. –

Ты вокруг посмотри! У нас хоть и «Шестой» по названию сектор, а по сути, давно уже стал «Первым» как по величине, так и по значению, оставив всех остальных далеко позади. Самый многочисленный. Куда там европейскому, африканскому или даже южно-азиатскому секторам. Я уж молчу про североамериканский сектор. Его вообще собираются раскрасировать по другим секторам, за бесперспективностью. Даже «китайский», несмотря на то, что их там, на Земле, как маковых зерен на булке, и то, в подметки нам не годится, ибо нет в них того, что есть у нас – искры Божьей! Тот самый случай, когда количество так и не переросло в качество, – скептически сморщив нос, произнес генерал.

– И тут с вами не поспоришь – у нас самый большой приток «обращенных». Особенно в первой половине XX века, – с грустью в голосе согласился новоиспеченный полковник. Ему вспомнился трагический период, в результате которого их сектор существенно раздался в объемах.

Словно угадав мысли своего подчиненного, Гавриил, тоже с печалью в голосе начал и продолжил со все больше усиливающейся интонацией в голосе после каждой фразы:

– Ты только не думай, что я радуюсь этому обстоятельству, – насупился он. – Мне ведь, так же, как и тебе хочется, чтобы наш сектор рос не за счет таких радикальных методов и моря людских страданий. Думаешь, у меня не рвалось сердце при виде умирающих детей блокадного Ленинграда?! Или защитников Брестской крепости?! Или думаешь, я не

отправлял рапорты в штаб-квартиру с просьбой об отправке на фронт в части ангельского спецназа?! Отправлял! Да так, что мне и писать их запретили специальным распоряжением! Меня вон, люди на иконках малюют то с веточкой, то с цветочком, а мне бы меч, как у Мишки! И чтобы гвоздить и гвоздить им супостатов наполю.

– Мне бы шашку да коня, да на линию огня... – явно кого-то цитируя, пробормотал Захария.

– Вот-вот, именно так, – не поняв колкости подчиненного, подтвердил Гавриил. – Но повторюсь еще раз. Не от нас сие зависит. Не от нас! – с нажим повторил он.

– Я все понимаю, товарищ генерал-лейтенант. Но согласитесь и вы, что приток «обращенных», в последние 50-60 лет, резко снизился, даже в нашем секторе. Я пока шел сюда к вам, много наслушался от встречных по этому поводу. А еще одного подобного расширения нашего сектора не переживем ни мы, ни люди. Для нас это будет последнее расширение перед кончиной, а для людей просто кончиной. Они просто закончатся, и нам не откуда будет черпать ни своих будущих сограждан, ни тем более свои будущие интеллектуальные ресурсы. Мы, хоть и долгоживущие, но не бессмертные. Пройдет еще десять-двадцать тысяч лет и самые старые из нас начнут умирать, элементарно превращаясь в песок. А от гибели, в результате катаклизмов или еще каких-либо несчастных случаев, так и вовсе мы не застрахованы.

– Это всеобщая тенденция. Люди стали более циничными

и более эгоистичными в своей приземленности, – невольно передернув плечами, безапелляционно заявил старший ангел.

– Или в них закончилась пассионарность, – задумчиво закончил за шефа Захария.

– Ты тоже стал сторонником Льва Николаевича с его теорией пассионарного этногенеза?! Сейчас это стало модным течением.

– Да кое-что почитывал. Еще там. На Земле.

– Он сейчас выступает с лекциями на эту тему во всех уголках Рая. Обращенные и ангелы толпами слетаются, чтобы его послушать. Я тоже пару раз ходил. Занятный старикан, да и теория его весьма занятная. Сходи и ты. Поговори с ним. Может, вдвоем и придумаете, каких дровишек подкинуть в огонь угасающей пассионарности.

– Дровишек?! Хм-м... В этом что-то есть. Я подумаю об этом непременно.

– Вот-вот. Подумай. По глазенкам твоим хитрющим вижу, что в этом направлении у тебя уже давненько мысли шевелятся.

Захария потер в задумчивости гладко выбритый подбородок. Потом будто что-то вспомнив, вскинул глаза на шефа:

– Так как насчет моей просьбы?! Возможно ли отыскать какие-то методы и решения?

Брови шефа стали подниматься кверху чуть ли не к самой макушке. Если бы чуть-чуть и они вполне спокойно могли

бы переместиться к затылку.

– Ах ты ж... мать твою! Едрит тебя в кандибобер! Я за каким... распинался тут перед тобой полчаса?! А ты опять за старое?! Опять Устав службы тебе мешает?! ГовОрено же бы тебе недоумку, что нельзя по Уставу превышать указанный лимит перевоплощений! Поздно уже! Опоздал ты! Было бы у тебя за плечами не 99, хотя бы 98 перевоплощений, еще куда бы ни шло. Я и сам помог бы подобрать соответствующий объект. А тут, всё! Конец полевой работе! Штабная начинается!

– Да, но Устав прямо не запрещает мне обратиться с рапортом о дополнительном перевоплощении, в рамках одной операции, а операция, как видите, еще не до конца завершена. Да и ее персонального ангела, если такой еще не успели внедрить, надо ввести в курс дела заранее, подсказать, а то он, а скорее всего она, таких там дров наломает, что у-у-у! А главное телохранитель ей нужен вкупе с душеспасителем. Телохранитель! – упрямо тянул свое Захария.

На шефа было страшно смотреть. Он, то бледнел, то пунцовел от праведного гнева. И наконец, его окончательно прорвало:

– Сопляк! Щенок! – начал орать он, потрясая кулаками в воздухе. – Знаток Устава, ёпт... твою! Подсказчик х...в нашелся! Уже и тут взялся подсказывать! Сразу уж садись в мое кресло! Чего со старым церемониться то?! Тебя в проекте еще не было, когда я занимался ликвидацией последствий

дела «двухсот»! Уж как-нибудь и без твоих ценных указаний ложку ко рту донесу. Не выводите меня из себя.

Казалось, пределов возмущения шефа не было ни конца, ни края. И будь новоиспеченный полковник менее опытным служакой, и не знай он своего начальника как облупленного, можно было подумать, что тот сейчас наберет побольше воздуха в свои могучие легкие и перепалка перейдет в новую фазу, но полковник, несмотря на свою молодость уже достаточно поднаторел в делах подобного рода, а посему краем своего уха не преминул отметить, что это не артиллерийская канонада, а последние залпы армейского арьергарда готового к отступлению «на заранее подготовленные позиции». Тонкость заключалась лишь в том, чтобы ненароком не «пережать» шефа, иначе того могло просто «замкнуть» как и всякое любое начальство, поэтому он быстро опустил очи долу и желая окончательно сбить с толку старшего ангела быстро произнес:

– А я еще вот что хотел спросить...

– Ну?! Спрашивай, – опять насторожился шеф.

– Олимпиады Дормидонтовны что-то не наблюдаю. Не подскажете куда делась?

Он готов был услышать любой формальный ответ, на в общем-то, ничего не значащий вопрос, но никак не ожидал увидеть такого явного смущения на лице своего начальства. Лицо Гавриила как-то разом приобрело глуповатый вид, а глаза, до этого сверкавшие неистовством, вдруг забе-

гали будто в поисках пятого угла.

– Эээ...хм-м... Тут видишь ли какое дело, – начал тот и его язык облизнул губы, словно бы те разом пересохли, – Олимпиада Дормидонтовна у нас больше не работает, – выпалил он махом и уставился в пол, делая старательный вид, что рассматривает рисунок на ковре. – Как это не работает?! Что случилось?! Неужели проштрафилась чем?! – буквально закидал он вопросами шефа.

– Да нет. Тут такое дело... понимаешь, – опять начал было тянуть он, но собравшись с духом закончил, – В общем, решили мы с Олимпиадой официально оформить наши отношения. Такой понимаешь расклад и диспозиция.

Слов для ответа не находилось. Оставалось только в немом изумлении развести руками. Отчаянный ретроград, вечный холостяк, поборник только уставных отношений и вот на тебе. Женился. Устой рушились прямо на глазах. А Гавриил, словно не замечая замешательства собеседника, продолжал, уже с явным воодушевлением:

– Ну а что тут такого?! Я один, она тоже одна. Там, – ткнув в пол, – горе мыкала. Пока к нам не попала. Да и тут с нами уже почти шестнадцать сотен лет в секретарях. Всё на виду, у всех на глазах. И работник хороший, и вообще... Я уж давно хотел, да она всё отнекивалась. Как мол да что, служебный роман. То да сё. Что мол скажут, да что подумают? В общем, как обычно у женщин, когда самой хочется, но жутко боязно. Однакоче уломал. А и то сказать, самому на душе как-то му-

торно было. Приходишь домой, а там пусто, хоть «ау» кричи. Волком выть хотелось порой. А тут все-таки душа живая. Супружница, опять же. А нынче, на крыльцо поднимаюсь, а из-за дверей запахи там разные: блинчики ли жарятся, вареники ли со сметаной. И такие ароматы всё приятственные, что ажно дрожь по позвоночнику. Это тебе брат не акриды с диким медом .

Архангел закатил глаза, а крылья его носа затрепетали, будто погружаясь в приятные сердцу воспоминания. Умел он вкусно рассказывать, так что у всех кто его слушал, всегда начинало сосать под ложечкой от чревоугодия. Внезапно, будто очнувшись, открыл глаза и подозрительно тихим голосом спросил:

– Осуждаешь?!

– Ни-ни-ни, ни в коем разе! – поспешно замотав головой из стороны в сторону, поддержал Захария.

– Правильно, – и еще чуть слышно добавил. – Спасибо тебе.

Шеф достал из-за пояса громадный, расшитый вручную красными петухами носовой платок и шумно в него высморкался. Закончив процедуру, уже придя в себя, тоном более покровительственным, чем дружеским сказал:

– Ладно. Сейчас ступай в бухгалтерию. Зарплата ждет не дождется. За тридцать-то лет не хило набежало. Времени у тебя теперь будет навалом, к новой командировке готовиться не надо, отпуск большой, живи в свое удовольствие. Но-

вое назначение вряд ли будет скорым. Займись личными делами. Не все же тебе холостяковать, тенденцию надо поддерживать, – подмигнул он и уже совсем несвойственным ему фривольным тоном добавил. – Новенькую мою секретаршу видел? Кнопка. От горшка два вершка, а тоже со своими мыслями, как обустроить да оптимизировать, яти её. Молодая да ранняя. Все они молодые ныне таковы. На кампутере строчит как сорока. Познакомься. Может и понравится друг дружке. Сам видел, как у нее глазенки загорелись, когда о тебе докладывала.

Захария хотел было возразить, но генерал, явно намереваясь поскорее закончить разговор продолжил уже нетерпеливо:

– Ступай-ступай. Отдыхай сегодня-завтра, а в субботу жду тебя в гости у себя. Липочка пирогов обещала напечь. С черникою. Тоже соскучилась по тебе. Спрашивала намедни.

После этих слов не оставалось ничего, как повернуться и идти к дверям...

– Некрасов.

– Что?! – обернулся Захария. – Какой Некрасов?

– Некрасов сказал про подлые времена. Иди.

Уже коснувшись ручки двери, услышал в спину:

– Рапорт со своей просьбой напишешь и оформишь, как положено. Пустим по инстанции. Я такие вопросы решать без одобрения свыше, сам понимаешь, не могу, не по чину.

Захария не оборачиваясь, чуть задержался у двери, потом

кивнув, как бы самому себе, решительным толчком открыл дверь в приемную.

Выйдя из кабинета шефа, направился было к выходу, но вдруг остановился. Посреди приемной стояла девочка-секретарь и как-то робко прижимала к своей груди что-то белое и прямоугольное. Обернулся. Этим прямоугольным оказалась его фотография, которую она протягивала к нему.

– Что?!

– Автограф, если можно, – пролепетала та.

Хмыкнул. Он никогда не подозревал, что может являться местной знаменитостью, поэтому даже несколько растерялся. Навыков дачи автографов у него не было.

– Ручку..., – начал было он, но она уже протягивала ему световую авторучку, которая писала не чернилами, а испускала фотоны. Перевернув фото тыльной стороной к себе начал выводить: «На добрую память...

– Имя, – бросил он ей отрывисто.

– Моё?

– Свое я вроде бы еще не забыл, – с сарказмом заметил он.

– Ирия.

«На добрую память Ирии от случайно зашедшего в гости путника темпоральных дорог» слегка высокопарно написал он и поморщился от самого себя. «Павлин ты и есть павлин, Захарушка, но какие у нее оказывается большие и красивые глаза» подумал он вновь. Но возвращая фото, вслух произнес сухо и официально совсем другое:

– Скажите лейтенант, служба информации и контроля находится, как и прежде в левом крыле на втором этаже?

Та поспешно закивала.

– Не подскажите, кто там сейчас руководит? Раньше там был, насколько я помню, Герард ...Публиевич, – с заминкой произнес он, ибо не сразу вспомнил отчество руководителя информатория. – Все-таки почти тридцать лет минуло...

– Да-да. Он самый, – опять поспешно закивала она и при этом улыбка осветила и без того светлое личико девушки. – Только он не любит когда его называют с отчеством Публиевич. Он предпочитает Петровича.

– Отчего так? Вроде бы не замечал за ним раньше такого.

– Да его однажды пригласили в школу, прочитать детишкам начальных циклов несколько лекций по теме краткого курса общей историографии Земли от сотворения мира до настоящего времени. Сами понимаете, тема хоть и интересная, но в его изложении выглядела довольно скучновато. А дети... они такие непосредственные. Вот и стали его дразнить то «Бублиевич», то «Бубликович», – приснула Ирия в подставленную ко рту ладошку. – Только вы все равно его на месте не застанете.

– Почему?

– Он взял творческий отпуск на пять лет для написания своего эпохального труда «Применение глобальной хронологии как способа уточнения исторически значимых событий». – Охотно и без малейшей запинки выдала пояснения

на его вопрос секретарша.

– И кто же вместо него?

– Левушка. Заместитель. Он у нас не так давно, но тоже хороший, – еще больше расцвела улыбкой словоохотливая девица.

Лейтенант продолжала еще что-то щебетать своим милым голоском, но мысли полковника уже уносили его в глубины памяти. Несмотря на то, что по местным меркам их знакомство было совсем недавним и контакты носили спорадический характер, Захария сразу вспомнил этого высокого и нескладного парня, вечно поправляющего спадающие с носа очки в толстой роговой оправе и такими же толстыми линзами. Как и у любого ангела из «обращённых» у него была возможность устранить этот физический недостаток, стоило только захотеть, но он почему-то пренебрег такой возможностью и по не вполне понятным причинам предпочел остаться близоруким. Он попал в Рай не так давно. Почти что вчера по местным меркам. Из блокадного Ленинграда. Будучи студентом физтеха и белобилетником, он остался в институте, отказавшись от эвакуации, где продолжал работу по размагничиванию кораблей Балтфлота. Умер от голода в феврале 42-го, отдав свою пайку дошедшей до крайней степени истощения девочке, соседке по квартире, оставшейся сиротой. Весь его вид, как нельзя соответствовал его имени. «Бессребреник» от науки, мало обращающий внимания на свой внешний вид, мечтательно-созерцательный характер, кото-

рого вкупе с неумемной жаждой познания глубинных законов Вселенной, лишенный каких бы то ни было амбиций, составляли основную черту его характера. Часто забывающий поесть, и вечно теряющий свои очки, он обречен был на коллективное шефство женского персонала службы информации над собой, ибо не вызывал к себе никаких иных чувств со стороны «слабого» пола кроме как материнских. Такие как он никогда не становились взрослыми. Из поры своего юношества невообразимым образом проскакивая возраст мужества и зрелости сразу в старость. Захария сразу подумал, что Петрович руководящий информационной службой, уходя в отпуск, нисколько не ошибся, назначая на свое место Левушку. Такие не подсиживают. Воспоминания о Левушке наполнили его положительными эмоциями. Возвращаясь в действительность, он широко улыбнулся. Широко и искренне, едва ли не впервые за все утро:

– Так значит, говорите, вас зовут Ирия?!

Она слегка отпрянула, вскинув свою хорошенькую головку, словно молодая лошадка перед неожиданно опустившимся шлагбаумом и округлив глаза, еле слышно проговорила:

– Да. Ирия.

– Ирия, – повторил он. – Какое красивое имя. И сами вы очень красивая.

– Спасибо, – чуть слышно произнесла она. При этом лицо ее залилось краской, будто ее окунули в кипяток. Озадаченная неожиданным комплиментом, она никак не ожида-

ла, что знаменитый герой, полковник и кавалер множества наград обратит на нее свое внимание, восхитившись ее прелестными чертами лица. А уж о том, что он поинтересуется ее именем, не могло присниться даже в самом заветном сне.

– Ирия, я запомню ваше имя. И мы обязательно с вами встретимся. Правда, ведь?! – проговорил он, глядя ей в самые зрачки.

– Вы, правда, этого хотите?! – в ее глазах светились одновременно удивление и надежда.

– Да. Я, правда, этого хочу, – повторил он.

После этих слов он так резко повернулся, что лежащие на столе бумаги, испуганной стайкой белых голубей, попыталась взмыть вверх.

IV

Выйдя из приемной, он не стал повторять экспериментов по пешему хождению в коридорах учреждения, а просто нашел глазами ближайший оранжевый круг телепорта и направился к нему. Встав в круг и закрыв глаза, мысленно представил себе конечный пункт назначения. Уже через мгновение он стоял перед огромной стеклянной двойной двухстворчатой дверью с табличкой «Служба контроля. Операторская № 1». Шагнул к двери. Та, при его приближении, послушно разъехалась в стороны. В ушах сразу послышался монотонный на грани восприятия гул от работающей ап-

паратуры. Это было большое и светлое помещение с полами, автоматически всасывающими пыль. Все пространство помещения, кроме узких проходов, позволявших передвигаться в некоторых местах только бочком, было заставлено пультами, стендами, компьютерными столами со стоящими на них «навороченными» ЖК-мониторами. Пульты моргали разноцветными огоньками и издавали пощелкивания. За столами сидели в застывших позах и прильнувшие к бинокулярам сотрудники. Кто-то интенсивно возил «мышкой» по столу, не отрываясь от экранов. «Как это наверное скучно, проводить целые дни, подглядывая за чужой жизнью. Чесс слово, Дом-2 на выезде» – с какой-то внутренней неприязнью подумал он. На него никто не обращал внимания. Полковнику было нелегко со своими крыльями протиснуться в этом пространстве, но вздохнув и поплотнее подобрав и сложив за спиной свой ангельский атрибут, двинулся по извилистому маршруту в самый конец зала, где за стеклянной перегородкой маячила долговязая фигура Левушки. Путь до него был тернист и извилист, поэтому к перегородке Захария добрался только минут через пять. Прежде чем войти, Захар побарабанил по стеклу. Левушка обернулся на стук и в первое мгновение не узнал приятеля, близоруко щурясь и поправляя очки, но потом, будто припомнив что-то родное, но давно позабытое, радостно заулыбался и замахал рукой, призывая зайти.

– Левушка! Здравствуй, здравствуй, дорогой!

– Здравствуй-здравствуй, Захар! – сократив имя вошедшего, воскликнул он, на что последний нисколько не обиделся. Они крепко, в четыре руки поздоровались друг с другом. – А я тебя не признал сразу-то! Прости, что проморгал твое возвращение. Ты когда вернешься?!

– Сегодня. Утром.

– Ого! И даже на реабилитации не остался?!

– Да какой там, остался... – вяло отмахнулся он. – Что ты говоришь?! Сроду не любил валяться на пуховиках. Просто операция завершилась внештатно.

– Что?! Координаторы намудрили?

– Да нет. Там, понимаешь, объявился вдруг неучтенный фактор, – явно не горя желанием вдаваться в объяснения сказал Захария.

– Не может такого быть! Я знаю этих ребят. У них форсмажор это из области статистической погрешности с плавающей запятой...

Захария не дал развить тему о случайностях, прервал очкастого умника:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – скороговоркой процитировал он Шекспира, умалчивая о том, что именно он и был этим неучтенным фактором.

И тут же продолжил, не давая собеседнику сесть на своего любимого конька:

– Вот я за этим к тебе и пришел.

И он вкратце рассказал ему обо всем, что натолкнуло его прийти к нему.

– Эээ... я собственно даже и не знаю, чем же я могу тебе помочь? – проблеял тот, внимательно и не перебивая рассказчика.

– Можешь дарагой, все можешь! Вах! – с деланным кавказским акцентом заулыбался Захария.

– Да я разве против?! Пожалуйста. Все что могу-с...

– Можешь! – еще раз, но уже голосом куда более серьезным подтвердил он. – Мне сейчас до зарезу нужно кое-что посмотреть. Сможешь организовать?

– Ну, зачем же организовывать?! Операторы все заняты пока, – и встретив умоляющий взгляд друга продолжил, – поэтому воспользуемся моим сканом, – и он кивком головы указал на чемоданообразный аппарат с торчащим из него каучуковым раструбом бинокюляра. Сел на стул, выдвинул поддон с клавиатурой, попутно разминая пальцы рук.

– Место?

– Самара. Пугачевский тракт. Район детского сада номер 269. Угол с Ново-Молодежным переулком. Более точных координат не знаю.

Левушкины пальцы замелькали по клавиатуре дробью барабанных палочек. Дернул головой в знак того, что предъявленной информации вполне достаточно.

– Время?

Захария потер, вспотевший вдруг лоб.

– Время говоришь?! Ну... минут без пятнадцати восемь, может чуть больше, по местному, – ему очень не хотелось, чтобы кто-то видел сцену разыгравшейся драмы, хотя знал, что все уже отснято, задокументировано и направлено куда следует.

Левушка кивнул и приник раструбу. Наступила тишина. Захария боялся даже дышать. Левушка тоже сидел, не пытаюсь шевелиться, словно охотник в засаде. Минуты текли мучительно долго. Наконец Захария не выдержал:

– Ну что там?!

– Тебе с какого момента: до столкновения, во время столкновения или после?

– После! Сразу после...

– Хорошо. Вот тебе картинка через минуту после столкновения. Не возражаешь, если я выведу картинку на монитор? – спросил Левушка и начал вставать, уступая свое место Захарии. Тот не возражал.

Полковник, как-то робко покосился, на встающего с места Левушку. Волна неожиданного холода вдруг прокатилась мимо и внезапно отступила. Она унесла с собой весь предыдущий энтузиазм, который разом куда-то улетучился. А еще он почувствовал на себе чей-то чужой и взгляд. Кожей затылка он научился чувствовать злые глаза ваххабитских снайперов в горах Кавказа. Оглянулся. Как и следовало ожидать, никого кроме них с Левушкой в выгородке не было. «Так начинается шизофрения» – с грустью подумал

он. С опаской занял освободившееся место. Потом глубоко вздохнул, как перед нырком в ледяную прорубь на Крещение и приник к бинокюляру. На «свое» тело, отброшенное мощным ударом бампера и лежащее неопрятной кучей тряпок метрах в пятнадцати от столкновения, Захария взглянул лишь мельком. Все его внимание привлекло то, что происходило на противоположной стороне тротуара, где уже начала собираться немногочисленная кучка суетящегося народа. Судя по суетливым движениям присутствующих и то, как они пытались подручными средствами оказать первую помощь девочке, «скорая» и полиция, еще не успели прибыть на место разыгравшейся трагедии. Кто-то снял с себя пиджак, пытаясь подsunуть его под тельце ребенка, у кого-то нашлась бутылка с минералкой и носовые платки, которыми пытались осторожно стереть кровь от ссадин, кто-то яростно нажимал на кнопки своих сотовых, вызывая МЧС. Захария осторожно подкрутил верньер, увеличивая картинку. Он хотел разглядеть Инессу, но из-за обступивших ее со всех сторон, сделать это было довольно сложно. Правда, один неприятный типчик неопределенного возраста и в белом костюме и темных очках, совсем кстати, засуетился, аккуратно расталкивая толпящихся и все время приговаривая при этом: «Граждане, не толпитесь! Граждане расступитесь! Дайте ей воздуху!». Это в какой-то мере помогло Захарии лучше разглядеть дочь. Стоявший сзади Левушка надел на него наушники. В уши сразу потек людской гомон.

Как всегда, большинство женщин причитало не по делу, а мужчин с серьезным глубокомыслием строило версии произошедшего. И лишь немногие из них были заняты реальным делом. Молодая женщина, встав коленями на асфальт, приподняла голову девочки и, не переставая говорить что-то ободряющее поила ее из горлышка пластиковой бутылки, а мужчина средних лет, явно как-то связанный с медициной, присев на корточки отмахиваясь от подаваемых со всех сторон платков, довольно профессионально ощупывал тельце пострадавшей спрашивал где болит и как. Наконец аппаратура позволила Захарии приблизить изображение настолько, что он сумел разглядеть полные муки и боли глаза Инессы смотрящие куда-то вдаль. Как ни странно, в них не было слез. И хотя он знал, что она у него не из плаксивых, все равно было немного странно наблюдать упорно не желавшего плакать ребенка. И тут он заметил, что ее губы шевелятся, явно повторяя какое-то слово. Он до упора крутанул колесико, регулирующее громкость. Сквозь гул людских голосов до него явственно доносилось: «Папка! Папка!» Вне себя от возбуждения он не удержался и закричал в ответ:

– Я здесь! Доча! Я тут! Ты меня слышишь?!

– Она не слышит тебя, – раздался сквозь наушники до тошноты спокойный голос Левушки и его рука мягко, но твердо легла на его плечо. – Она не может тебя слышать, сколько ни кричи. Между вами время и пространство, а это больше чем Вечность.

И тут она неожиданно повернула голову в сторону Захарии, как будто услышала его голос. Это было невероятно. Ее глаза смотрели прямо на него. Она его УВИДЕЛА. Он готов был поклясться в этом чем угодно. Это было невозможно и противоречило всем научным постулатам, но она его ВИДЕЛА или, по крайней мере, ощущала. Ее зрачки расширились, а губы тронула чуть заметная тень улыбки. Губы девчушки опять слабо вздрогнули. Ему показалось..., да что там показалось, он был просто уверен, что она в ответ на его призыв явственно произнесла слово «слышу». В толпе опять возникла какая-то суета. Это подъехала «скорая». Замелькали белые халаты, носилки... Как ни пытался он больше не мог встретиться глазами с дочкой. Ее быстро положили на носилки, которые также быстро втолкнули внутрь белой «Газели» с красными крестами на дверцах. Больше смотреть было не на что. Захария вскочил со стула, на ходу срывая наушники:

– Ты это видел?! Она слышит меня! Видит!

– Видел. Я все видел. Но уверяю тебя, ты ошибаешься, – голос Левушки до странности был спокоен. Видно было по нему, что он крайне сочувствует приятелю, но годы, проведенные в работе наблюдателя принесли с собой привычку лицезрения «душещипательных» сцен и несколько очерствили его характер от переживаний в сторону научных познаний. Так себя ведут обычно старые и опытные хирурги за плечами, которых не только тысячи спасенных, но и порой

целые кладбища.

– Но как же?! Она ведь явно смотрела на меня и назвала меня!

– Видишь ли, Захар..., – тут он снял очки и подышав на стекла стал их протирать влажной салфеткой, которую всегда носил с собой в кармане. – Мы здесь наблюдаем типичную картину феномена «долгого ожидания». Ты, ведь, наверное, и сам не раз сталкивался с этим феноменом, когда, например, долго ждал какого-то очень для тебя важного звонка по телефону. Ты звонка ждешь-ждешь, а его как назло все нет и нет. И тогда тебе начинает казаться, что он зазвонил. Ты хватаешь трубку, но тщетно. Звонка нет. Звонок прозвенел не наяву, а у тебя в воспаленном от долгого ожидания мозгу.

– Но ведь я ясно видел, и ты, кстати, тоже, что она обернулась на мой зов!

– Захар, успокойся и подумай. Мало того, что между вами расстояние во много парсеков, так вы еще с ней и существуете в разных временах. Я удивляюсь, что мне приходится объяснять тебе эти элементарные вещи. Но даже если отбросить в сторону все законы физики и на миг окунуться в дикий клерикализм и «поповщину», то, что она могла увидеть? Заднюю крышку ПВ-стереоскопа? – он кивнул на аппарат. – Я уж молчу о том, что событие то уже произошло. И не каких-то пять минут назад, а несколько часов. Когда ты якобы разговаривал с ней, она уже наверняка лежала в боль-

ничной палате. И наконец, не забывай, что биологически ты ей не отец, да и портретного сходства с ним у тебя никакого нет, – заявил он, воздевая на нос очки, словно флаг над поверженным Рейхстагом.

Последний довод показался Захарии убийственным, и он как бы отряхиваясь от него, замотал головой:

– А наше существование не кажется тебе, по твоей логике, антинаучной утопией? Или того хуже, болезненными судорогами мозговых извилин Всевышнего?! – и как бы невзначай шевельнул при этом своими большими крыльями, что, впрочем, не укрылось от взгляда ученого наблюдателя и отразилось в его усмешке:

– Ничуть, – флегматично отреагировал он. – Тут все как раз ясно и вполне укладывается в теорию о преобразовании и переходе одних материальных веществ, в другие, в другом, правда, качестве, и на уже другом уровне. А крылья свои, которыми ты так энергично трясешь у меня перед носом, – он кивнул на собеседника, – ты, выйдя отсюда, отстегнешь и аккуратно положишь в бытовке, где будешь переодеваться.

– То есть ты отрицаешь Бога как такового!? Я правильно понимаю твои рассуждения? – нервно передернув крыльями, спросил он.

– Нет. Не правильно. Я не отрицаю Бога, ибо это было бы глупо, видя повсюду следы его бурной деятельности. Просто я не фетишизирую его, как это делают многие из нас.

– ?!

– Нет-нет. Не надо на меня смотреть как на умалишенного еретика. Я не обожествляю Бога. Я просто ставлю его на более высокую ступень развития по сравнению с нами.

– Ну, спасибо тебе, Левушка...

– За что?

– Хотя бы за то, что ты Его вовсе не отрицаешь! – и не сдерживая эмоций воскликнул. – Мать моя, женщина! Ну, где бы я еще мог услышать такие слова как не в Раю?!

Левушка неопределенно пожал плечами:

– Да я, в общем-то, и не скрывал никогда того, что я гностик.

Захария покачался с носков на пятки и уже успокоившись, чуть усмехнувшись произнес:

– Ладно, гностик ты наш кондовый и русопятый, не в службу, а в дружбу, посмотри, пожалуйста, каково ее физическое состояние на данный момент.

Левушка кивнул, сел на стул и опять стал нацеливать клавишами одному ему понятную тарабарщину. Через несколько мгновений, из небольшого ящичка, расположенного слева от ПВ-стереоскопа, показался с тихим жужжанием кончик узкой бумажной полоски. Левушка ловко ухватил его и вытащил на свет. Быстро пробежав глазами по колонке черточек и закорючек, выдал бубнящей скороговоркой:

– Ничего страшного. Вывих голеностопа, видимо в результате неудачного приземления. Сотрясение головного мозга средней тяжести, сопровождающегося парой гематом.

Несколько ссадин на руках и ногах. Общее околошочковое состояние из-за перенесенного стресса. Вот и все в принципе.

– Это не опасно?! – с тревогой в голосе спросил Захария.

– Да нет. Вывих вправят, вколют магнезию, в больничке сделают укол от столбняка. На голову – холодный компресс. Ссадины смажут чем-нибудь типа «зеленки»... Хотя нет. Зеленку признали небезопасной. Чудаки, право слово. В общем, не волнуйся. С ней будет все в порядке.

– Ладно, – еще раз повторил Захария. – Спасибо тебе, Левушка. С меня причитается. И это..., – добавил он, уже открывая стеклянную дверь перегородки, – Ты уж прости меня, если я что не так брякнул. Сам понимаешь...

– Ступай-ступай, адепт веры. Знаю я вас полевых агентов. Все вы, психи конченные.

Захария вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Левушка пристально и с напряжением смотрел тому вслед. Едва дождавшись, когда приятель, лавируя между столами и пультами, выйдет из помещения, временно исполняющий обязанности начальника службы контроля и наблюдения, резко развернулся и бросился к аппарату ПВ-стереоскопии. Там лихорадочно принялся отматывать назад время происшествия. Прижимаясь к бинокулярам, зачистил:

– Не может быть! Этого просто не может быть! Или мир сошел с ума, или мне в дурку пора!

При этом руки его мелко-мелко дрожали...

В отличие от Левушки, Захария, посетив службу наблюдения и контроля, наоборот обрел уверенность в конечной правоте своего дела. У него словно бы лишняя пара крыльев отросла за спиной. Он теперь знал, как и что нужно сделать для достижения намеченной цели. А цель у него была прямая как стрела и единственная как последняя надежда – быть рядом с дочерью. Он даже внутренне как-то слегка расслабился от того, что в его голове гудящей с самого утра от забот, переживаний, дипломатических выкрутасов с начальством, наконец-то все «устаканилось». Теперь следовало успокоиться, отдохнуть и наметить будущий план действий. А для этого нужно было посетить еще одно место – самое бюрократическое место в Раю и называлось оно «бухгалтерией».

Отыскав глазами, ближайший круг телепортера, встал в его центр, и зажмурившись мысленно приказав ему доставить себя в указанное место. Через долю секунды он уже стоял напротив еще одних громадных, но распахнутых настежь дверей золоченых дверей из которых то и дело входили и выходили толпы галдящих сотрудников с большими и маленькими крыльями за спиной. От непрекращающегося потока хлопавшей беспрестанно крыльями братии, образовался стойкий и довольно упругий поток воздуха и на его фоне грозная записка написанная красным фломастером и при-

лепленная возле дверей на скотч гласившая: «Закрывайте за собой дверь, лишенцы! У нас сквозняк!», смотрелась жалко и глуповато. У кого-то из входяще-выходящих были озабоченные и хмурые лица, а у кого-то наоборот лица светились ангельской безмятежностью. Причем, как заметил новоявленный полковник, довольные лица попадались чаще у выходящих из одного места, чем у входящих туда. «Ага... это я удачно зашел», – почувствовав себя на миг Жоржем Милославским хмыкнул он про себя. Стоять и ждать когда толпа страждущих рассеется не было никакого смысла, поэтому глубоко вздохнув и растопырив руки в локтях, он подобно ледоколу «Арктика» двинулся на штурм цитадели бюрократии и волокитства. При этом вид он на себя напустил решительный и бескомпромиссный. Как бы это могло не показаться странным, но такая, казалось бы, не любящая, по сути своей, никаких новинок, организация, как бухгалтерия, поразила Захарию своей инновационностью. В большом и светлом помещении все ему напоминало так хорошо знакомые по Земле конторы крупных банков или МФЦ. Здесь он реально ощутил, как прошло более тридцати лет с момента получения своей последней зарплаты. «Тьфу-тьфу, крайней», – резко одернул он самого себя. «Если что и сближает людей и ангелов, так это неизбывное чувство суеверия», – усмехнулся он. По периметру громадного холла располагалась целая вереница приоткрытых и пронумерованных окошек, за которыми, по всей видимости, сидели бухгалтеры и кассиры. В

центре холла под потолком висели экраны с часто меняющимися цифровыми значениями. Там же, в центре под экранами, расположилась стойка, за которой сидели молоденькие ангелицы. Высмотрев одну из них, которая только что освободилась от предыдущего клиента он подошел:

– Ммм... девушка, будьте любезны, не подскажите, куда мне обратиться...? Дело в том, что я только что из командировки и поэтому еще не совсем освоился.

Та быстро оглядела его, и на ее миловидном с приятными ямочками от улыбки лице отразилось внимание и любезность. Низким, чего он никак не ожидал от такой молодой особы, но бархатно-обволакивающим голосом она поинтересовалась в свою очередь:

– Позвольте узнать, товарищ полковник, сколько лет вы провели в командировке? – ни тени подобострастия не слышалось в ее чарующем голосе.

– Тридцать лет, примерно. А что, я очень плохо выгляжу?! – немного обиделся он.

– О нет! Что вы!? Просто, как вы уже увидели, у нас тут ничего не стоит на месте. Мы шагаем в ногу с прогрессом и за тридцать лет шагнули далеко вперед.

– Ну да, – козлом проблеял, соглашаясь с ней, Захария.

– Да, – подтвердила она, все так же улыбаясь. – Поэтому мы с вами сейчас пройдем идентификацию для получения дебетовой карты.

Она встала с крутящегося стула и вышла из-за админи-

страторской стойки.

– Идемте за мной, пожалуйста.

Он покорно двинулся за ней, попутно отмечая грациозность ее походки. Вскоре они подошли к небольшому терминалу наподобие тех, что всегда стоят в банках.

– Товарищ полковник, приложите свои ладони к экрану терминала.

Он приложил свои ладони к экрану и не отрывая рук оглянулся на сопровождающую. Та стояла сфинксом, скрестив руки на груди. Тем временем экран быстро-быстро заморгал, что-то в нем тихо зажужжало и из него выдвинулось устройство чем-то отдаленно напоминавшее перископ подводной лодки. Рукоятки «перископа» откинулись в стороны. Он опять беспомощно оглянулся на девушку.

– А теперь положите руки на рукояти, а лицом прижмитесь к тубусу- нам надо зафиксировать вашу сетчатку глаза, – наставительно продолжила она.

– О как! Как в швейцарском банке, – сказал он, без возражений выполняя ее команды.

– Лучше, – уже без улыбки произнесла она. – Гораздо лучше.

Экран вспыхнул еще раз и на нем загорелся транспарант: «Идентификация пройдена». А дальше пошла бегущая строка: «Добро пожаловать. Мы рады, что Вы воспользовались нашими услугами».

Из щели терминала высунулась бумажка. Девушка выта-

щила ее и передала Захарии. На одной ее стороне была написана цифра «18», а на другой «103».

– Это номер обслуживающего вас оператора, – сказала она, указывая на цифру 18. – Теперь по всем возникшим вопросам вы можете обращаться непосредственно к нему. А цифра 103 это ваш ИНК – индивидуальный номер клиента.

– Да у меня к нему только один вопрос, да и тот сугубо меркантильный, – усмехнулся он.

– Я поняла вас, – она подошла к терминалу и что-то быстро стала набирать на его клавиатуре. – У нас сейчас, как вы уже, наверное, успели понять, деньги наличными не выдают, поэтому все перечисления и расчеты идут с использованием карт, – она с интересом посмотрела ему в глаза, – Вы банковской картой пользоваться умеете?

– Обижаете, девушка! Россия – это вам не медвежий угол! – слегка насупился он.

Она улыбнулась ему в ответ:

– Прошу вас, не обижайтесь. Россия – очень большая страна и «медвежьих углов» у нее хватает, я же не знаю, из какого именно вы вернулись.

– Могу рассказать..., – принял он ее игру.

– Ооо! Звучит многообещающе... Меня зовут Ксанта и я сегодня работаю до четырех, – кончик ее язычка медленно сделал круговое движения по губам.

Захария почувствовал, что покраснел как рак в кастрюле. «Что это сегодня со мной? Мне нравятся все девушки

вокруг. Это не есть хорошо. Неужели это результат длительного воздержания с Оксаной?!», – подумал он, тут же отметив для себя неприятную схожесть имен со своей бывшей, но вслух сказал:

– Не обещаю, но постараюсь.

– Постарайтесь, товарищ полковник, – томно и нарочито притворно вздохнула она, и уже совсем развеселившись, продолжила. – А пока я вас провожу к нужному окошку.

Нисколько не смущаясь, она бодро сунула ему под локоть свою руку и потащила в дальний конец зала. Девица в росте мало чем уступала ему, поэтому идти с ней было легко и приятно. Он поймал себя на мысли, что уже и не припомнит, когда вот так вот под ручку гулял с собственной женой, не говоря уже о других представительниц слабого пола. Он все время что-то порывался спросить у нее, но мысли в голове путались, и он не решился продолжить разговор. До нужного места добрались за пару минут.

– Вон, – кивнула она на окно под номером 18, возле которого уже стояло два ангела. – Я послала запрос, так что следите за табло. Как только высветится ваш номер, так можете подходить.

– Очень вам благодарен, Ксанта! Вы представить себе...

– Могу, – перебила она его со смехом. – Так не забудьте, что обещали мне сегодня рассказать о ваших приключениях, – и она требовательно заглянула ему еще раз в глаза.

– Расскажу, – не стал и он отводить с нее своего взгляда.

Она еще раз улыбнулась и развернувшись стала медленно, будто чувствуя своим женским нутром, что он пялится на нее, как половозрелый подросток во все глаза, удаляться от него походкой «раненого верблюда», что, как известно, во все времена радовал мужской взор. Долго ждать не пришлось. Через минуту пара ангелов отошла от окна, а еще через минуту на табло загорелся его номер. На него почему-то напало игривое настроение и, просунув голову в окно, он с запыхавшимся, как будто после долгого бега голосом почти проорал:

– Моя фамилия – Итого! Я за зарплатой! Где тут распписаться?!

Но то ли у его шутки была слишком длинная борода, то ли он сам нарвался на такого же шутника, во всяком случае, не такого оборота событий он ожидал. Сидящий за столом ангел неопределенного возраста поднял на него свои глаза и радостно прокричал в ответ как своему старому и долгожданному другу:

– Итого? Итого говорите?! Так вот ты где! Попался! А мы-то тебя по всем райским кушам обыскались! Тут на тебя исполнительный лист пришел! Задолженность по алиментам на троих детей за сто пятнадцать лет! Ну, уж теперь-то не отвертись, милоч!

От неожиданности происходящего, Захария хотел что-то возразить, но поперхнулся:

– Я не... эээ...

– Ребята! – закричал в упоении кассир, повернувшись к кому-то там, в глубине помещения, – Хватайте его под микитки! Щас ты у нас и пИсать и расписываться будешь!

Наконец прокашлявшись и уже багровея от натуги, Захария проорал в ответ:

– Да вы что?! Совсем охренели?! Я же пошутил! Не понятно, что ли?! Вот мой номер! – он стал совать бумажку в окно, одновременно пытаясь пролезть в него целиком.

Из-за спины ангела-кассира раздался дружный мужской хохот. Захария, запоздало поняв, что его банально разыграли уже начал приходить в себя. И чтобы шутники не слишком зазнались от того, что провели полковника за нос, как мальчишку уже повеселевшим голосом ввернул:

– Ну что, школота, славно я вас разыграл?! Небось уже лет сто не смеялись так?! А то я смотрю, совсем уже зачихали на своей работе! – подмигнул он. – Неужели вы и впрямь думали, что я испугался?!

– Тай, хто ж його знаэ?! – перейдя на малоросский суржик, пожал плечами сразу как-то поскучневший кассир, принимая от Захарии бумажный талончик.

Бодро простучав по клавишам персоналки короткую дробь, и внимательно изучив информацию отображенную на дисплее, кассир-оператор сделав полуоборот негромко сказал кому-то:

– Мыкола, будь ласкиив, принеси картку по сто третьему номеру.

Захар тут же отметил какое-то шевеление за спиной своего собеседника. Чтобы не стоять столбом в ожидании заветной карточки и как-то скрасить это время спросил:

– Эээ... уважаемый, вы случайно не с Украины будете?

– З Конотопу я, – моментально ответил тот и тут же добавил в свою очередь, – А вы не бували до Конотопу ?

– Ни-и, – попытался принять его манеру говорить Захар, – Тильки в Харьквиве, тай и то произдом .

– И як тамо ?

– Дуже гарно было. Вишня цвите у садах. Правда це було давно. Двадцать рокив тому .

– А у нас у Конотопи огирки растуть дуже солодки , – пошевелил тот ноздрями, словно вспоминая родной запах с огорода. По его речи и голосу, ностальгирующему о прошлом, Захария понял, что это прошлое было не так уж и давно. Воспоминания о прежней жизни, преследуют «обращенных» первые лет тридцать-сорок, и лишь приблизительно после окончания этого периода начинают блекнуть и покрываться легкой патиной грусти.

Тем временем принесли карточку. Вернее большой бумажный пакет. Служащий передал пакет Захарии. В пакете лежала карточка и сложенный пополам лист бумаги. Полковник развернул лист. Это была банковская выписка с его индивидуального счета. В ней скрупулезно были подсчитаны все причитающиеся за почти тридцатилетний период суммы к выплате, включая отпускные, командировочные, пай-

ковые, компенсационные, наградные и еще невесть какие. Выписку венчал сиреневый оттиск круглой печати со стилизованным изображением «рога изобилия» в центре и размашистая подпись главного бухгалтера с более чем красноречивой фамилией – Абрамович Иван Мойшевич. От обилия цифр рябило в глазах так, что он поначалу с трудом смог их зафиксировать на одном месте. Наконец собрав в кучу зрачки, глянул в самый низ. Там значилась совершенно сумасшедшая, по мнению Захария сумма. Сто шестьдесят четыре с лишним миллиона райалов делали его поистине Крёзом местного пошиба. И хотя он знал, что тут деньги, заработанные им не только за последнюю операцию, а за все годы «длительной и непорочной», все равно, сумма была просто аховой. «Вот что значит никогда не интересоваться собственным финансовым положением», – подумал он. Да и когда ему было думать о нем, если он не вылезал из командировок. Насколько он помнил, ни один отпуск, положенный после каждого возвращения он как следует, не использовал до конца, срываясь в очередное перевоплощение от повседневной хоть и райской, но все же немного скучной жизни. Теперь он до конца понял мотивы настойчивости Ксанты и ее любопытства по поводу сроков его последнего пребывания на Земле. Невольно помотав головой, подумал: «Даже имея за спиной ангельские крылья, женщина не перестает быть в душе чертовкой».

– Ну, що тамо ? – нетерпеливо поинтересовался райский

ХОХОЛ.

– Богато, – солидно и лаконично ответил Захария.

Сложив опять бумагу с выпиской в конверт, достал оттуда пластиковую карточку стандартных размеров. Повертел ее в руках. Карточка переливалась всеми цветами радуги. Наверху ее золотыми буквами славянской вязи шла надпись «Русский филиал Райского Центрального Банка». Внизу карточки выпуклыми буквами было написано его имя. Еще чуть ниже располагался его идентификационный номер. На обратной стороне карточки была только черная магнитная полоска. Ни тебе номера карточки, ни срока ее действия. Все строго и лаконично. Имея опыт обращения с земными карточками, Захария поинтересовался по-русски:

– Скажите любезный, а как мне получить пароль и активировать ее?

– Тю-ю, скаженный! У нас не крадут! Тож Рай, розуми-ешь дэтына, чи як?! – насмешливо воскликнул он, и уже тоже переходя на русский, окончил более официальным тоном, – Активация не требуется.

– Гаразд, – буркнул Захария.

– Тоди иди .

– Дякую .

Захария сунул карточку туда же в конверт, развернулся и направился в сторону от окна, услышав за спиной беззлобное замечание:

– От бисов москаль ...

Возвращаться для выяснения отношений не стал, махнув рукой, думая, что кассиру просто видимо в проеме окна, не видны его знаки отличия. Его почему-то стала угнетать мысль, что проходя мимо рецепшена, он опять встретит Ксанту. Напустив на себя вид крайне чем-то озабоченного, он резко прибавил шаг, намереваясь с ходу преодолеть возможные препятствия в виде услужливой администраторши. К его великому облегчению та стоя к нему спиной о чем-то живо вела беседу с какой-то невысокого роста ангелицей и поэтому не заметила, как он проскользнул вне ее поля зрения.

После бухгалтерии забежал на минутку в канцелярию, где быстро просмотрел последние приказы, нашел приказ, касающийся своей персоны и, расписавшись в его ознакомлении, и уведомив, что с сего момента находится в обязательном посткомандировочном отпуске, решил, что на сегодня с него хватит уже дел и беготни, а значит, пора и домой. Выйдя из помещения канцелярии, Захария быстрым шагом направился к ближайшему свободному кругу телепорта и уже через пару мгновений стоял в гардеробной. Народа в бытовке почти не было по причине разгара рабочего дня. Трудовая дисциплина была на высоте, и покидать рабочее место раньше положенного срока считалось дурным тоном. Там, в бытовке, отыскал свой шкафчик с детской переводной картинкой на дверце изображающей подмигивающего лисенка. Двери в Раю запирать было не принято нигде, поэтому он

просто потянул створки шкафа на себя, и они готовно распахнулись, являя свое нехитрое содержимое. Положив конверт, который до сих пор держал в руках на одну из свободных полок, начал процесс своего разоблачения. Сначала достал и переложил на стоящий рядом табурет одежду, лежавшую в шкафу и дожидавшуюся его прибытия более тридцати лет. Затем отстегнул крылья, бережно уложив их на самую верхнюю полку. Потом снял тогу, аккуратно свернув ее и уложив на полку, расположенную чуть ниже. Немного повозился с сандалиями. Его всегда удивляла эта архаика. На дворе двадцать первый век, ракеты бороздят мировое пространство, а Устав службы предписывающий подобную форму обмундирования начальство ни в какую менять не хотело, мотивируя это тем, что образ ангела является каноническим, а посему разговоры на эту тему лишены всяческих оснований. «Блин, – с накатившим вдруг раздражением подумал он, – ну мало ли кому из троглодитов захотелось надеть своих первых кураторов этими нелепыми атрибутами?! Так что из того?! Все теперь должны из-за этого страдать?! Заворачиваться в эти нелепые и малофункциональные одежды, не имеющие карманов, поминутно думать о сохранности крыльев, шнуровать неудобные сандалии, которые надо носить на голую ногу, и которые жутко натирают пальцы». Впрочем, публично свой протест против устоев он предпочитал все-таки не выражать, ограничиваясь невнятным бурчанием, когда никого нет рядом. Наконец покончив с непри-

ятной процедурой, приступил к облачению. Первым делом из вороха одежды, сваленной на табурет, достал уже довольно потертые джинсы. С удовлетворением отметив, что без всяких осложнений влез в узость штанин, а значит, за его телом был должный уход, раз он не похудел, не растолстел и сумел удержать себя в заданных рамках. Потом черед дошел до белой футболки с так хорошо всем известным изображением «команданте Че». Футболка тоже не обтягивала и не висела на нем. И завершили облачение простые хлопчатобумажные носки с уже современной версией мужских сандалий, застегивающихся обыкновенной пряжкой. Встал с табурета, и опять подойдя к шкафчику, пошарил рукой в его глубине, доставая оттуда барсетку. В ней находились ключи от машины, личный коммуникатор – аналог земных телефонов стовой связи, наручные часы «Чайка» с браслетом и солнцезащитные очки в дорогой и модной тридцать лет назад оправе. Коммуникатор был деактивирован, часы стояли, ибо были механическими. Переложил из конверта в барсетку карточку, защелкнув на руке браслет и нацепив на нос очки, аккуратно прикрыл дверцы.

Так как гардеробная находилась на первом этаже недалеке от центрального входа, то он не стал злоупотреблять возможностями телепорта, а просто, пройдя несколько десятков метров, вышел на большое крыльцо, попутно с легкой грустью отмечая отсутствие на своих местах традиционных бабушек-вахтерш, которых видимо уже успели заменить на

электронные датчики.

Несколько мгновений постоял на крыльце, с удовольствием вдыхая свежий и ароматный воздух райских кущ. С крыльца оглянулся на здание, из которого только что вышел. Это было самое крупное строение не только в этой части, но и пожалуй всего Города. Длинное, пятиэтажное, четырехугольное в плане строение занимало собой весь квартал. Набитое изнутри новейшей технической аппаратурой, снаружи по фасаду имело облик схожий с каким-нибудь дворцом древнеримского императора. Неоднократно перестраиваемое и надстраиваемое, в соответствие с текущими нуждами, оно, тем не менее, сохраняло в неприкосновенности свой фасад. Архитекторы объясняли это желанием сохранить преемственность в восприятии на фоне окружающих его других построек. На улице было солнечно. Здешнее светило по своему спектральному классу ничем не отличалось от земного и вело себя точно также. Так было задумано Всевышним, и кто такой Захария, чтобы с этим не соглашаться?! Бодро пересчитав ногами ступеньки, сошел с крыльца и зашагал через дорогу, где находилась стоянка служебного автотранспорта. Подойдя к стоянке, тихо присвистнул. Тридцать лет назад она не была забита до отказа таким количеством транспортных средств. Куда не кинь взор, всюду стояли авто всевозможных марок и цветов. Он сначала даже растерялся, думая, что не сможет найти свою скромную «шوخу» среди новеньких «консулов», «святогоров», «амуров»

и «резидентов». Будучи на Земле он не видел таких даже на картинках журналов в качестве концепт-каров, а тут такое изобилие. «Неужели научились делать?!» – не веря самому себе, подумал он. На этом фоне диссонансом выглядела квадрига белоснежных, как первый снег коней. Начальник Шестого сектора был неисправим в своем стойком неприятии технических новинок. Возница распрягал удалую четверку, это значило, что шеф только что вернулся из какой-то деловой поездки. В Раю, с его развитой сетью телепортеров, вполне можно было бы обходиться и без этого архаического вида транспорта, но подавляющее большинство обитателей этого мира, принадлежали к выходцам с Земли, которые считали, и там у себя, и здесь, что средства передвижения, являются не только таковыми по сути, но еще и носят статусный характер. Они упорно держались своего мнения, и постепенно «заразили» этим и коренных обитателей. Люди, хоть и изменились внутренне, но по-прежнему оставались людьми со своими слабостями и привычками.

Напротив своего ожидания, машину он нашел довольно быстро. Его белая «ласточка» стояла почти у самого края второго ряда машин, и как показалось Захарии, с тихой и затаенной грустью ожидала своего заплутавшего в складках времени и пространства хозяина. Подойдя к ней, Захария первым делом любовно погладил машину по капоту. Под рукой как будто что-то встрепенулось. Словно старая и добрая лошадь, почуяв хозяина, потянулась к нему своими бар-

хатистыми губами, тихонько пофыркивая и кивая головой. Обойдя вокруг, слегка попинал по колесам, проверяя давление в шинах. Осторожно открыл дверь. Не спеша сел, бросив барсетку на сиденье рядом. Сунул ключ в замок зажигания. Осторожно повернул. С первого раза «не схватилось». «Видимо сел аккумулятор, – с досадой подумал он. – Как-никак, а тридцать лет минуло. За такое время и сама машина могла сгнить на корню». Глубоко вздохнув, попробовал еще раз. Если бы умел молиться, то непременно бы сделал это. На сей раз, машина после поворота ключа подумала секунду, а потом как бы передернув невидимыми плечами, заурчала тихим и размеренным рокотом, словно домашняя кошка, что разлеглась на коленях. «Опаньки! Ну надо же! – сразу повеселел полковник. – Хотя чему это я удивляюсь?! Рай ведь!» Не торопясь отжал ручник, попутно напоминая себе об отсутствии в «шохе» автоматической коробки передач. Опустив стекло со своей стороны, пару-тройку минут поприслушивался к мерному урчанию мотора. С удовлетворением отметил отсутствие посторонних шумов в движке. Плавно отжал сцепление... Уже выруливая со стоянки заметил грузоватую «голосующую» фигуру, в которой по мере ее приближения узнал знакомого из отдела планирования операций. Остановился. Тот обрадовано метнулся к нему навстречу:

– Привет, Захария! Сколько лет, сколько зим?!

– Привет, Аверьян! Ты что тут голосуешь?! Безлошадный что ли?!

– Ага! Дал позавчера своей съездить к теще, так она ее при парковке умудрилась со всех сторон помять! Я как увидел... у-у-у... аж сердце зашло! – зажмурившись, помотал головой Аверьян.

– Запомните, коллега! – поучающе выставив вверх указующий перст, но тоном более насмешливым, чем назидательным произнес Захария. – Жена и машина должны находиться только в одних руках!

– Да, знаю-знаю. Вот отпросился у своего начальника на полчаса, чтобы в сервис заскочить, а то позвонили, сказали, что уже можно забирать. Я не хотел после работы – народу много. Я, конечно, мог бы воспользоваться телепортом, но у меня на него стойкая аллергия. После подобных перемещений у меня всегда тошнота и башка раскалывается. Тут недалеко. Так что? Подбросишь?

– Садись, – кивнул на сиденье рядом и закидывая барсетку на заднее сказал Захария. – Только дорогу показывай сам. Я только что с «поля». Чувствую, что за тридцать с лишним лет несколько подотстал от реалий.

Обойдя машину спереди, Аверьян открыл дверь и с обстоятельностью уместил свой немалый зад на сиденье рядом с водителем. Медленно тронулись.

– Отсюда по проспекту до пересечения с Медовой, а там направо. Я покажу. А ты разве не знаешь, где тут сервисы? Или забыл?

– Неа, – мотнул головой Захария. – Моя Ласточка, по-

крупному, еще ни разу не ломалась, да и купил то я ее незадолго до отбытия.

– Понятное дело. Тем более в те времена далеко не у всех были машины, да и с сервисом дела обстояли, скажем так, не очень, – подмигнул Аверьян.

– Ну, Аверьян, рассказывай, какие тут у вас новости? – спросил Захария не столько из любопытства, коим никогда не страдал чрезмерно по причине природной флегматичности, сколько из желания просто поддержать ни к чему не обязывающий разговор.

– Да какие тут новости? – почесывая лоб, как бы в задумчивости вопросом на вопрос ответил тот. – Разве что поговаривают о нашем шефе..., – нерешительно начал он.

– Ну-ну, – подбодрил его Захария. – Продолжай-продолжай, тут все свои люди.

– А я что?! Я ничего. Просто говорят, что нашему прочат место в начальника ангельской службы объединенного сектора, если европейский и североамериканский упразднят. Типа заслуг не меряно, наград несчитано, кому как не ему возглавить эту службу в новом мега-секторе? Вроде как его уже вызывали наверх для предварительной беседы.

– А наш сектор как же? Опять на правах отдела что ли? Или вообще просто сольют воедино?

– Придумают и без нас что-нибудь. Не в этом суть.

– А в чем?

– А суть в том, брат, заключается, что в любом случае,

руководящий аппарат увеличится. Количество помощников обязательно возрастет, и кто-то из них непременно должен будет курировать нас. И этот куратор до сих пор неизвестен. Во как! На кого шефу хозяйство оставлять?!

– То-то я смотрю, что он какой-то озабоченный. Вроде и радостно встретил, а сам все норовит в глаза заглянуть, как будто ждет чего-то, то ли ласки, то ли пенделя, – задумчиво проговорил Захария.

– Еще бы ему не заглядывать!? Ты же его «золотая» акция как-никак.

– Как так?! – повернув к собеседнику голову и вскидывая в недоумении брови кверху бросил Захария.

– А так! Ты головой то не крути, а на дорогу посматривай, а то тоже окажешься там, куда меня везешь.

– Не понял. Поясни.

– А что тут непонятного? Чтобы выбиться в начальники нового мега-образования, нужны заслуги. Да заслуг немало. При Гаврииле наш Шестой сильно поднялся. Из захудалого в передовики, оставив позади всех остальных. Ангелов в нашем секторе едва ли не половина от общего количества. А сам знаешь, где ангелы, там и «обращенные». Ниточка, как говорится, с иголочкой. А все благодаря кому? – спросил Аверьян. При этом глаза его блестели весельем.

– Кому? – сделала непонимающий вид новоиспеченная «золотая» акция.

– Да таким как ты, балда! Вы, «полевые» всегда славились

своей работоспособностью. А ты среди них едва ли не лучший. Сколько говоришь на твоём счету «обращенных»? Никак девяносто девять новых ангелов на твоём счету! Ни одной осечки! Кстати, я слышал, что тебя к полковнику представили?!

«Акция» хмуро кивнула в ответ.

– Тогда прими мои искренние... уж не знаю чего, – пожевав губами, произнес неспешно Аверьян, – То ли поздравления, то ли соболезнования. – И кстати, – продолжил он, – Несмотря на наличие нескольких замов, преемника то шеф себе, говорят, так и не сыскал, на случай своего повышения. Тебя, видимо, ожидал с победной реляцией. Чуешь, куда я клоню? – уже заговорщическим тоном прошелестел он.

– Чую, – хмыкнула акция.

– Что?

– Много званных, да мало избранных, – уже в раздражении фыркнул Захария.

– Нью-ню.

– Ты Аверьян не маши лисьим хвостом, а продолжай, – начал было закипать Захария.

– Хвост, между прочим, оказывается важнее, чем ноги и крылья! – заржал Аверьян, видимо вспомнив старый мультик.

– Давай-давай, не тяни, – морщась, словно от зубной боли просипел кандидат в преемники.

– Так вот. О чем бишь я? А-а, вспомнил. Заслуг нема-

ло, верно, но все они в прошлом. С чем идти? Чем козырять? Что предъявлять из ныне сделанного?! Вот он и роет под собой землю, аки пес алкающий, – неуместно ввернул он и после предостерегающего жеста Захарии продолжил. – А кроме тебя да еще нескольких таких же «стахановцев» и козырять-то по большому счету нечем. Статистика, я смотрел недавно, удручающая. За последние три десятка лет, количество новых ангелов сократилось больше чем на порядок! Это непорядок, прости за тафтологию. Что у них там происходит?!

– Что-что, да ничего, – бесцветным голосом проговорил полковник.

– В смысле, ничего? – недоумевающее спросил Аверьян.

И тут Захарию прорвало. Разом озлившись неизвестно за что на себя, на амбициозного шефа, на глупого болтуна, сидящего рядом, с трудом разжимая челюсти от внезапно накатившей ярости не произнес, а выдавил:

– Как тут, у нас, улицы еще не переименовывают?

– Н-нет, – озадаченно проблеял Аверьян.

– А там переименовывают! Причем, всю переименовывают! Города, улицы, предприятия. Историю!

– Историю?! Эт-то еще за-а-чем?! – округлив глаза и заикаясь от явного изумления, уставился на него Аверьян.

– Ну как же... В связи с новыми веяниями, «вскрывшимися историческими фактами», – скривился Захария, уже кляня себя за неконтролируемую вспышку гнева.

– Да нет, слава Богу! Всё, как и было. Я, признаться не сильно слежу за событиями. Ты же в курсе, наше дело маленькое – поступил приказ на внедрение, ищем подходящего реципиента, отработываем время и место, а дальше уже ваша епархия. За политической обстановкой не следим. Сразу готовим следующего. Правда, в последнее время работы побавилось... А что, там кого-то не устраивают исторические факты и они решили заняться переписыванием истории?

Захария, уже начиная приходить в себя, нехотя кивнул:

– Да. И Матросов у них просто поскользнулся и упал на дзот, и самолет Гастелло сам свалился на вражескую колонну, а уж двадцати восьми панфиловцев так и вовсе не было. Миф видите ли. Я уж молчу о том, что у них Иван Сусанин никакой не герой, просто сам заблудился по пьяни, по их мнению.

– Да они что, ополоумели там все?! – неверяще воскликнул Аверьян. – Может еще скажут, что и Гагарин никуда не летал?!

– Не исключено, что в скором времени и скажут.

Полуобернувшись в возбуждении к собеседнику всем своим немалым телом, Аверьян буквально впился в собеседника своими глазами. Не отвлекаясь от дороги, Захария вновь кивнул. На несколько мгновений в салоне установилась абсолютная тишина. Потом Аверьян завозился на своем месте. Ему – одному из «райанцев» во втором поколении, рожденному от бравого гоплита войска Александра Македонского,

с незапамятных времен перебравшегося в «русский» сектор и замученной в неволе золотоордынского плена рязанской крестьянки, офицеру ангельской службы, чем немало гордились его родители, было этого не понять. Немигающе уставившись в лобовое стекло, немного посопев, как бы самому себе вымолвил:

– Да-а-а. Теперь понятно, почему у нас стало меньше работы, – и немного помолчав, спросил. – И что же теперь с ними будет дальше?

Захария неопределенно пожал плечами:

– Даже не знаю.

– Ну, уж у нас- то такого точно никогда не будет, – и с внезапной яростью добавил. – Нет! Не допустим. И улица Героев-Панфиловцев останется и памятник Гастелло с Вечным огнем, и бульвар Матросова и подвиг Сусанина будем помнить вечно. Это они там забыли своих героев, а мы – нет, потому что наши герои живут с нами и среди нас. Это наши знамёна и мы их никому не отдадим на бесчестье и поруганье! – с пафосом, которого Захария от него никак не ожидал закончил он свою тираду.

– Не кипятись, Аверьян. Просто там сейчас смутное время настало. Впрочем, как и всегда было на Святой Руси, время от времени. Ничего. Устаканится как-нибудь.

После перекрестка, как и было велено, повернул направо.

– Куда сейчас?

– Прямо. До фонтана. А там, в переулок налево, и считай

уже, что на месте.

Опять в салоне установилось обоюдное молчание, длившееся до самого конца поездки. Говорить не хотелось обоим. Да и разговоры сейчас были ни к чему. Приземистое и длинное здание автосервиса появилось как-то внезапно, словно вынырнуло из-за кустов акации, обильно росшей по обеим обочинам дороги. Движение тут было более чем оживленное.

– Давай я тебя тут высажу, не доезжая до входа? – предложил Захария. – А то боюсь, потом не развернусь на пяточке.

– Конечно-конечно. Спасибо тебе огромное, – рассеянно закивал Аверьян. Чувствовалось, что мыслями он был где-то далеко-далеко. Когда машина остановилась, тот потянул ручку замка на себя. Неловким медведем стал выбираться наружу.

Выйдя из машины, Аверьян, словно слепой нелепо потыкался в разные стороны, сделал несколько неуверенных шагов вперед, а потом резко обернулся к еще не успевшему отъехать приятелю. Подошел со стороны водителя, и неловко пригибаясь, быстро заговорил:

– Захария, друг, умоляю, скажи..., – запнулся, подбирая нужные слова, – Ведь есть хоть какая-то надежда, что это не навсегда, там у них?! Что времена мракобесия уйдут, и наши дети не будут плевать и испражняться на наши могилы, а? Иначе..., – опять запнулся он, сглатывая подступившую слюну.

– Что? Иначе что? – подтолкнул его Захария.

– Иначе нет смысла в нашем существовании! Да и в их тоже. Ведь всё! Всё пойдет прахом! И наши труды, и твои командировки. Они же погибнут! О чем там думают наверху? Неужели ничегошеньки не знают?

– Наверху-у? – протянул тот. – Наверху, как всегда – думают.

– И? – с надеждой в голосе спросил Аверьян.

Не желая окончательно портить настроение своему знакомому, Захария, старательно морща лоб, и делая паузы между словами, в нарочитом глубокомыслии произнес:

– Положение, конечно, серьезное... И кстати, не только в нашем секторе... Скажу даже больше... В нашем секторе дела обстоят куда лучше, нежели в других. А то, что я тебе сказал... гм... Там все общество находится на этапе ломки и больших перемен. Россия, по крайней мере, в пределах исторической обозримости, ведь и начиналась со смуты, когда по ее просторам волнами прокатывались дикие орды гуннов. И на моей памяти это уже не то седьмое, не то уже восьмое «смутное время». Иными словами, это ее перманентное, а проще говоря, привычное состояние, как бы дико это не звучало... В такие времена, ты сам знаешь, больше всего достается тем, кто не может ничего сделать в свою защиту. Ими становятся, как правило, невинные, либо безответные, по причине своего умертвия, предки. Пережили семь раз, переживем и восьмой. Не впервой. Главное, – уже с уверенно-

стью в голосе резюмировал он, – Они сами уже начали осознавать всю пагубность происходящего с ними. И здоровые силы, чтобы переломить ситуацию еще остались.

С последней произнесенной фразой с удовлетворением отметил, как по лицу Аверьяна скользнула робкая тень улыбки пополам с надеждой. И уже вконец почувствовавший себя пастором, читающим Катехизис нерадивым прихожанам, закончил:

– Силы эти пока еще немногочисленны и разрозненны, но думаю, со временем окрепнут и еще скажут свое веское слово. Поэтому расслабляться ни в коем случае нельзя, а продолжать бороться за каждого человека, за каждую душу.

– Спасибо, друг! – расчувствовался Аверьян и ничуть не стесняясь, смахнул неожиданно набежавшую слезу. – Я знал, всегда верил, что этот наш труд не напрасен. Ладно, езжай. И спасибо еще раз, что подкинул.

Он в прощании махнул рукой, развернулся и уже более уверенной походкой зашагал по направлению к автосервису. Захария не стал отъезжать сразу, а еще немного постоял, глядя вслед удаляющемуся собеседнику. Ему и самому нужно было перевести дух и немного прийти в себя. «Уфф-ф, – отдуваясь, подумал он, – ну и напугал же я его». А еще немного погодя, произнес уже в полный голос: «А себя больше чем его». И с этими словами стал разворачивать машину. Надо было ехать домой. Теперь, когда он остался один и ему не надо было вести ни с кем беседы на актуаль-

ные темы, он решил получше рассмотреть Город, который он порядком подзабыл за время своего отсутствия.

VI

Тут необходимо сделать небольшое отступление. Оно может показаться несколько растянутым и довольно скучным, но вместе с тем очень информативным для лучшего понимания всего происходящего. Поэтому, на взгляд автора, следует немного подробнее остановиться на описании того места, которое всеми называлось Раем или Райскими Кущами. Рай или как многие называли его про себя «Земля-бис» был почти что копией своей сестры – Земли за некоторым исключением. Во-первых, он был во много раз больше своего земного аналога (в расчете на постоянное увеличение количества его обитателей и почти отсутствие естественной убыли по причине смерти). Во-вторых, в нем почти что не было зон непригодных к проживанию, за исключением небольших приполярных и полярных областей. В-третьих, несмотря на свои размеры, гравитационная составляющая искусственно созданного небесного тела была также искусственной, а по-сему ничем не отличалась от земной, и даже была чуточку меньше. В общем, Рай целиком и полностью отвечал своему предназначению.

Сообщество обитателей Райских Кущ, представители которого любили называть себя «райане» или «райанцы», яв-

ляло собой некую сборную солянку. Коренными или как они сами себя порой прозывали «природными» были ангелы – нечто вроде военизированного подразделения, первыми из созданных Всевышним для контактов с землянами и переправке наиболее достойных из них в Рай с до сих пор до конца так и невыясненными целями. На весь Рай приходилось всего лишь несколько десятков тысяч «природных» во главе немногочисленной группы архангелов. Все они по праву пользовались неподдельным уважением среди всех обитателей. Процесс переправки и внедрения происходил путем сложного преобразования тела ангела в сгусток его сущности и внедрения ее в тела людей, называемых в обиходе «реципиентами», при достижении ими определенного возраста на Земле. Сливаясь с сознанием человека, ангел старался его склонить к «праведному» поведению, в соответствии со своими представлениями на данный счет. Далекое не всегда труды ангела венчались успехом, о чем и свидетельствовала сравнительная малочисленность райских жителей по сравнению ко всем жившим и умершим землянам.

Причем, если на ранних стадиях развития человечества, ангелы внедрялись поголовно во всех особей человечества в виду его малочисленности, то по прошествии времени, от подобной практики пришлось отказаться. Это произошло потому, что, во-первых, ангельских ресурсов явно стало не хватать, во-вторых, из-за их нерационального использования, ибо внедрение ангелов в первых попавшихся под руку

отрицательно влияло на конечный результат. Эта проблема была решена сразу с двух сторон. Люди стали попадать в Рай помимо ангелов, так сказать, напрямую, а ангельская служба, после нескольких веков мучений с внедрением, наконец, нашла нужные алгоритмы для решения данной проблемы. Но об этом скажем чуть позже.

Ангел находился в контакте со своим человеком вплоть до кончины последнего. Если «темная» сущность человека одерживала победу над «светлой», то работа ангела признавалась неудовлетворительной и грозила ему неприятностями в виде переаттестации или в отказе, на какой либо срок в повышении очередного звания. Если же человек проживал отпущенную им жизнь в качестве ничем не примечательной личности «серого» обывателя, не совершая при этом крупных прегрешений, но и не отличаясь каким либо «подвижничеством», то работа ангела хоть и признавалась «неуспешной», никаких отрицательных последствий для него не несла. Человеку же давался следующий шанс проявить свои лучшие качества, в теле вновь рожденного, но уже самостоятельно, то есть при отсутствии персонального ангела-хранителя и так могло продолжаться до тех пор, пока не наступал какой либо из результатов. Чтобы избежать ненужных перекосов, которые обязательно бы проявились впоследствии, ангелов обоих полов было примерно одинаковое количество. Браки между ангелами и ангелицами случались, но дети от этих браков появлялись крайне редко. Ученые объяс-

няли этот феномен, прежде всего тем, что Всевышний, искусственно создавая своих помощников, не посчитал функцию деторождения слишком уж важной чертой их предназначения. Из-за этого якобы у ангелов половое влечение и инстинкт продолжения рода не получили должного развития, несмотря на присутствие всех необходимых для этого дела атрибутов. И хотя в процессе длительного общения с людьми, ангелы сумели перенять от них многое из того, что не было в них заложено изначально, однако кардинально решить проблему размножения «природных» так и не удалось. Тут тоже не мешает внести несколько пояснений относительно райских жителей. Внешне они ничем не отличались от людей, живущих на планете Земля – столько же рук, ног и пальцев, те же самые половые признаки, то же внутреннее строение. Единственно, что отличало их от землян, так это биохимия. Если первые в основе своей состояли из органики на основе углеродистых соединений, то вторые были на основе кремния. В этом были свои плюсы и свои минусы. Несмотря на то, что химические соединения, в основе которых лежал углерод, были наиболее распространены во Вселенной и следовательно не без оснований могли похвастаться способностью формировать огромное число сложных, но стабильных молекул, а потому имели наиболее разнообразные свои проявления, формы жизни на их основе были легко уязвимы от постороннего вмешательства и агрессивной среды космоса, и что самое главное – не долговечны. Соедине-

ния же на основе кремния, который находился в одной группе элементов с углеродом и был по своим характеристикам наиболее близок нему, хоть и не были так распространены и не могли создавать с такой же легкостью сложные молекулы, были, однако, более жаропрочными и устойчивыми к кислотным средам. А главное они были на порядки долговечней, ибо человек умрет тысячу раз, прежде чем разрушится пирамида. Неспроста же люди придумали пословицу, которая гласит, что «время боится вечности, а вечность боится пирамид».

(Прим. автора. Некоторым умникам из числа «яйцеголовых» читателей не следует хватать автора за руку из-за якобы незнания им элементарных знаний по химическим реакциям, хихикая в кулачок по поводу того, что при окислении углерода образуется углекислый газ, а при окислении кремния образуется силикат, а проще говоря – песок, следовательно при дыхании ангела из него отовсюду сыпется, как из худого ведерка. Так вот, окисление кремния не дает такую сильную реакцию, как углерод, а потому одна-две микроскопических песчинки, невидимых простым глазом на сотню литров потребляемого окислителя, здесь погоды не делают, а посему песок не скрипит у ангелов на зубах. Уточнять особенности их пищеварительной системы, автор так же не имеет никакого желания, по причине некомпетентности, в чем и распиывается собственноручно-с).

Возвращаясь к описанию «ангельского» сообщества сле-

дует еще раз подчеркнуть тот факт, что ангелы являли собой некое подобие служащих министерства по спасению, имея свой Устав и дисциплину, то вполне логичным стало иметь определенную военизированную форму и соответствующие воинские звания. Сперва никто этим не заморачивался и потому в ходу были простые звания: младший, старший и главный. Но со временем перешли на более сложную структуру, позаимствовав субординационную форму у Рима (который тогда еще не был древним). Так появились декурионы, центурионы, трибуны, легаты и проконсулы с консулами. Это продолжалось очень долго, пока в Русский Сектор не стали поступать в огромном количестве «обращенные» попавшие сюда в результате Гражданской и Великой Отечественной войны. И когда их количество стало более чем существенным, то неизбежно встал вопрос о целесообразности применения номенклатуры воинских званий никак не относившихся к месту пребывания бывших реципиентов. Недолго думая, взяли в употребление воинские звания, принятые Советской Армией в послевоенный период. Особенно всем понравилось слово «товарищ», которое символизировало собой демократизм и теплоту отношений райского сообщества. Против этого не возражали даже «обращенные» из состава бывших служащих «белой» армии. Правда, к вящему разочарованию подавляющего большинства служащих, форма одежды не претерпела, каких бы то ни было изменений. Но с этим приходилось мириться, как и с причудами шефа,

отказавшегося наотрез пересаживаться из колесницы в автомобиль.

Второй, и подавляющей по численности группой небожителей составляли так называемые «обращенные» и их потомки, чьи души посчитали быть достойными продолжения жизни на новой биологической основе неорганического происхождения. К ним, прежде всего, относились те, кто отличились в том мире своей праведностью в делах и помыслах, «самоотреченцы» и бессребреники от науки и искусства, непризнанные и отвергнутые таланты и изобретатели, чьи высокие помыслы не смогли воплотиться в жизнь. Как правило, такие люди влачили жалкое существование на своей прародине, и поэтому зачастую их жизнь прерывалась самым трагическим образом. «Обращенные» попадали на новое место жительства в том возрасте, в котором их застала кончина. К сожалению, получить вторую молодость они не могли, но зато, изменив молекулярное строение, могли продлить свое существование на протяжении очень многих столетий, практически не меняясь облик. Были среди «обращенных» и те, кто в прошлой жизни вrede бы и не отличался особо праведной жизнью и не обладал каким либо даром Божиим, но, однако в какой-то момент смог совершить особо героические поступки, примером которых были спасение других людей или самопожертвование ради них. Именно в силу этого, Шестой (русский) Сектор особенно сильно увеличивался во времена различных катаклизмов раз за разом прокаты-

вавшихся по Руси-России. Далеко не все из «обращенных» стремились стать ангелами. Подавляющее большинство из них желали продолжить заниматься тем, чем они занимались на покинутой им Родине. Кто-то из них ни в какую не хотел расставаться с крестьянским трудом, кого-то вполне устраивало занятие ремесленничеством, кто-то жаждал продолжить свои прерванные научные изыскания, но, как правило, все из них хотели, прежде всего, повысить свой культурный и образовательный уровень прежде всего. Ангелами, после прохождения обязательных курсов по переподготовке, хотели быть бывшие профессиональные воины, которые мало что умели в мирной райской жизни, а применения своим профессиональным навыкам здесь не могло находиться. «Обращенные» в отличие от «природных» размножались хоть и не так интенсивно как на Земле, но все же чуть более успешно. Дети от этих браков назывались «местными». Причем, что было характерно для них, развитие до полного формирования скелета и внутренних органов проходило по тем же самым принципам, что и на Земле. А когда организм становился полностью сформированным, то включался «местный фактор», и все процессы начинали резко тормозиться. В результате чего очень часто происходили довольно курьезные случаи. К примеру, молодая и симпатичная девушка на вид восемнадцати лет, на самом деле запросто могла оказаться какой-нибудь пятисотлетней женщиной, обремененной двух тысячелетним мужем. Впрочем в Раю заклю-

чались и куда более «неравные» браки. Значительное число «местных» составляли особи женского пола, что в какой-то мере сглаживало демографический переко́с, в результате которого мужское население Рая составляло явное большинство доселе. Не зная другой Родины кроме Рая, и не испытывая поэтому неутолимой ностальгии по земной жизни, они были его бОльшими патриотами чем их родители, унаследовав от них душевный порыв и тягу к новым знаниям и переживая от окружающей среды рассудительность, исполнительность и благонравие. Из-за того, что в Рай стало попадать огромное количество «светлых» разумом, наука и технологии рванули вперед с невообразимой силой и скоростью. Из-за того, что в Рай стало попадать огромное количество «светлых» разумом, наука и технологии рванули вперед с невообразимой силой и скоростью. Могучие физико-математические и химико-биологические школы, основанные выходцами с Земли, сумели создать управляемый термояд с суперкомпьютерами, использующими нейронные связи. Синтезировать и преобразовывать одни гетероструктуры в другие, путем перестроения атомных решеток. Освоить телепортацию не только в пределах Райских Куш, но и на Землю. По запрограммированной матрице дублировать любые предметы в практически неограниченном количестве, управлять гравитацией, сжимать пространство, делая тем самым возможность межзвездных перелетов, внедрять новые методы и формы телекоммуникационных связей. В результате чего

сложился некий весьма забавный парадокс. Небожители отдавали дань умению своих земных предков обставлять личную повседневную жизнь с наивысшим комфортом. И если на бытовом уровне они с величайшим удовольствием копировали привычки и технику землян, либо обзаводились их адаптивными аналогами, то на макро-уровне, в техническом плане земляне отстали от своих потомков едва ли не на целую эпоху. Так и жили. Имея дома стиральную машину «Вятка-автомат» с кухонным комбайном «Энергия», и автомобилем марки «ГАЗ» или «ВАЗ» для загородных семейных прогулок, такой вот небожитель приходя на работу решал проблемы получения «темной» материи из космического вакуума.

Третью группу населения Рая, пожалуй, самую немногочисленную, составляли могущественные и загадочные «серафимы», что означало дословно «огненноносные». Впрочем, сами себя они предпочитали называть «светозарные». Могучего телосложения, в отличие от ангелов, постоянно носящие три пары великолепных по своей роскоши крыльев, одна пара из которых находятся за спиной, вторая – прикрывает тело, а третья, находящаяся спереди, частично закрывает лицо до самых глаз. В райском обществе сложилось стойкое убеждение, что таким образом «серафимы», в целях безопасности, скрывают ослепительный свет, идущий от их тел и способный испепелить собой все окружающее их пространство, а тот в свою очередь есть ни что иное как «ове-

ществленная божественная энергия». Так это или нет – никто не знает доподлинно, во всяком случае, еще никому не удавалось застигнуть их, где либо голышом. Молчаливые и многозначительные, они никогда и нигде не попадались в количестве более двух, всегда неожиданно возникая и также неожиданно пропадая из поля зрения. В райском обществе сложилось стойкое убеждение, что именно они являются существами, наиболее приближенными к Создателю. До недавнего времени «серафимы» давали руководящие указания по отбору реципиентов, выполняли роль транспорта ангелов на Землю с последующим их внедрением в тела людей, а затем возвращения их назад. Но ничто не вечно под Луною, сказал один классик с козлиной бородкой. С развитием науки и техники, ангелы сами научились проделывать подобные операции, и у них отпала всякая необходимость каждый раз обращаться с просьбами к «огненноносным» о прояснении протекания взаимодействий внедренного и его носителя. Они теперь сами в любой момент могли отследить и зафиксировать все перипетии их совместного проживания. Так что за «серафимами» осталась функции генерального заказчика, главнопроверяющих и глашатаев воли Всевышнего. Поговаривали, правда, что они помимо прочего, еще обладали и даром «управления Случаем», ибо если начало любой операции по внедрению можно было как-то рассчитать, путем тщательного подбора и генетического анализа будущего «клиента», то рассчитать момент завершения опе-

рации, а он, как правило всегда приходил неожиданно, не представлялось возможным, если не создать к этому специальных условий. Так или иначе, но сами «лучезарные» и все, связанное с их жизнью и деятельностью, было окутано ореолом мистики и догадок.

Комфортные условия обитания, неопределенно долгая жизнь, устроенный быт, почти полное отсутствие социальных и классовых противоречий и при этом сохранение условий для развития каждого индивида, делали его, по истине, райским местом для тех, кто сюда попадал. Однако следует заметить, что Рай несколько разочаровывал некоторых попавших сюда, особенно из мусульманских стран, и особенно особей мужского пола – ни тебе десять тысяч гурий, ни тебе рабынь, ни тебе блаженного ничегонеделанья с курением кальяна в тени кипариса. Зато женщины из таких стран, которые, к слову сказать, и составляли большинство из «обращенных» с восторгом воспринимали установленные правила «социалистического общежития». В Раю не было официальных границ. Каждый, кто попадал сюда, волен был сам выбрать себе место для постоянного обитания, либо в любой момент поменять его, на более приглянувшееся. В любом случае, в каком бы уголке Рая не поселился «обращенный» весь набор удобств существования ему был гарантирован. Среди «обращенных» находились вечные скитальцы, которым не сидится на одном месте и они постоянно меняли места своего проживания, но таких были единицы. В основ-

ном «бывшие» люди выбирали то общество, к которому уже имели привычку и в соответствие с расовыми и языковыми предпочтениями. Границ не было, но все же Рай был поделен на несколько полиэтнических секторов. К ним относились:

1) европейский, включивший в свой состав выходцев из западноевропейских и скандинавских стран, а также Северной Америки;

2) тюрко-арабо-израильский, состоящий из представителей северной Африки, стран ближнего востока и средней Азии;

3) африканский;

4) индусский, имеющий в своем составе как выходцев из самой Индии, так и сопредельных с ней стран;

5) юго-восточный;

6) русский;

7) китайский;

8) японский;

9) австрало-океанический;

10) латино-южно-американский.

Каждый из секторов венчал какой либо мегаполис, простирающийся на многие сотни километров, окруженный мелкими поселениями, в которых проживали или отчаянные анахореты или просто привыкшие жить на лоне природы и любящие вести крестьянское хозяйство.

Площадь секторов варьировалась от количества проживающих в нем. Большинство из них были сравнительно неве-

лики. На их фоне, китайский и европейский выглядели более предпочтительно. Что же касалось русского – Шестого сектора, то он, несмотря на то, что был образован сравнительно недавно, и как бы это ни казалось странным на первый взгляд, был просто гигантским. По последней переписи населения в нем насчитывалось более 300 млн. обитателей, что составляло более трети от всех райских жителей. Местные социологи и райографы (аналог земных демографов) объясняли это тем, что испокон веков земная Русь обладала наибольшим количеством подвижников и мучеников, нежели иные страны и территории. Этот факт, бесспорно, служил поводом для вполне обоснованной гордости местных жителей и неподдельной зависти представителей других секторов. Сектора активно общались друг с другом. Из-за огромных расстояний между секторами, общение на первоначальном этапе носило спорадический характер, потому что путешествовать, хоть и в райском климате, но на невероятные расстояния, отваживались далеко не всякие. С развитием транспортных средств, сначала перешли на путешествия по водным артериям, что заметно сокращало расстояние, а впоследствии перешли на железнодорожное и дирижабельное сообщения. Перемещения в пространстве с помощью аппаратов тяжелее воздуха как-то не прижилось из-за слишком большого количества горючего необходимого для преодоления таких расстояний. Пока думали и гадали как выйти из этого тупика, подоспело изобретение телепорта-

ции. Так умерла и не родившись как следует, местная авиация. Несмотря на все трудности, жители вели обмен полученными знаниями и технологиями, торговали, брали подряды, вели торговлю осуществляли совместные бизнес-проекты, общались на межличностном уровне, свободно сочетались браком, невзирая на расовые, конфессиональные и иные особенности. Этому способствовали несколько обстоятельств числе которых были, во-первых, то, что валюта была единой для всех секторов, а РайЦентроБанк зорко следил за ее эмиссией, имея свои филиалы во всех секторах и отсутствия своего постоянного места обитания, меняя его каждые десять лет строго по графику очередности, дабы не обижать ни один из секторов. Во-вторых, отсутствие языковых барьеров между жителями разных уголков Рая. Несмотря на то, что каждый изъяснялся на своем, привычном ему языке, все окружающие его, где бы тот не находился, отлично его понимали без всяких переводчиков. Ученые-лингвисты, до сих пор ломают копыя в научных спорах, но так и не могут толком объяснить данный феномен. Ну и, в-третьих, особенность самого контингента, который в силу своей специфики обладал повышенными морально-этическими качествами, исключавшими, какую бы то ни было враждебность по отношению друг к другу.

Власть в Райских Куцах основывалась на принципах плебисцитарной демократии, когда тот или иной вопрос касающийся всех его жителей решался путем всенародного опро-

са в котором участвовали все кто этого желал. Современные коммуникативные технологии позволяли осуществлять подобные мероприятия без каких бы то ни было проблем. У каждого в доме стоял визор , который был не только аналогом земных телевизоров, но и средством позволяющим принимать участие в принятии важных решений. Для этого по специальному каналу транслировались вопросы по которым требовалось принятие решения непосредственно всем миром и анонсировались вопросы, по которым решения надо будет принимать в следующий раз. Перед каждым голосованием давалось десять дней на всеобщее обсуждение и внесение поправок. Голосование осуществлялось путем нажатия соответствующих кнопок на пульте дистанционного управления визором. Внесение поправок также осуществлялось при помощи все того же визора, переключенного из режима трансляции в режим аудио-видео приема. Если по каким-то причинам голосование по предложенному вопросу не набирало необходимого количества мнений, то его переносили на другое время. Если же и повторное не набирало минимально необходимого количества голосов, то вопрос снимался с повестки дня. Если решение набирало необходимое количество голосующих, но не смогло выявить квалифицированное большинство, то вопрос мог переноситься сколь угодно раз. Законопроекты и вопросы, вынесенные на всенародное обсуждение и голосование принимались как от целых групп населения, так и отдельных его представителей. В такой форме

демократии, были, разумеется, свои минусы, тем более, что новейшие средства коммуникации появились сравнительно недавно, вместе с развитием новых компьютерных и телекоммуникативных технологий, но «небожители», как зачастую называли сами себя обитатели этого мира, мирились с этим недостатком, так как ничего лучшего пока придумать не могли. Оперативное управление повседневной жизнью осуществлялось тремя секторальными коллегиями, которые имели соответствующие названия – Экономическая, Социальная и Этическая. Те же, в свою очередь делились на комитеты. Так, Экономическая Коллегия имела в своем составе комитеты экономическому планированию, по промышленному производству, по сельскому хозяйству по технологиям, по кредитно-денежному развитию, по строительству, по тарифам и торговле, по исследованиям и некоторые другие. Основу Социальной Коллегии составляли комитеты по культуре, по образованию, по социальной адаптации и благоустройству, по коммунальному хозяйству, по народонаселению, по информации и прочие. Если для решения какого либо вопроса компетенции одного из комитетов не доставало, то к делу подключались иные заинтересованные комитеты, таким образом, объединяя свои усилия. Комитеты в своих недрах готовили и принимали руководящие решения, либо передавали их на усмотрение той или иной коллегии. Как уже выше отмечалось, в силу особенности контингента, преступлений, по крайней мере серьезных и спла-

нированных, не было априори. Но проступки, иногда имеющие серьезные последствия, случались. Ими и занималась Коллегия по Этике, квалифицируя и давая оценку тому или иному проступку, наказание за который виновный выбирал сам из предложенного ему перечня. Деятельность членов комитетов и коллегий осуществлялась на ротационной основе каждые пять лет из числа наиболее компетентных профильных представителей по рекомендации общественности, либо собственному волеизъявлению. Вследствие того, что работа комитетов и коллегий осуществлялась без отрыва от основной деятельности и не несла в себе никаких преференций, а как бы являлась общественной нагрузкой, то никакого ажиотажа по поводу занимаемых должностей не было. Более того, комитеты и коллегии испытывали постоянный дефицит желающих поработать на данном поприще. Некоторые, из особо ехидных, брались утверждать, что небезызвестный всему райскому сообществу апологет коммунистических мировоззрений и талантливый писатель Иван Ефремов, попросту в одном из своих «вещих» снов однажды уже попадал в Рай, где и скопировал здешнее мироустройство, выдав его за плод своих многолетних и неустанных размышлений на эту тему. Однако он сам, часто выступая перед своими многочисленными поклонниками на всевозможных форумах и собраниях, яростно отрицал подобные «гнусные инсинуации» в свой адрес, утверждая, что ни в каком, даже кошмарном сновидении не смог бы «скрестить ужа с ежом», а именно систему

товарно-денежных отношений и этику коммунистического общества. Ему верили. По традиции. Потому что у «райанцев» «русского» сектора вошло в привычку верить писателям и пророкам.

Политико-экономическая формация Райских Куш представляла собой дикую смесь из одновременно существующих, капитализма и социализма, из частнособственнических отношений социалистического обобществления средств производства при гарантированном распределении продуктов производства между всеми членами общества. Собственность делилась на общественную и частную, статус которых был равноправен. Частная собственность, которая никем не оспаривалась, в свою очередь делилась на две составляющие: личную собственность на средства потребления с собственностью на индивидуальные средства производства и непосредственно саму частную собственность как таковую. К личной собственности относились предметы личного потребления, необходимые для ежедневного обеспечения жизнедеятельности, недвижимое имущество, обеспечивающее необходимую среду обитания и движимое имущество в виде индивидуальных средств передвижения и денежных средств, депонированных на счетах «РайЦентроБанка». Тут не было никаких ограничений. Можно было иметь в собственности сколь угодно много денег, домов, автомобилей и яхт. Правда, счастливый собственник не мог избежать естественных насмешек со стороны окружающих по

поводу несоответствия размеров глаз и желудочного тракта, но по большей части этим все и заканчивалось. Статус личной собственности на индивидуальные средства производства заключался во владении индивидуальным средством производства на котором был непосредственно занят сам собственник и никто иной. Личная собственность налогом не облагалась. Частная же собственность на средства производства имела свои некоторые ограничения. Так, например, разрешалось иметь в частной собственности предприятие на условиях «семейного» подряда, где все участники являются родственниками в количестве не более 10-ти. Как правило, это были небольшие мастерские, семейные предприятия общепита или фирмочки по оказанию мелких бытовых услуг населению. Если же количество занятых на производстве превышало цифру 10, но было не более 100 и они не находились в родственных отношениях, то данное предприятие переходило в разряд акционерных обществ, в котором доля райского сектора, в лице какого либо из комитетов составляла 50% плюс 1 акция. Комитет на паритетных началах участвовал в финансировании предприятия, распределении его прибыли, так и нес солидарную ответственность за провалы в его работе. Налог с таких предприятий составлял 10% от прибыли, в шутку всеми называемый «церковной десятиной». Однажды, потомки «обращенных» представителей одной особо хитропой нации, воспользовавшись тем, что обладатели личной собственности на индивидуаль-

ные средства производства не облагаются никакими налогами, попробовали «провернуть» махинацию по регистрации довольно крупного швейного предприятия, на котором мало того, что были все якобы в родственных отношениях, да еще и каждый из них имел регистрацию как собственник индивидуального средства производства по случайному стечению обстоятельств собравших их всех в одном месте. Один типа индивидуальный закройщик, другой индивидуальный дизайнер, третий – обметчик, четвертый – швец, тоже естественно индивидуалист. В этом не было ничего грешного и противозаконного, просто несовершенство законодательства, которым кое-кто захотел немного воспользоваться. Но Рай это не то место, где возможны подобные ухищрения. Всех членов незадачливой артели вызвали на «ковер» в Коллегию по Этике и провели соответствующую душеспасительную беседу с целью наставления на путь истинный «заблудших и погрязших во гресях многих». Случай получил широкую огласку, и больше такого не повторялось никогда. К общественной собственности относились земля, недра, технические сооружения и недвижимость, служащие интересам всего общества, крупные и системообразующие предприятия. Оперативное управление этой собственностью возлагалось на профильные комитеты, которые в основном и являлись заказчиками выпускаемой продукции на основании данных комитета по экономическому планированию. Прибыль, получаемая по результатам деятельности

этих предприятий, после расчетов с контрагентами делилась так: 30% – фонд заработной платы, 40% – в консолидированный бюджет сектора, 30% – в бюджет профильного комитета на специальный индивидуальный счет предприятия на развитие и модернизацию. Широкое внедрение высокопроизводительных компьютеров, объединенных в единую глобальную сеть, позволило комитету по экономическому планированию правильно подойти к решению вопросов производства, избегая дефицита и затоваривания. С появлением технологий по программируемому синтезированию и дублированию, вкпе с почти дармовой электроэнергетикой, благодаря термояду, настал поистине «золотой век». Одним махом были решены сразу несколько проблем. Во-первых, решалась проблема оперативного насыщения рынка товарами и продукцией, без существенных затрат на его производство. Во-вторых, как уже выше отмечалось, снималась проблема перепроизводства и дефицита. В-третьих, отпала необходимость в создании целых цепочек технологических производств, зачастую связанных большими экологическими рисками. Теперь достаточно было произвести небольшую партию такой продукции на опытном производстве, либо вовсе в лабораторных условиях, а дальше в дело вступали дубликаторы, которые просто размножали в необходимом количестве опытную партию. Все стало чрезвычайно компактным в системе промышленного производства. Короткая связка конструкторского бюро или лаборатории, при каком-нибудь

НИИ или высшего образовательного вуза, с небольшим опытовым производством, делало его наиболее эффективным. В-четвертых, с внедрением передовых технологий, тяжелый, монотонный и зачастую просто неквалифицированный труд, канул в Лету. Труд рабочего на таком производстве, мало чем отличался от труда высококвалифицированного технического персонала. Да и по сути, общедоступность бесплатного высшего образования, в ближайшем будущем, вообще сотрет грань между рабочими и инженерным составом предприятия. Таким образом, соблюдение «баланса интересов» между личной, частной и общественной собственностями не позволило райскому обществу впасть в трясину социального неравенства. Оно также не дало развиваться промышленно-финансовой олигархии с ее непрременной жадной властью, а немногочисленная прослойка просто состоятельных райанцев не играла никакой ведущей роли в жизни общества. Лишенные всякой морали «хапуги» априори не могли сюда попасть, те же, кто сумел приумножить здесь свой достаток, делали это не на крови и поте эксплуатируемых сограждан, а благодаря личному труду и овладению передовыми технологиями. Дела шли настолько хорошо, что райанцы уже всерьез начинали задумываться об освоении ближайших к ним звездных систем, вполне обоснованно считая, что людских ресурсов, поставляемых Землей, уже явно недостаточно дальнейшего развития своего общества. Разумеется, все эти достижения стали результатом многовековых проб и

ошибок, споров и даже яростных разногласий как между отдельными райанцами, так и между их общественными объединениями. Но со временем страсти поутихли и система, сначала потихоньку и со скрипом, а затем все убыстряясь, начала свое движение к прогрессу. Она и сейчас, нет-нет, да и «побулькивала» кое-где и кое в чем, но не «закипала», а это главное. Райанцам, в силу высоких моральных качеств, возвращенных на Земле и приумноженных здесь за счет способствующей этому окружающей среды, удалось избежать, как ужасов Великой французской, так и Великой Октябрьской революций. Одним словом, политико-экономическое и социально-демографическое устройство этого мира имело под собой чисто земные корни и являлось его улучшенным в несколько раз аналогом.

VII

Однако вернемся к своему герою, которого мы оставили одного в машине и городу, который он любил покидать, но еще больше любил возвращаться. Райский город, в котором проживал Захария, в свободное от постоянных командировок на Землю время, был местом особенным даже по местным меркам. Это был не просто город, как место постоянного проживания его обитателей, а Город с большой буквы. Мегполис, сотворенный волею Всевышнего посреди Райских Куш, не имел своего официального названия, в отличие

от остальных мегаполисов этого мира. Причиной отсутствия названия было то, что горожане никак не могли договориться о том, как его называть. Одни предлагали назвать «Беловодьем», другие с пеной у рта отстаивали Москву. Споры длились не одно столетие. Было проведено несколько опросов по этому поводу, но и они не выявили истинных предпочтений жителей. В конце концов, это всем надоело и спор о названии решили отложить в долгий ящик. Так город и остался без имени. Вернее, кто как хотел, тот так его и называл. Он стоял в климатической зоне, наиболее подходящей для его потенциальных жителей, костяк которых составляли выходцы из России и граничащих с ней иных славянских агломераций. Так как Рай является тем местом, где существование живых организмов длится невероятно долго по земным меркам и всегда находится в самом своем расцвете, то и климат этого места соответствовал времени года наиболее подходящему для подобного случая. Поэтому здесь всегда был конец мая с температурным режимом и особенностями, соответствующими умеренному климатическому поясу в средней полосе России. Несмотря на то, что Рай в своей климатологии был сравнительно однороден, календарная система соответствовала земной, и его обитатели отдавали дань подобным удобствам Номенклатура обильной флоры и фауны также ничем не отличались от своего земного аналога. Правда, наличие, по сравнению с земным, бОльшего количества кислорода, делало местную растительность более

крупной по размеру и с более буйной по пышности. Да, еще метаболизм здешних представителей животного мира, в котором напрочь отсутствовали хищники, имел существенный отлйчай от земного, что также способствовало его длительной жизни. Отсутствие хищников, конечно, весьма печалило «обращенных», так как не давало им завести у себя, привычных в земном быту, кошек и собак, но местные генетики, во главе которых стоял академик Тимофеев-Ресовский, били себя пятками в грудь, обещая, во что бы то ни стало, но решить данную проблему в кратчайшие сроки. Первые экземпляры уже вовсю резвились на лужайке перед Центром Генетических Морфологий, и ученые Центра уже опасались, что вслед за этим, члены Клуба любителей стрельбы по тарелочкам, потребуют создать местный аналог волков и медведей. Вечное лето, наполненное ночными переливами соловьиного свиста и запахами цветения и плодоношения, несказанно нравился тем, кто попадал сюда. Конечно, многих поначалу шокировало отсутствие зимы и снега, но со временем привыкали к подобному климатическому однообразию. Некоторые, из особо непоседливых, в жилах которых по всей видимости текла кровь поморов и казаков Сибирского казачьего войска, уверяли, что всего лишь в нескольких десятках тысяч верст к югу от Города, простирается обширная горная система вся покрытая ледниками и многометровым слоем слежавшегося снега. При помощи телепортера попасть туда было невозможно, так как не было принимающей станции, а

строить ее в неприступных горах, где никто не живет, никому не приходило в голову. Тащиться же за тридевять земель с явно сумасшедшими потомками русских первопроходцев ради того, чтобы удостовериться в истинности их рассказней желающих явно не хватало.

Захария любил свой Город. Любил его, как любят моряки, вернувшиеся из длительного и опасного плавания в родимую гавань. В свои недолгие пребывания в нем он любил побродить по нему пешком, неспешным шагом обходя свои любимые места. В огромном городе этих самых мест было много. Каждый раз, возвращаясь из очередной командировки, он как бы заново открывал его для себя. Вот и сейчас, пересекая центральную часть Города, направляясь к себе домой, он с удовольствием окунался в его бесконечно притягательную атмосферу. Вечный Город был вечно изменчив. Это не значит, что он подобно гигантскому змею постоянно сбрасывал свою старую оболочку заменяя ее на новую. Нет. Город как рачительная крестьянская хозяйка тщательно оберегал то, что дано ему было при рождении. Старые здания никогда не сносились, чтобы освободить пространство для строительства новых. Новые строения всегда располагались по его окраинам. Поэтому у всех его жителей он ассоциировался с неким могучим деревом, кольца которого на срезе указывают на его возраст. По здоровому консервативной душе Захарии очень импонировал такой подход к его строительству. Он не вызывал архитектурного диссонанса, когда строения в

благородном и строгом стиле ампира соседствуют с аляповатыми новоделами модерна. Или лучше того, когда беленькая и чистенькая православная церквушка с золотыми маковками, словно добрая, но бедная деревенская бабушка робко стоит в холодном окружении айсбергов из стекла и бетона. Такого варварства он вдоволь насмотрелся там, на Земле, и оно ему решительно не нравилось. Здесь же было все предельно гармонично, как круги на воде – от меньшего к большому. Так например в самом его центре компактно расположилась небольшая сеть хозяйственно-административных зданий, говорят сотворенных по проекту Самого. «Природных» ангелов все устраивало по причине отсутствия у них бурного воображения, а насельники из «обращенных» тоже приняли это как данность и не стали ничего менять из уважения к первообитателям. Так и повелось дальше. Могучие мужские и женские торсы, стоящие в многочисленных скверах и парках, изваянные Праксителем и Лисиппом всюю соседствовали с лошадками Клодта, и никого это не смущало и не вызывало диссонанса, ибо было гармонично и естественно. Древнегреческий и древнеримский архитектурные стили центральной части города с их беломраморными, подчиненными строгой математичности выверенных форм, украшенные обильной дорической и ионической колоннадой настраивали на ощущение незыблемости и покоя. В таких местах, Захарии всегда хорошо думалось о вечности мироздания, о его, Захарии, месте во Вселенной. По молодости лет,

он удивлялся, откуда и почему в городе «русского» сектора столько построек, имеющих своими корнями античность, казалось бы, чуждую русскому духу. С годами пришло осознание того, что все это далеко не случайно, имеет свой прямой смысл и тайный подтекст. И дело даже не в том, что многие зодчие и скульпторы из «обращенных» граждан Древней Греции и Древнего Рима, помыкавшись по Раю, выбирали в качестве места жительства именно «русский» сектор, как наиболее молодой, а значит и более перспективный в плане применения ими своих творческих талантов. И не в том, что «русский» сектор по своей полиэтнической и поликонфессиональной сути, так и должен был объективно поступать, вбирая в себя, но, не растворяя, а органически вписывая культуру и менталитет всех проживающих и разделяющих с ним все переживания и радости, все надежды и устремления. И даже не в том, что основную его часть составляли выходцы с одной шестой суши, там, на далекой-далекой Земле, славящиеся своей терпимостью и душевной широтой, что в корне отличало их от других «райанцев», которые были выходцами из моноэтнических образований. А дело было в том, что однажды сказал инок Филофей: «Два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». Именно в этой фразе, сказанной пять столетий назад, и был ключ к разгадке многообразия Города. Захария не был человеком, в биологическом смысле, и уж тем более он не был «русским человеком». Однако большую часть своей земной жизни, а это почти две

тысячи лет, он прожил на Руси и в телах русских и проторусских людей, что как он сам с гордостью считал, делало его абсолютно русским. Захария не раз посещал другие сектора, по делам службы, и во время своих немногочисленных отпусков. И там были города-мегаполисы, и, конечно же, там тоже наблюдалось архитектурное разнообразие. Ан всё было не то, что дома. Как ему казалось, не было в них той широты, той вольности духа, что присутствовали в «русском» Городе. И люди там жили в основном однообразные и скучноватые, как граненые стаканы в заводской столовой. Ну разве можно было представить себе в Лютеции – Городе «европейского» сектора, в дни каких-нибудь праздничных торжеств, во время народных гуляний, такое разнообразие у жителей оттенков кожи, разрез и цвет глаз, картофелеобразных, курнофеистых и «горбатых» носов? Нет, конечно. А здесь, пожалуйста. И дети от таких смешанных браков рождались особенно красивыми из-за бОльшего чем в «европейском» секторе разнообразия генных сочетаний. С этими мыслями, Захария и не заметил, как из древней – центральной части Города плавно переместился в другую архитектурную эпоху. Этот кольцевой район был всецело отдан под власть пышного барокко. Архитектуру в этом стиле, Захария в шутку называл «пилястровой витиеватостью». И действительно, ни в каком другом нельзя было видеть такого количества лепнины на фасадах зданий, сопровождаемой обязательным наличием всевозможных завитушек, растительности, преимуще-

ственно виноградного происхождения и разумеется бесчисленной ратью толстеньких «амурчиков», то с луком и стрелами, то трубящими в морские раковины. Разумеется, и тут не обошлось без русского влияния, характерной чертой которого являлись устремление строений в высоту, многоярусность с белыми узорчатыми вставками в сочетании с красным кирпичом и конечно же шатерообразные купола, нередко с позолоченными маковками и высокими сводчатыми потолками изнутри. Этот район Города Захария любил особенной любовью, ибо он считал его наибольшим выразителем именно русского духа. Все районы Города изобиловали зелеными насаждениями, но именно в этой его части они получили наибольшую свою концентрацию. Нигде больше Захария не встречал такого количества парков, тенистых аллей, водоемов и каналов, через которые были переброшены воздушные по своей изящности мостики. Он терпеть не мог английских парков из-за их «причесанности» и «прилизанности», где каждый кустик, словно солдат в строю роты почетного караула, не имел своей индивидуальности. В парках же «русского» сектора, за растениями хоть и ухаживали, однако давали им возможность проявить всю свою природную, а не искусственную красоту. Некоторые из местных остряков называли его не иначе как «садовое кольцо», явно на что-то намекая. Впрочем, по большому счету, это так и было. Еще дальше к внешнему радиусу, постройки в стиле «русского барокко» плавно перетекали в «рококо», а тот в свою

очередь передавал палочку архитектурной эстафеты зданиям эпохи «классицизма», со строгими фасадами и с ярко выраженной четкой геометрией улиц и кварталов. Но и он уступил в свою очередь место для «модерна», который представлял собой здания с выступающими вперед или отступающими в глубину стенами, и наличия в декоре разноцветных материалов. Еще одной характерной чертой данного стиля являлись вытянутые изящные формы с текучими линиями оконных рам, лестницы с элементами растительности из металла, обвивающими перила. И хотя этот район по «престижности» несколько уступал «садовому кольцу», но пользовался заслуженной популярностью у жителей Города, в особенности у пожилой его части. Именно в этом районе и проживал Захария. «Советский» период, к счастью не оставил каких либо заметных следов на территории Города. Не было ни безликих серых девятиэтажек с их клетушками, называемыми по какому-то недоразумению «квартирами». Как и не было дурацких названий улиц, типа «промышленная», «фабричная» или того хуже, какая-нибудь «3-я Строительная» или что-нибудь в этом роде. И вообще, названия улиц в Городе не служили банальной утилитарности, а подчеркивали свою индивидуальность. Тут были улицы Вдохновения и Яблочный Спас, Вишневая и Радужная, Жемчужная и Медовая, Фонтанная и Лебяжья. И конечно же были улицы, скверы и парки, носящие имена героев и выдающихся деятелей, многие из которых хоть и не попали сюда по каким-то при-

чинам, но оставили заметный след в той России, что осталась там, на Земле. Самым большим по размеру и количеству в нем проживающих, вследствие того, что охватывал собой весь Город с внешней его стороны, был район «Простоквашино». Ну а как же без него? Каждый уважающий себя город должен иметь свое «Простоквашино» и Город, в этом плане не отличался от своих земных собратьев. Словно глыбы двухсот, а то и трехсот этажных хай-тековских айсбергов из стекла и бетона, район плотной цепочкой опоясывал весь город по периметру. Всеми цветами радуги играли лучи местного светила на ребрах этих исполинов при восходе и закате. Вся эта громада была выстроена за каких-нибудь, 70-80 последних лет. Всего здесь было слишком. Слишком высокие, по мнению Захарии, здания в 500 и выше метров, слишком много стекла и бетона, навевающие невольный холод вдоль позвоночника, слишком много льющегося из окон света, слишком много технических «наворотов», таких например, как самодвижущийся асфальт, и вообще, по мнению Захарии, здесь не за что было уцепиться взглядом, он как бы соскальзывал со слишком гладких стен зданий. Знатоки и специалисты, правда, в один голос утверждают, что череда небоскребов, обладая большой парусностью, как бы создает свой микроклимат в Городе, уберегая его от порой неслабых дуновений ветра. Но, как бы там не было, «райанцем», особенно из молодого поколения, нравилось иметь квартиру с окнами во всю стену, хотя местные психологи так и не суме-

ли внятно объяснить тенденцию любви к проживанию в «аквариуме». Не понимал этого и Захария, поэтому очень редко бывал в этой части города.

VIII

Пока Захария любовался вечно молодым городом из окна своей скромненькой, как деревенская девушка «шестерки», в отделе Наблюдения нарастала тихая паника. Источником панических настроений был, естественно, ничего не подозревающий полковник, только что тихо покинувший отдел, а единственным и главным участником паники был врио начальника отдела – майор ангельской службы Лев Вершинин, он же Левушка. С нетерпением дождавшись, когда, наконец, за приятелем закроется дверь, с неприличной для его звания и должности скоростью, он ринулся к экрану монитора, чтобы еще раз, в замедленном темпе просмотреть запись, которую он благоразумно сделал при первом Т-сканировании. Вот Захария размеренным, но нешироким шагом, чтобы не обогнать ненароком ребенка, переходит проезжую часть. Левушка подкрутил микрометрический винт для увеличения изображения. Гмм... Вот и первая особенность. Не Захария держит ребенка за руку, что было бы естественно в данной ситуации, а она сама, буквально вцепилась в него, как будто кто хотел оторвать ее от него. Дети очень редко в таком возрасте поступают подобным образом. Вот они доходят почти

до середины проезжей части. Так. Стоп. Вот Захария спотыкается на ровном месте. Что это с ним вдруг? Вот появляется «джип». «Та-а-ак. А откуда он появляется?!» – пробормотал Левушка под нос себе. Покрутил еще какие-то винты. Сделав изображение широкоформатным. И немного отмотав назад, стал наблюдать заново. Вот он опять с дочерью переходит дорогу, «джипа» нет. Дойдя до середины, спотыкается, появился «джип». Но откуда?! Он должен был выскочить из-за поворота. Но широкоформатное изображение показывало, что за поворотом никаких МАШИН НЕТ. «Как же так?! Не из воздуха же он появился?!» Еще и еще раз просматривал этот кусок записанного видео. На лбу появилась испарина. Видео упрямо показывало, что «джипа» за поворотом не было. Он возник сразу и ниоткуда. Решил повнимательнее разглядеть само орудие ДТП. С виду вроде бы обыкновенный «джип», правда, излишне хромированный, аж глаза режет. «Глаза режет» – повторил свою мысль вслух Левушка. «А может неспроста режет, а специально?! Но зачем?!» И тут же отвечая сам себе на риторический вопрос: «А затем, чтобы отвлечь! Но от чего?» Максимально приблизил изображение «джипа» к себе. Стекла машины были густо, вопреки всем нормам, затонированы. Это годилось для российских гаишников, но не могло ввести в заблуждение аппаратуру, которой располагали «райанцы». Левушка включил «освещение» кадра, чтобы разглядеть странного водителя. Лучше бы он этого не делал. За рулем «джипа» НИКО-

ГО НЕ БЫЛО. От слова вообще. Салон был пуст. И тем не менее автомобиль несся как угорелый. Пот уже вовсю струился по лбу, вискам, затекая за накрахмаленный воротничок. Стал смотреть дальше. Вот Захария отбрасывает дочь далеко вперед себя. Левушка заставил себя не зажмуриваться и досмотреть до конца сцену столкновения. Оба тела, с разницей в пару секунд падают в разные стороны. То, что поменьше с раскинутыми в стороны ручками и ножками на асфальт тротуара, то, что побольше нелепым мешком метров в пятнадцать вперед, по ходу движения транспорта. «Та-а-к, – мысленно уже готовя, себя к дальнейшим сюрпризам подумал майор, – И где же наш «джип теперь?» Развернул картинку вслед за машиной. Дорога была чиста. Если конечно не считать валявшегося неподалеку тела несчастного реципиента. Невольно поймал себя на мысли, что безумно хочется перекреститься. Нажал на клавишу «пауза». Воровато оглянулся. За стеклом выгородки царила обычная деловая атмосфера. В его сторону никто не глядел – все были заняты своими делами. Истово перекрестился. Опять оглянулся, после чего отжал клавишу и продолжил просмотр. Вот начинает собираться толпа. Вот опять крутится неприятный типчик в белой «двойке» и темных очках. Вот опять Инесса, повернув голову в сторону наблюдателя, шепчет слово «папка». «Не может этого быть. Ну просто не может. Я же не сошел с ума! Или уже сошел?!», – приговаривал он тихонько. «Почему именно в эту сторону она повернула голову? Не

в другую и не глядя в небо, как это было бы естественно, а именно в эту сторону». И тут ему пришла в голову здравая мысль: «А почему бы не сделать распечатку внутреннего состояния всех участвующих в этом деле лиц? Если я сошел с ума, то компьютер же не мог вместе со мной свихнуться?!» Сказано – сделано. Выбрал два кадра. Один – за одну десятую секунды до столкновения, второй – момент поворота головы и произнесения девочкой слова «папка». Курсором обозначил всех запечатленных лиц, ткнув на всяких случай и в тонированное стекло «джипа». Набрал команду на клавиатуре команду «основные жизненные параметры», затем немного подумав, добавил к ней «параметры окружающей среды» и нажал «ввод». Возле каждого из обозначенных персонажей, компьютер мелким шрифтом ядовито-зеленого цвета выдал информацию. «Ешкин кот! – не поверил своим глазам Левушка. – Выходит я тут дурак не единственный!» На первом кадре, где были запечатлены отец, дочь и автомобиль, только показатели ребенка с повышенным артериальным давлением и учащенным сердцебиением не вызывали никаких вопросов. Крестик курсора, направленный на лобовое стекло «джипа» выдал сногсшибательную информацию: «Параметры идентификации не подлежат». «И как это понимать прикажете?!» – вскинулся он. Еще пару секунд назад он надеялся, что курсор наведенный на лобовое стекло покажет отсутствие в данном месте какого бы то ни было организма. А тут... организм, стало быть, имеется, но иденти-

фикации не подлежит. Кретинизм компьютера был, что называется налицо. Переведя взгляд на отца девчушки, и во все пришлось поднимать упавшую на клавиатуру челюсть. Напротив его изображения горела надпись: «Обширный повторный инфаркт. Время наступления клинической смерти – 1,89 секунды назад». «Это что же получается? Будучи уже мертвым он сумел отбросить ребенка в сторону?! А «джип» значит, задавил уже мертвеца?! Ну и дела...» – схватился за голову Левушка. Внизу экрана тоже светилась надпись, на которую он сначала не обратил внимания. Надпись гласила: «Температура в эпицентре +16 °С. Температура окружающей среды +23 °С.» Разница составляла 6 °С. «Температурной аномалии еще тут не хватало» – обреченно подумал он. И тут ему в голову стукнула уже вторая за день мудрая мысль. Нажал клавишу селекторной связи:

– Эллочка, – обратился он к регистратору плановых операций. – Будь любезна, посмотри пожалуйста в журнале контроля за завершением операций на сегодняшнее число, зарегистрирована ли заявка на наблюдение за окончанием операции по координатам – город Самара, улица Пугачевский Тракт на пересечении с Ново-Молодежным переулком, время приблизительно 7 часов 50 минут по местному?

Прошла минута, затем вторая... Он уже начал подозревать, что ответ регистратора не принесет ничего хорошего, когда в динамике что-то зашуршало и неуверенный голос неведомой Элочки испуганно произнес:

– Лев Михайлович, тут такое дело... Я в общем ничего не понимаю...

– Не тьяни! Говори, – оборвал он ее.

– Первоначально такая заявка была из отдела аналитики, еще с прошлой недели значится, все как и положено при штатных завершениях. И действительно по этим координатам. А потом... потом отменена.

– Когда отменена?! – с недоумением и уже с нотками раздражения в голосе спросил он. – Кем?!

– Сегодня отменена. В семь пятнадцать...

– Кем?! Кем отменена?! – не скрывая злости на весь белый свет закричал он.

– Извините, Лев Михайлович, – чуть не плача ответил динамик селектора. – Вами отменена.

Он уже хотел было наорать на нее, не сошла ли она там с ума, ведь все знают, что на службу он приходит всегда к восьми утра, в это время на рабочих местах сидит только дежурная смена, но вовремя прикусил язык, понимая, что девчонка тут не причем.

– Какая формулировка сопровождала отмену заявки? – уже более спокойным тоном спросил он.

– Формулировка пояснения отсутствует.

– Ясно. Спасибо, – сказал Вершинин и отключился.

«Так-так, – подумал он про себя, – а ведь дело принимает совсем уж дурной оборот. Кто-то явно не хотел, чтобы информация о завершении в общем-то рядовой операции стала

достоянием общественности». Немного посидел в задумчивости, то и дело поправляя сползающие с носа очки. Потом его рука сама опять потянулась к селектору, опять предусмотрительно нажав заранее на «запись». Набрал нужный номер и включил экран, чтобы видеть собеседника. Экран вспыхнул светом и на нем показалась длинноволосая с острым носом физиономия еще далеко не старого начальника отдела ПВ-перемещений Дмитрия Борисова :

– Отдел ПВ-перемещений. Слушаю.

– Привет, скуфейкин сын! – не слишком приветливо поздоровался Вершинин со смежником.

– Здорово, разночинец ! – в тон ему ответила длинногriвая голова.

Со стороны могло показаться, что встретились руководители двух враждующих меж собой группировок, настолько груб и фамильярен был их тон. Но все на самом деле было не так. Просто между старыми друзьями, а они действительно дружили уже давно, в силу примерно одинакового возраста и положения в ангельской иерархии, было принято такое неформальное обращение друг к другу.

– Я вот по какому делу тебя беспокою. Сегодня утром в районе Самары, примерно без 10 минут 8 утра по местному времени должна была завершиться операция...

– Ты говоришь о Захарии? – перебил его тот.

– Да. А что?

– Ничего. Просто я тут сижу и ломаю голову. Сам хотел

тебе набрать, посоветоваться. Да ты меня, видишь, сам опередил.

– Вот именно. Что там у вас такого случилось, что операция завершилась аварийно? – чувствуя себя на пороге открытия, спросил Вершинин.

– Там вообще с этим делом возникла нехорошая свистопляска...

– Ну-ну, говори-говори, – подбодрил Борисова Левушка.

– В общем, операцию как всегда разрабатывали спецы из отдела по планированию. Ты сам прекрасно знаешь, что приказы на завершение операции – дело довольно редкое. Никто не знает реальных сроков завершения операции, если только... Если только его не спровоцировать, то есть специально подстроить. Ну да это уже не наше дело. Дела у нас уже такие были с соответствующими приказами, поэтому ничего удивительного в этом сначала я не находил. Первоначально операция, в соответствии с приказом, должна была начаться и закончиться в 7 часов 52 минуты 32 секунды по местному времени, естественно. Суть ее заключалась в том, что «реципиент» с ребенком попадают в ДТП при переходе проезжей части дороги. «Реципиент» погибает, но перед смертью успевает вытолкнуть из под колес «джипаря» ребенка. Такова была первоначальная фабула сюжета.

Дмитрий на несколько мгновений замолчал, облизывая пересохшие губы, а затем как бы подчиняясь просящему взору собеседника, продолжил:

– Однако примерно неделю назад, из того же отдела планирования пришла корректировка, которая отменяла прежний приказ и давала новую вводную, а именно, сдвинуть сроки проведения операции ровно на 2 минуты вперед, то есть в 7 часов 50 минут 32 секунды. При этом раскладе, девочка должна вырваться из рук нашего подопечного и самостоятельно перебежать проезжую часть, а «реципиент» должен был при переходе дороги просто умереть в результате сердечного приступа. Сам знаешь, хозяин – барин, а наше дело извозчицкое – куда прикажут, туда и едем...

– Оба приказа были подписаны одним и тем же лицом? – перебил его Вершинин.

– Да. Начальником отдела планирования Васильевым. Причем, виза там стоит только во втором приказе, причем самого Гавриила. Да ты слушай, а не перебивай.

– Ладно-ладно. Извини, – поспешил Левушка. – Продолжай.

– В нашем понятии сдвинуть срок операции вперед, означает, что для сокращения времени необходимо максимально убрать все потенциальные препятствия, могущие как-то этому помешать и задержать сроки ее проведения.

– Понимаю.

– Ну вот. Сбил меня, – укоризненно проворчал Борисов. – На чем я остановился?

– О том, что «клиент» должен был умереть от сердечного приступа, – напомнил Левушка.

– Ах да. Всех кого можно было, мы убрали – бабушек у подъезда, прохожих, могущих ненароком вступить в контакт, в общем, все как положено. И тут на исходе 45-й минуты, а точнее в 7 часов 45 минут 56 секунд появляется неучтенный фактор в лице, а точнее в морде, какого-то щенка, неожиданно вылезшего из кустов.

– Какого еще щенка? – недоуменно спросил майор.

– Да откуда я знаю?! Кабысдох какой-то. Не суть важно. Опять ты меня перебиваешь.

– Все-все. Больше не буду, – сказал он, делая жест, как будто застегивает рот на «молнию».

– Короче они там болтают о том, о сем, – продолжил Борисов. – Причем ровно две минуты, тютелька в тютельку, мы тут все в панике, потому что летит в тартарары вся программа. При переходе проезжей части опять происходит накладка – девчонка не вырывается из рук, а как клещ вцепляется в батьку. Ну, в общем, так как-то. В результате все идет по первоначальному варианту. И вот теперь мы гадаем. Что из всего этого будет, и чем нам все это грозит. Вот.

– Ясно, задумчиво проговорил Вершинин.

– Кстати, а ты-то почему заинтересовался этим делом?!

– Почти по тем же самым причинам...

– Каким образом? – вскинув густые брови, спросил Дмитрий.

– А вот так. Отдел аналитики на прошлой неделе, как это и положено заказал нам произвести контроль и наблюдение за

завершением операции. Им это надо для статистики. Заявку мы приняли и оформили, как и положено. Но контроль и наблюдение, о чем я узнал совершенно случайно, нами проведены не были.

– Почему?! – выпучил глаза Борисов, в крайнем удивлении от такого наглого нарушения трудовой дисциплины.

– Потому что примерно за час до вышеозначенного события, заявка была отменена.

– Они что там, с ума сошли, аналитики хреновы?! – не выдержал лохматый «извозчик».

– Аналитики здесь не причем. Заявку отклонил я, – тихо сказал Левушка.

– Ты?! Правда?! Не верю! – воскликнул Борисов.

– Я и сам в это не могу поверить, да факты убеждают. В журнале регистрации резолюция об отмене сделана моей рукой.

– Но ведь ты же не мог это сделать в здравом рассудке?! – с надеждой спросил долгогривый.

– Конечно, не мог. Ни в здравом, ни в больном. Заявка отменена в семь пятнадцать, а я на работу прихожу к восьми. В бесплотные духи я не верю, раздваиваться не умею, – невесело закончил он.

– Н-дя, – почесал в затылке лохмач. – Даже и не знаю, что тебе посоветовать. Прямо райский детектив какой-то.

– Да уж, – протянул Левушка. А потом будто спохватившись спросил. – А ты Васильеву звонил? Не интересовался,

с чем связаны все эти изменения в задании?

– Звонил. Как не звонил?! Первым делом.

– И что? – с надеждой спросил Вершинин.

– А-а, – махнул рукой тот. – Васильев с сегодняшнего дня как раз в отпуске. И коммуникатор у него отключен. Будет через месяц, не раньше.

Помолчали. Каждый думал о своем. Первым нарушил молчание Левушка:

– Ладно, Димон, я тут еще посижу, покумекаю. Возникли кое-какие мыслишки. Спасибо тебе.

– Да не за что. Ты вот что... Ты держи меня в курсе. Мало ли что? Потом может еще посидим, подумаем. Полторы-то головы, все лучше, чем одна! – попытался приободрить друга Борисов.

Шутку Дмитрия Вершинин пропустил мимо ушей, погруженный в свои мысли:

– Ладно, Дим, салют. До встречи.

– Салют.

Экран погас и Левушка опять остался наедине с проблемой, которую он сам для себя и нашел.

– Левушка, ты что тут сидишь?! – неожиданно прозвучал приятный женский голос над ухом.

Тот от неожиданности вздрогнул, и дико озираясь, будто его застали врасплох, за не очень хорошим занятием уставился симпатичную, всю в кудряшках ангелицу, словно впервые видя ее:

– А?! Что?! Что случилось, где?!

– Да нигде ничего не случилось. Просто, говорю, обед. Вон, все уже в столовку потянулись, а ты тут сидишь, как будто не слышишь.

Медленно приходил в себя. Вместе с приходом пришло и узнавание:

– Я, это, Милена... Я не хочу еще. Не проголодался. А-а, ты иди. Не волнуйся за меня, я это... потом перекушу чего-нибудь.

– Ну уж нет, Левушка! Так легко ты от меня не отделаешься! – тряхнула она хорошенькой головкой и продолжила. – Девочки на собрании постановили, чтобы я следила за твоим питанием. А то ты совсем за собой не следишь. Совсем исхудал! Так нельзя!

– Милена! Ну, пойми же меня! Не видишь, я занят?! – уже с откровенной мольбой в голосе проговорил он.

– Левушка! Впереди почти вечность! Успеешь ты еще навозиться со своими формулами! – в свою очередь взмолилась настойчивая сотрудница. – Они никуда не денутся, а обед остынет! Не упрямясь же, пойдем, мой плюшевый медвежонок. – Промурлыкала она, презрев Устав и субординацию.

– Женщина! – уже чуть не плача возопил он, закатывая глаза в бессилии перед напором своей подчиненной. – Да оставьте же вы меня, наконец, в покое!

Будь на ее месте кто другая, все бы на этом и закончилось.

Но этой другой, как назло, не оказалось. Мало того, Милена уже давно и безнадежно, о чем знали все вокруг, была по уши влюблена в свое руководство, которое сидело сейчас перед ней и выкобенивалось изо всех сил. Руководство уже на протяжении нескольких лет выкобенивалось и упорно не желало замечать ее доселе робких ухаживаний. А она, как на грех, после долгих раздумий и ночных слез в подушку, решила-таки штурмом овладеть эту проклятушую крепость, причем именно сегодня. Умоляющие нотки в голосе с закатыванием глаз, только раззадорили не в меру активную в своих неумных желаниях ангелицу. Подскочив сзади, она попыталась взять его под локти и оторвать от табурета. Он взвыл, и его вой моментально перешел в оперное крещендо. Его крылья в беспорядочной суматошности хлопали и стегали ее по лицу, так, что перья полетели и закружились под потолком, как будто лиса из русской народной сказки попала в неохраняемый курятник и устроила там переполох. Однако девчонка не хотела униматься, уже войдя в раж:

– Я все равно накормлю тебя, пупсичек мой! Во что бы то ни стало! – пыхла она, уже предвкушая свою победу.

Однако «пупсичек» каким-то невероятным финтом выкрутился из стальных объятий голодной тигрицы, вышедшей на охоту, и одним прыжком оказался у противоположной стены.

– Пошла вон! Зараза! Лахудра, мать твою! – что было мочи, заорал он, уже вне себя от накатившей ярости.

Эти грубые слова так не вязавшиеся с данным местом, а еще больше не вязавшиеся с внешностью и характером майора Вершинина, как громом в самое темечко ударили младшего лейтенанта Вахрамееву. Ее маленькие кулачки невольно разжались и полы отдела пополнились еще несколькими упавшими на них перышками майорских крыльев, а глаза вдруг наполнились влагой.

– С-сударь! Д-да вы просто хам! – как-то по-детски нелепо и некрасиво кривя свои губы в плаксивой гримасе, тихо проговорила она. Затем резко развернулась на носках, открыла стеклянную дверь выгородки и уже из-за порога процедила сквозь зубы, четко акцентируя каждый слог:

– Не-на-ви-жу!

При этом волосы у нее на макушке подозрительно сами собой зашевелились. (Прим. автора. Шевеление волос на макушке, в данной ситуации, прямо указывает на то, что черепная коробка сердящейся на кого-то женщины, явно готовится обзавестись костными образованиями в виде вертикально ориентированных наростов, в быту называемыми – рожки. Поэтому, дорогие мужчины, примите совет: не сердите свою любимую женщину, если не хотите спать с козой. Шутка).

Опалив напоследок, еще недавно обожаемого начальника испепеляющим взглядом, так саданула дверью, что стекла посыпавшиеся оттуда мелкими льдинками оросили вконец обалдевшего Левушку. В полной прострации от всего про-

изошедшего, он еще постоял в растерянном оцепенении какое-то время, явно не зная, что предпринять в такой ситуации, а потом, будто вспомнив, махнул рукой и опять уселся на крутящийся табурет, возвращаясь к так некстати прерванному делу. «Так, на чем же мы там остановились? – уже окончательно приходя в себя, проговорил он, – А остановились мы на втором стоп-кадре». И действительно, второй стоп-кадр, на котором были запечатлены лежащая на асфальте девчушка и толпа сочувствующих ей граждан, собравшаяся вокруг нее. Кадр был не менее загадочным, чем предыдущий. В нем не было ничего примечательного, за исключением двух коротких надписей. Метка курсора, наложенная на типчика в белом костюме, точно также как и та, что была наложена на лобовое стекло автомобиля, отказывалась выдавать идентификационные параметры его тела. Вторая надпись, раскрывающая температуру локальной среды по отношению к окружающей, тоже была связана с «белокостюмным», прямо указывая на него, как на эпицентр ее понижения. Левушка в глубокой задумчивости потер лицо. Умственных способностей даже рядового ангела хватило бы для понимания того, что именно этот «типчик» является ключевым игроком во всем произошедшем. Уставив локти на стол, и обхватив руками опущенную голову, Левушка погрузился в невеселые размышления. Но видимо трепка заданная ему влюбленной фурией все же возымела действие и стимулировала активность его мозговых извилин. Ему вдруг при-

шла в голову оригинальная мысль: «А что, если перестать просматривать в который уже раз сделанную запись, а зайти в то же самое время и место и заново его отсканировать?» Не откладывая задуманное в долгий ящик, включил ПВ-сканер и быстро набрал уже запомнившиеся место и время события, не забыв предварительно включить запись. А дальше начиналось настоящее сумасшествие. С первых же кадров началось разительное отличие от того, что было записано первоначально. Во-первых, дойдя до края тротуара и собираясь переходить дорогу, девчушка не стала вцепляться в руку отца, а вырвалась и вприпрыжку пустилась на противоположную сторону, куда благополучно и прибыла, помахав оттуда отцу ручонкой. Во-вторых, переходя вслед за дочерью проезжую часть, дойдя до ее середины, Захар, неловко запнувшись, начал медленно оседать на дорогу, где и остался лежать, не подавая признаков жизни. Левушка не стал выключать запись, а дождался не только, пока соберется толпа сердобольствующих, но и пока не приехала «скорая». Никаких беспилотных «джипов», ни типа в белом даже и близко не наблюдалось. Температура локальной и окружающей среды были идентичны. Майор ангельской службы Лев Михайлович Вершинин, петербургский интеллигент в четвертом поколении никогда не курил. Даже не пробовал. В их семье эта пагубная привычка не культивировалась. Не стал он курильщиком и в Раю, где курение хоть и не запрещалось напрямую, но стояло в ряду чего-то ужасно неприличного.

Сейчас же, сидя на вертящемся табурете, спиной к разбитой двери с торчащими осколками стекла и смотря безотрывно в тубус бинокюля, он поймал себя на мысли, что ничего на свете не желает в этот момент, кроме как затянуться длинным затягом какой-нибудь папиросой с табаком позабористей. Выключил аппаратуру. Посидел, подумал. Опять включил и снова набрал координаты случившегося. Опять поставил в режим непрерывной широкоугольной записи. Сюжет с отсутствием, как он назвал про себя «сладкой парочки» из «джипа» и инкогнито в белом, повторился. Левушка не был ленивым ни в той, ни в этой жизни. Он повторил этот эксперимент и в третий, и в четвертый, и в девятый раз. Он уже хотел было прекратить «издевательство» над техникой слежения, но для ровного счета все же решил повторить это действие в десятый – последний раз. И тут его подждал еще один сюрприз. На этот раз девочка опять с силой вцепилась в папину руку. А вот появление «джипа» Левушка приметил, когда тот еще поворачивал из-за угла. Но он никак не походил на первоначальный. Тот был черным сплошь хромированным «крузаком» с тонированными стеклами. Этот же был серым «туарегом» о чем свидетельствовала надпись на решетке радиатора. И стекла у него были вполне прозрачными. Вершинин навел на него курсор, ставя метку. Тут же высветилась информация. За рулем сидел, а точнее лежал, пьяный «в дымину» детина геркулесовского телосложения, 85-го года рождения с ничего не говорящими именем и фа-

милией. Захар также споткнулся на ровном месте и «умер» за две с половиной секунды до столкновения. А вот типа в белом костюме не было, как не было и температурной аномалии. Опять пришлось заново «насиловать» технику. Обед уже давно кончился. В отдел вернулись и заняли свои рабочие места сотрудники. Пришла, что-то ворчащая себе под нос уборщица, шумно сгребая веником в ведро осколки битого стекла. Левушка, занятый разгадыванием головоломки, ничего этого не замечал, как не замечал и укоризненных женских взглядов в свою спину, наверняка уже введенных в курс дела, одной своей незадачливой товаркой. Он уже сам не помнил, какой по счету проводил эксперимент. Все он повторяли результат десятого. Так, ни в чем и не разобравшись, он и заканчивал этот бесконечно утомительный рабочий день. Подспудно чувствуя, что стал невольным участником то ли неумного розыгрыша, то ли дурной «детективщины», захотел с кому-нибудь выговориться. Заозирался по отделу. Кандидатов на «жилетку для плача» не находилось. Тяжко вздохнув, решил, что лучшей кандидатуры, чем непосредственное начальство, для этого не найти. Начальство находилось в творческом отпуске. Еще раз вздохнув, достал из поясной сумки коммуникатор и набрал номер начальника службы наблюдения и контроля – полковника Герарда Петровича Тацита. Прошло не меньше десяти гудков прежде чем на том конце раздался приятный баритон:

– Слушаю тебя, Левушка.

– Salvete , Герард Петрович. Прошу меня великодушно простить, если я оторвал вас от высоких размышлений, – начал оправдывающимся голосом лепетать он.

– Пустое, Левушка, – отмахнулся полковник. – Ни от каких таких высоких дум ты меня не отрывал. Петрушку я сажал в огороде, поэтому долго не подходил к комтору, – пояснил он свою неспешность.

– Ой, как хорошо, – тут же обрадовался заместитель.

– А что случилось?! – заинтересованно произнес Петрович. – Я тебя знаю не первый год, ты не станешь среди ночи будить жителей первого этажа, когда на третьем, вовсю полыхает пожар.

– Гмм, верно, – согласился он с шефом, хотя ей Богу не подозревал за собой таких качеств.

– Ну, вот о чем я и говорю. Так, что говоришь, там у васстряслось то?

– Видите ли, Герард Петрович, мне срочным образом необходимо с вами посоветоваться. Я либо стал объектом невероятной мистификации, либо летят в тартарары все основы темпорологии.

– Так-то уж и в тартарары?! – удивился шеф.

– Да-да, именно так!

– Раз уж основы рушатся, значит – дело серьезно. Сможешь сейчас после работы?

– Конечно смогу.

– Вот и отлично. Жду тебя через полчаса. Я пока кофе

поставлю. Prior conventus , – сказал на том конце Петрович и отключился.

IX

Размышляя о Городе и его архитектуре, нанизывая свои мысли, словно бусины на ланку, Захария и не заметил, как оказался на улице Красных Зорь, где и находилась его холостяцкая, как он сам не раз публично признавался, «берлога». Она представляла из себя сравнительно небольшой – в два этажа домик, угнездившийся в глубине скромного палисадника, с восемью комнатами, и маленькой терраской на втором этаже. Учитывая его положение в местной ангельской иерархии и финансовые возможности, жилье действительно было довольно скромным и непритязательным. «Умный» дом, настроенный на биотоки хозяина, «завидев» его еще на подъезде, заботливо распахнул свои ворота, пропуская «шестерку» внутрь палисада. Машину загонять в гараж не стал. Поленился. Достал «барсетку» с заднего сиденья, вышел из авто и разминая затекшие от почти трехчасовой езды ноги и шею, оглядел свое нехитрое обиталище. «Дом, милый дом. Кажется, так принято говорить в бытовых забугорных сериалах» – с усмешкой подумал он, поднимаясь на невысокое крылечко. Потоптавшись нерешительно на крыльце, привычным жестом отжал ручку входной двери книзу. Замков, где бы те не находились, «райанцы» абсолютно не признавали и не устанавливали ни в домах, ни в учреждениях.

Прошел в прихожую, где датчик «присутствия» автоматически зажег свет. Откуда-то сверху доносился невнятный гул. Прислушался. Гул не прекращался и был похож на звук работающего пылесоса. Он уже догадывался, кто бы это мог быть, поэтому ничуть не спеша разулся, и блаженно на ходу разминая пальцы ног, стал подниматься по узкой и скрипучей винтовой лесенке на второй этаж. Шум от работающего пылесоса заглушал его несколько не тихие шаги, поэтому стоявшая к нему спиной и орудующая в комнатных закоулках длинной трубкой на гофрированном шланге, пожилая женщина никак не отреагировала на его появление. Пришлось кашлянуть, чтобы обратить на себя внимание. Маленькая сухонькая женщина, в повязанном на «пиратский» манер ситцевом белом платочке, по-старчески неторопливо обернулась на посторонний звук. Какое-то мгновение в ее бесцветных от старости глаз плавало недоумение, но потом ее глаза как-то разом засветились от неподдельного счастья и она уронив на пол хобот пылесоса всплеснула руками:

– Ох-ти ж мне старой! Никак Захарушка наш домой возвратился, а я то и не малтаю хтой-то там у заплота шуробит! – с этими словами она обняла своими сухими старушечьими руками его торс и приникла головой к его груди.

– Здравствуй, баба Луша! Здравствуй, моя дорогая! – с комом в горле от нахлынувших чувств, проговорил он, крепко обнимая, в свою очередь, худенькие плечики старушки.

Это была бабка Лукерья, не то домработница по найму,

не то добрый друг и ангел-хранитель. Должны же и у ангелов быть свои охранители?!

Бабка Лукерья попала сюда в середине XV века по земному счету времени. Жила она тогда в сельце, что находилось в Ростовском пока еще княжестве, и была она великая травница и на всю округу славилась своим знахарским умением, беззлобным характером и готовностью помочь в любое время. То роды тяжелые надо принять – бегут к ней, то избавиться от огневицы – опять без нее никак, а уж кровь затворить, али боль унять зубную – это уж как пить. Жила она одиноко в убогой избенке, почти что землянке, на краю села. Всей живности во дворе – петушок да козочка. Петушка селяне часто брали займы на «развод», уж больно шустрым он был по этой части, а коза давала жирное до желтизны молоко и шерсть, из которой бабка вязала копытцы (носки), которые с большой охотой разбирали односельчане. Ну и лечила, само собой всякого кто ни попросит. Денег за лечение, отродясь не брала, ибо как считала сие греховным делом, а если благодарные исцелившиеся одаривали ее чем ни то, лапотинной какой или съестным чем, то николи не отказывалась. Так и жила, сама точно не ведая который десяток лет топчет землю. Так бы и жила, в назначенный ей час, отойдя к Богу, смиренно предавая в руцы его свою душу, если бы не «залом». Серпень (август) в тот год выдался особенно жарким. Давно такого не было. Подошло время убирать рожь с поля. Нужно было торопиться управиться к Успенью Божьей ма-

тери, ибо она не любила «перестаивать» и грозила вот-вот начать осыпаться. А тут, как на грех, выйдя утром на зорьке всем селом убирать урожай, сельчане, еще не приступив к делу, обнаружили у самой кромки поля «залом». Чья-то неведомая злая рука скрутила пучок колосьев и завязала его в узел. Ужас и отчаяние охватил жителей села, ведь не иначе как сам Нечистый приложил с сему свою грязную лапу, а следовательно место сие стало проклятым и жатву начинать никак было нельзя. Бабы выли в голос, вцепясь в раскосмаченные головы, царапали себе лица в кровь, плакали тоненькими, голосами детишки, угрюмо и обреченно супились мужики. Позвали местного батюшку, чтобы тот «отчитал» проклятье и развязал узел со молитвою на устах. Но батюшка наотрез отказался от этого, как его не просили всем селом стоя на коленях. Наконец смилостивившись он заявил, что все это дело рук самого Дьявола, верной рабыней которого является ни кто иной как бабка Лукерья. «И не будет вам ни всходу, ни умолоту докель не поглотит геенна огненная богпротивную дьяволу дочь» – воздевая распятие заявил он. Неизвестно что тому было первопричиной, то ли недалекость ума сельского священника, то ли банальная зависть, а только жители села, недолго думая, двинулись всем табором к убогому жилью старухи. Завидев грозно надвигающуюся и тяжело дышащую от внезапно проснувшейся злобы толпу, бабка стала причитать и увещевать, как могла еще недавно таких добрых соседей. Но ее увещевания ни к чему не при-

вели. Это она быстро поняла, увидев уверенно и неумолимо сжимающие руки, откуда-то уже взявшие колья. Она юркнула в избенку, наивно надеясь отсидеться там до вразумленья Господня односельчан. Только ее бегство еще больше раззадорило посельцев. В небе ни тучки, ни ветерка. Жара и сушь. А сзади подначивающий голос батюшки: «Огнем! Огнем ея, окаянную! Тем себя спасете и ея также!» Врываться не стали, а дружно навалились, подпирая кольями дверь и ставню подслеповатого оконца. Чиркнули кресалом, раздувая огонь. Даже глупый человек может иногда мыслить рационально, толпа, тем более доведенная до исступления этого лишена. Им бы самим помыслить над опасностью подобного вида расправы в такую-то погоду. Ан, нет. Весело и бодро разгорелся огонь, пожирая ветхое жильё несчастной знахарки. Слово пороха вспыхнула крыша, покрытая сухой соломой. Дурным голосом орала бабка, мечась по своей хатенке, стораю заживо. Но даже в своем предсмертном крике не прокляла она своих мучителей. И тут, не ждали, не гадали, откуда-то появился ветер. Да еще какой! Не иначе сам Сатана решил отомстить за свою верную рабыню. Раздуваемые ветром пучки соломы полетели на такие же соломенные крыши соседних изб. Жители кинулись спасать свои домишки. Но куда там! Не прошло и получаса, как горело уже все село. Батюшка, не умом, а скорее другим местом, почуял, что дело приняло совсем не тот оборот на который он рассчитывал, а потому встав на карачки и оттопырив немалый свой зад,

хотел было уползти и спрятаться среди лопухов. Но кто-то из метущихся по горящему селу заметил незадачливого священника и осознав кто тут главный виновник всех бед, указал на него. Дикая ярость затопила разум людской. К нему тут же подскочили, и схватив за руки и за ноги, предварительно раскачав бросили в один из костров. Дикий, пороссячий визг батюшки на миг огласивший окрестности начался и быстро осекся. На том все и закончилось. Что случилось с жителями того села, в данном случае уже не так важно. Умерли ли они с голоду, разбежались ли кто куда, знает только Господь. Знает, но не скажет. Ирония судьбы заключается в том, что и бабка Луша, и церковный служитель, вроде бы и одинаково закончили свой жизненный путь, приняв мученическую кончину, а вот, поди ж ты, старуха очутилась здесь, а батюшка так и пропал не вестимо где. Так-то вот. Все это разом вспомнил Захария, когда обнимал шмыгающую носом и уткнувшуюся ему в грудь старушку.

Бабку Лукерью Захария встретил на Бирже труда почти 550 лет назад, когда пришел туда в поисках домработницы. Вернувшись из очередной многолетней командировки и обнаружив, как всегда, слои пыли, от которой все время свербило в носу, и затянутые паутиной углы комнат («Какого ляда пауки делают в раю?» – всегда искренне недоумевал он), решил положить этому конец. Последний раз, извозившись, как анчутка, в пыли и паутине, пришел на биржу, в твердой уверенности отыскать «благонравную женщину и

чистоплотную женщину средних лет для работы по домашнему хозяйству». Попадавшие в Рай «обращенные» сразу по прибытии обеспечивались полным социальным пакетом, в который входило обеспечение бесплатным жильем, хотя бы в минимальных размерах, медицинское обслуживание, пожизненное (вернее «посмертное», хе-хе) денежное содержание, вполне позволявшее, если и не жит на «широкую ногу», то во всяком случае удовлетворять минимальные потребности. Для желающих как-то повысить свой социальный статус, но по каким-то причинам не нашедшим применения своим талантам, либо низкой квалификации, была создана целая сеть из таких вот бирж, где можно обеспечить встречу между предлагающими свои услуги и нуждающимися в них. Там же можно было и заключить соответствующий контракт между сторонами. Нежданно-негаданно для себя, очутившись в Раю, Лукерья, первое время, сама не своя ходила от счастья: хоть и маленькая – в две комнатухи квартирка, а все не полуразвалившаяся избенка, ни дров, ни хвороста таскать и пилить не надо (местный жилкомунхоз на 500 лет раньше земного стал налаживать газоснабжение в домах), ежемесячное пособие в 250 райалов, с учетом того, что пяти райалов в день вполне хватало для сытой жизни и даже на то, чтобы немножко откладывать на будущее. Конечно, бабушку слегка огорчило то обстоятельство, что в ее услугах целительницы здесь не нуждаются как по причине того, что «райанцы» крайне редко заболевали, так и по причине хорошо нала-

женного медицинского обслуживания населения. Ей, правда предлагали с учетом ее жизненного опыта и познаний в траволечении поспособствовать в поступлении в местный медицинский вуз, но для этого необходимо было сначала закончить школу. От мединститута, бабка решительно отказалась, ссылаясь на то, что годы де ее уже не те, да и не верит она в эти «талбетки». А вот в вечернюю школу, в которую, как она уже успела узнать, ходили многие из ее возрастной группы, охотно пошла, осознавая, что без грамотности нынче никуда. Сидеть без дела, бабка, естественно не желала, да и мысль приобрести собственный домик на лоне природы, где можно было опять завести какую-либо живность, с некоторых пор не давала ей покоя. Все эти обстоятельства и привели бабу Лушу на биржу. Проходя длинными биржевыми коридорами, Захария еще издали приметил ее белый платочек среди чинно сидящих, и ожидающих подходящей вакансии. Чем-то она ему сразу понравилась. Видимо тем, что даже в стенах этого заведения не выпускала вязальных спиц, которые так мелькали, что не давали за ними уследить взгляду несведущего в этом деле. Подсел на как раз свободный возле нее стул. Познакомились. Разговорились и договорились, скрепив достигнутые договоренности биржевой печатью в одном из кабинетов. За 100 райалов в месяц, Баба Луша принимала на себя обязанности раз в неделю убираться в доме и ухаживать за комнатными растениями, которыми он намеревался, подражая шефу, обзавестись в ближайшее

время. Захарии сразу понравились ее ответственность к порученному делу, деловитость, незлобивый характер, а главное – умение вести ненавязчивые душевные беседы от которых ему всегда становилось легко и уютно, как закоренелому грешнику после исповеди у самого епископа. Уже через пятьдесят лет он стал рекомендовать бабу Лушу коллегам по работе, которые, как и он бывали дома лишь наездами и не обзаведшимися брачными узами. Еще двое из его коллег захотели воспользоваться ее услугами. С тех пор бабкины дела медленно, но верно пошли в гору. Через каких-то сто лет, она скопила достаточную сумму для того, чтобы приобрести небольшую усадьбу за Городом, однако решила отложить эту затею в долгий ящик. Причиной задержки с покупкой было большое расстояние между желаемой недвижимостью и местом ее теперешней работы, от которой она отказываться не хотела. Близ Города все участки были заняты, так что и не протолкнешься, да и стоили там дома безумно дорого, а те, что в цене устраивали бабу, находились в лучшем случае в пятистах километрах. Оставалось ждать одного из двух: либо невесть откуда свалившегося на нее суммы никак не меньше миллиона райалов, либо технического прогресса, позволяющего решить проблему быстрого передвижения. Первый вариант был абсолютно фантастическим из-за стойкого неумения копить деньги, что выражалось в неумной бабкиной страсти устраивать раз в месяц набег на местные «блошиные» рынки, покупая там всякую ерунду,

которую она сама потом не знала, куда и девать. Второй вариант был более обещающим, что, в конце концов, и случилось еще через сто лет, когда пустили первую электричку по пригородному маршруту, чем она в скором времени не преминула воспользоваться. А уж когда транспортная система дожила до повсеместного внедрения телепортов, то проблема и вовсе исчезла. К настоящему моменту, баба Луша являлась счастливой обладательницей не только просторного пятикомнатного дома с мансардой, надворными постройками в виде сарая, баньки и загона для двух прелестных «ангорских» козочек, но и 35-ти соток сада-огорода вокруг дома. С подработкой у других ангелов пришлось завязать, ибо новоприобретенное хозяйство требовало постоянного внимания, но с Захарией Лукерья расставаться не желала, а поэтому продолжала выполнять ранее принятые на себя обязательства. Так и жила, шесть дней проводя у себя, а седьмой посвящая дому Захарии. Правда, существовало у нее одно неудобство. Это неудобство имело свою конкретику в лице соседа – тихого пьяницы и отставного солдата – одноногого деда Онфима, который попал сюда двести лет назад, утонув в реке, спасая ребятишек, провалившихся под лед ранней весной. Ребятишек то вытащил, а самому уже не хватило сил выбраться из коварной полыньи. Хозяйство деда, по причине его природной безалаберности пребывало в довольно плачевном состоянии. Относительно благополучное финансовое состояние деда, позволившее ему в свое время при-

купить скромный загородный участок с домиком, базировалось на социальном пособии, а так же на том, что в свое время он весьма удачно продал акционерному обществу «Райбытхим» рецептуру своего самогона. Его, правда, невозможно было пить, но зато он хорошо очищал от локальных засоров городскую систему канализации, не являясь при этом токсичным. (По Раю упорно ходили слухи, что де «Кока-Кола» отлично справляется с данной проблемой, проблема заключается в том, что ни один из ее патентодержателей в Рай проникнуть до сих пор не смогли, видимо по причине своей запредельной грешности). Сам же дед существовал преимущественно в двух регулярно меняющихся ипостасях: в состоянии блаженной нирваны после принятия на грудь очередной порции алкосодержащего напитка собственного приготовления, или же в состоянии «приставучести» к бабке на предмет сватовства. Он регулярно к ней сватался, она с такой же регулярностью ему отказывала, жеманно пожимая плечами. И хотя бабка неоднократно жаловалась на несносного соседкушу, в тайне все же была рада мужскому вниманию, которого была до сих пор лишена, как в том, так и в этом мире. Если дед по какой-то неведомой причине долго не возобновлял любовных поползновений, баба Луша начинала беспокоиться, беспричинно суетиться, плохо спать по ночам, и наконец, не выдержав, надевала на себя все лучшее из одежды и уже сама шла к незадачливому жениху с целью узнать: «не подох ли часом старый окаянец, а то чтой то долго не

видать его нигде». Удостоверившись в том, что он просто задержался в одном из своих агрегатных состояний, гордо вскинув голову и поводя укрытыми шалью плечами, поминутно оглядываясь шла к себе неторопливой и разлапистой походкой.

Покончив с объятиями, старушка засуетилась:

– Что же я стою то, старая! Хозяин домой возвратился, холодный, голодный! А я, дура, ничего не делаю! Ступай до ванны. Хоть ополоснись с дороги, а я пока стол накрою.

– Да что вы, бабушка, какой там стол?! Неужели в магазин побежите!?

– Не сумуй, не сумуй соколик, никуда не побегу, а только стол все одно накрою. Иди, давай в ванную, а я тебе белье подам как будешь вылазить, – скороговоркой зачастила бабка, оторвавшись от Захарии, и подталкивая его по направлению к ванной комнате. После этого ему не оставалось ничего другого как подчиниться, что он не без явного удовольствия и сделал.

Войдя в ванную и прикрыв за собой дверь, с удовольствием разулся, стянул узкие джинсы и потную от многочасового сидения в машине футболку, бросив ее в тазик, стоящий в углу, туда же полетели и казенные одноразовые трусы с инвентарной биркой. Открыл краны смесителя, попутно отметив, что кран с горячей водой подтекает. Отрегулировал напор и температуру на ощупь. Сидеть и нежиться в пенной воде не стал, посчитав подобную задержку неприличной по от-

ношению к суетящейся домохозяйке, а потому переключив рычаг в режим душа, встал под его струи. Постоял, привыкая и постепенно расслабляясь от скопившегося за день напряжения. Не открывая глаз, нащупал в корзинке, прикрепленной сбоку ванны, кусок мыла. Еле отодрал. Видимо он пролежал здесь, дожидаясь хозяина, все тридцать с лишним лет. Выключив на время душ, как следует, намылился с ног до головы. И опять включил, так и этак поворачиваясь под теплым и упругом потоке, с удовольствием пуская струйки, случайно попавшей в рот воды. Дверь в ванну приоткрылась и в образовавшуюся щель проникла бабкина рука, держащая «плечики» с навешанными на них трусами, майкой и махровым халатом. Нащупав крючок, не глядя повесила на него «плечики» и не закрывая дверь поставила у порога смешные розовые домашние тапочки с розовыми помпонами в виде заячьих ушек. Он не смог припомнить, водились ли в его доме такие тапки, ну да ладно. Покончив с мытьем, тщательно вытерся висевшим тут же «вафельным», будто казенным, полотенцем. Быстренько оделся, повернулся к большому зеркалу, чтобы причесаться. «Хорош...», – с явным удовлетворением произнес он вслух. Из зеркала на него смотрел импозантный мужчина тридцать с небольшим лет, в меру загорелый, с хорошо развитой и обозначенной мускулатурой и серыми, сводящими с ума райанских женщин, глазами. Еще раз взгляделся, уже куда более внимательно в свое отражение. Новых морщин, со времени предыдущей командиров-

ки, не прибавилось, убыли в густой шевелюре не наблюдалось, лишь где-то в уголках висков тихо и по предательски притаилась пара седых волосков, но на фоне светлых волос они были незаметны. «Хорош, – еще раз повторил он. – И ведь не скажешь, что возраст за 4000 лет перевалил. А если нас привалить к теплой стеночке, то мы еще ого-го, как много можем». С этими мысленными словами он вышел из ванной и пошел на кухню, откуда уже вовсю доносились вкусные запахи. Зайдя на кухню, увидел суетящуюся у стола Лукерью. Она доставала из большого подвешенного к стене эмалированного шкафа со стеклянной дверцей, какие-то чашки, тарелки и вазочки и бодро расставляла все это на столе. Захария вначале подумал, что это холодильник, но холодильник с надписью «Саратов» стоял рядом на прежнем, как он помнил, месте. Этот же «шкаф» он видел впервые. А на столе чего только не было. В глубоких тарелках, плескался украинский борщ со сметаной, тут же на сковороде скворчали котлеты, издавая невыразимый аромат.

(Прим. автора. Пища в Раю всегда была вегетарианской, исходя из сущности самого Рая. И если «природные» относились к этому довольно спокойно, то вот «обращенные», в большинстве своем, были крайне раздосадованы данным обстоятельством. Это омрачало бы настроение еще неизвестно, сколько лет, пока местные ученые не научились сначала производить имитацию мяса из растительных белков. А по прошествии еще какого-то времени, Илья Мечников со то-

варищи из НИИ «Молекулярной биологии» не смогли синтезировать мышечные клетки животного происхождения).

Тем временем, баба Луша продолжала уснащать застолье все новыми и новыми яствами. Здесь были: жареная картошка с солеными рыжиками и черная икра в изящной розетке, салат из свежих овощей, обильно сдобренный оливковым маслом и бутерброды с тонко нарезанными слойками сервелата, пироги с разными начинками и рисовая каша с изюмом. Все это съестное обилие венчал почти ведерный медный самовар, начищенный до невероятного блеска. Но больше всего, Захарию умилили стаканы с ароматным чаем в подстаканниках наподобие тех, что всегда бывают в фирменных поездках дальнего следования.

– Баба Луша, да когда же ты все успела то?! – с искренним недоумением воскликнул он. – Вроде и не отлучались никуда...

– Так и есть, милоч! – охотно закивала бабка. – Никуды не отлучалась. Так и ести.

Бабка, в свое время окончившая среднюю школу едва ли не с медалью, любила иногда прикидываться деревенской простушкой, а потому частенько коверкала слова или вставляла в свою речь фразы, давно вышедшие из употребления.

– Как же тогда объяснить всю эту пышность?! Или как-то узнали о моем прибытии?

– Узнать не узнала, а догадаться догадалась, – наводя тень на плетень, заявила баба Луша. Потом помолчав немного,

добавила. – Сон давеча видела. Будто срок тебе вышел вернуться, – пояснила она.

– Стало быть, вещий сон?! – удивился он.

– Как ни вещий? Вещий оно и есть! Я ить потому и пришла сегодня убираться, хоть и четверг на дворе. А мой день, сам знаешь – понедельник. Да ты кушай-кушай, пока не остыло, – пододвигая тарелки ближе к нему, продолжила она.

– Да-да, спасибо, и вы ша мной давайте, – прошепелявил он набитым ртом.

– А и не откажусь, – охотно согласилась она.

Пару минут ели молча. Он наваристый борщ, она понемногу откусывала от нарезанного пирога с вишневой начинкой. Когда первый голод был утолен, а естественное любопытство все-таки взяло верх, Захария продолжил допрос:

– Так откуда, бабушка, сие изобилие? За чей счет банкет, так сказать? – прищурившись и ласково глядя свой живот, поинтересовался ангел.

– Откуда-откуда?! Оттудова, – кивнула она на «шкаф», убирая пустую тарелку с борщом и ставя на ее место сковороду с котлетами. – Ешь, давай.

– Нет уж, позвольте бабушка, объясниться, – орудуя ножом и вилкой над еще скворчащей котлетой, произнес он. – Что за шкаф тут стоит и, каким образом из него появляются все эти вкусности? Это что, микроволновка такая? Вроде не похожа.

– И-и, милоч, – протянула баба Луша. – Отстал же ты от жисти энтой. Уж почитай лет двенадесять тому, как в кажин-ном дому таковой сундук обретається. Я вот и от тебя чело-битну заяву подала, чтоб значится установили. Задарма ста-вют.

Но увидев, как собеседник невольно морщится от про-износимых ей архаизмов, перестала выламываться и уже на вполне современном и деловом языке продолжила:

– Захотел поесть – нажал на вот эту красную клавишу на передней панели, – ткнула она указательным пальцем в сто-рону «шкафа». – Загорится сенсорный экран. На нем отоб-ражаются ближайšie к дому пункты приготовления пищи – сиречь кафешки. Выбираешь понравившуюся тебе кафеш-ку путем нажатия на ее логотип. Открывается меню. Сле-ва отображаются блюда уже готовые к употреблению, справа те, что требуют времени на приготовление. Обычно минут тридцать-сорок. Выбираешь, что тебе нужно. Высвечивает-ся сумма к оплате. Берешь карточку, вставляешь вот в эту щель. Деньги снимаются, а кушанья появляются на этих вы-движных полках. Звоночек подскажет, когда можно открыв-ать дверцы.

– Это что же, типа телепортации?

– Ну да. Типа того.

– А что, бабушка, у вас тоже такой аппарат имеется дома?

– Конечно имеется, – строго поджав губки, произнесла Лукерья. – Иль я порченая какая?! Все как у людёв. Уж боль-

но хорош этот «стол заказов». Стряпая-то из меня и в былые то годы не ахти какая была. Да и то сказать, стараться то и не для кого было.

– Позвольте! – вдруг спохватился он, перестав жевать. – Так вы что, свою карточку сунули туда?!

– Естественно. Что было под рукой, то и сунула, – подтвердила Лукерья.

– Но как же так?! Ой, как нехорошо получилось! Бабушка, ну что же вы раньше не сказали?! – возмутился Захария.

– А что, я, по-твоему должна была делать?! Сказать тебе: «Гони деньгу, а то останешься голодным!» Так что ли? – усмехнулась бабулька.

– Ну, нечто вроде того. Дай, мол, карточку, я тут прикуплю к столу...

– Ага, скажешь тоже! Человек с дороги, не мыт, не чесан, а я к нему с карточкой объяснять что там и к чему.

– Ну, все равно как-то неладно у нас с вами получилось. Право слово, мне неловко, аж кусок в горло не идет, – пожегил он.

– Пустяки, служивый. На том свете сочтемся, – улыбнулась Лукерья

– Того света не бывает, попы все врут! – в голос рассмеялся ангел-полковник. – И все-таки, баба Луша сколько я вам должен? И кстати, я как обычно оставлял распоряжение банку о вашей зарплате. Никаких сбоев не было? Все нормально?

– Нормально все. День в день, – отрапортовала она. – А

вот тут ты меня, обидел соколик! Ужели думаешь, что я к тебе из-за денег хожу столько годов?! – разом поскучилась бабка.

– Ой! – сразу как-то покраснел Захария. – Я не хотел! Простите! Я просто подумал...

– Да ничего ты не думал, – перебила она его. – Если б думал, не брякнул бы такое. Я ведь к тебе не из-за денег, а потому что приглянулся ты мне сразу, еще там, на бирже. Помнишь?

Захария кивнул.

– А почему? Да все по тому, – сама себе ответила бабка, – что сердце у тебя золотое, ангельское, а еще потому, что ни там, ни тут не было и нет у меня никого ближе и родней кроме тебя. Деточек, вишь, Господь не сподобил дать, за грехи видно тяжкие. Зато вот, тебя сподобил встретить, заместо сыночка. Там глядишь и женишься, детки пойдут, и я с внучатами понянькаюсь, – выдавила из себя бабка, утирая концом платка, набежавшую слезу.

Захария благоразумно промолчал, что сам-то он будет постарше нее раз этак в семь. Вместо слов, он нагнулся, взяв бабкины ладошки в свои руки, и приник к ним губами. В глазах у самого, что-то вдруг резко защипало. Ведь у него, по сути, тоже никого из родни в этом мире не было. А старуха, тем временем продолжала:

– Един ты у меня соколик, на всем белом свете. Ни единой родной душеньки. Разве что, Онфим вот еще...

Захария, обрадованный поводом сменить унылую тему, тут же вскинулся:

– Как же, как же. Помню его. Как он?!

Бабка, словно очнувшись из забытья, в котором пребывала многие годы, встрепенулась и всплеснула ручками, как воробьиными крылышками:

– Так ить пьет зараза! Паскудник эдакий! Сладу с ним никакого!

– Кодировать не пробовали его? Говорят, помогает...

– Куды там! И слушать ничего не хочет. Говорит, если я пить брошу, чем тогда жить стану? – села на своего любимого конька Лукерья, а потом уже чуть тише добавила. – Инда и его понять мочно. Ему ить тоже одиноко тут. Ни детей, ни плетей.

– Так может быть вам того...

– Чего, того? – напустила на себя непонимающий вид, Лукерья.

– Пирком, да за свадебку!

– Да в уме ли ты, служивенький?! – опять закудахтала бабка. – Годы ить мои не те, чтоб под венец идти! Засмеют люди... Скажут, с глузду сдвинулась, старая кашелка...

– За те пятьсот с лишним лет, что я вас знаю, вы ничуть не изменились, – промурлыкал Захария.

– Ой, да не трави душу, Захарушка! Добро бы путный человек был, а то ведь алкаш, прости Господи! – начала уже было сдаваться бабка.

– Оно конечно так, баба Луша, а только ведь может и пьет он от того, что не может никак найти себя в этом мире, почувствовать свою нужность, хоть перед кем-то. Да хоть бы и перед вами, например. Неуж не жалко бедолагу? – гнул он свое.

– Верно говоришь, Захарушка. Мается он, душа неприкаянная. Думала я о сем, не буду врать, а только и решиться на дело таковое не могу в раз, – вздохнула она.

– А кроме того, – не унимался хитрый ангел, жуя котлету. – Не забывайте и о материальной стороне дела.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересованно наострила ушки Лукерья.

– Вы ведь говорили как-то, что у вас участки рядом находятся. Верно?

– Верно. Касатик. Как не верно?! Говорила, – закивала та головой.

– И вроде как говорили, что он тоже по размеру сродни вашему?

– Верно. В самый глаз белку бьешь, родимый.

– Ну вот. Поженитесь, значит, и участок станет единый. Сколько, говорите, соток-то вместе будет? – хитро прищурился змей-искуситель.

– Семь десятков, – машинально и задумчиво произнесла бабка. Видимо мысль об объединении участков доселе не посещала ее голову.

– Сад-то у вас больно хорош, сами говорили. А это еще в

два раза лучше будет. Козочек-то ангорских всего две? Ай-ай, как мало! – притворно пригорюнился Захария.

На кухне повисло молчание. Захария поглядел бабке прямо в глаза. Он знал, что она была человеком лишенным всякой корысти, но тут отметил в подернутых глубокой задумчивостью глазах старухи как цифры от предвкушения увеличивающегося надоя молока, в результате увеличения поголовья рогатого скота, замелькали со скоростью крутящихся цифр арифмометра. «Попалась, можно подсекать...» – плотоядно подумал он. Впрочем, это продолжалось недолго. Бабка икнула и разом пришла в себя. Засуетилась:

– Ой, совсем ты меня, милоч, заговорил! Чай от уж давно заварился, – зачатила она, убирая почти пустую сковороду и разливая по стаканам заварку ароматнейшего цейлонского чая.

Захария не стал далее развивать любовную тему. Он знал – бабка ничего не забудет из сказанного им. Зерно, брошенное его щедрой рукой, упало на благодатную почву и уже дало первые ростки. Разлив кипяток из самовара по стаканам, заботливо подставленным Захарией, села и подперши рукой голову, продолжила, резко сменив тему:

– Что мы все про меня, да про меня?! Ты лучше расскажи-поведай, как там, на матушке Земле? Кем ты там был? Что делал? Как и чем люди живут на Святой Руси? А то у нас тут, сам ведь знаешь, пишут и показывают по визору про тот мир мало чего. Да и людишек, не в пример прошлым летам,

прибывать стало горазд как меньше.

– Да, бабушка, мотало шапку по волнам, – вздохнув начал он.

Засиделись с бабкой едва не до сумерек. Самовар пришлось ставить еще раз. Как это и было во все прошлые разы, ее интересовало буквально все. И про личную жизнь его «подопечного», и про политический строй в стране, и про цены на товары, и про жизнь тамошних обитателей, про современные нравы, и про ворогов, что угрожают в очередной раз покинутой Отчизне. В общем, допрос с пристрастием получился на славу. Захария при этом чувствовал себя словно выжатый до состояния сухой корки лимон. Наконец, бабка и сама притомилась от обилия информации обрушившейся на нее. Промокая концом платка в очередной раз пот от выпитого чая, сказала тихим и печальным голосом:

– Ох, Захарушка, и смутные же времена настают на Руси Святой, и чую я старая, что добром все это не кончится. Вот помяни мое слово. Умоется еще кровушкой земля русская.

– Ну что же вы так-то уж, бабушка. Может все и обойдется еще, – с обреченностью, но и с долей надежды ответил он.

– Ты сам от в энто веришь соколик? – вздохнула она.

– Всегда ведь обходилось, и сейчас, может быть, обойдется.

– Всегда, да не всегда. Да и ныне случай особый, – возразила она и продолжила. – Уж больно могучие вороги собрались супротив нее, а у наших то и силушки не сметено во-

едино николи. Подточили Русь-матушку изнутри врази ока-
янные, не стала земля рожать богатырей да праведников. От-
того и тут у нас прибытку никакого нет.

– Ну зачем вы так то уж категорично? – пробовал он в
свой черед возразить ей.

– Духом пала Русь-матушка. Дух ея лечить надобно до-
прежь, да времени, боюсь, может не хватить, – пригорюни-
лась она.

– Да, – согласился он. – Времени действительно малова-
то, но вы бабушка, тоже в своих суждениях на мои слова не
сильно опирайтесь. Я ведь, чисто из субъективизма мог про-
сто сгустить краски. Да и всей полнотой информации не об-
ладаю.

– И-и, милоч, я и сама чую, что так оно все и есть, как ты
обсказал. А за то, что пытаешься успокоить меня – старуху,
спасибо на добром слове. Одначе, думаю, что оставлять это
дело никак нельзя. Начальствие уведомить надобно.

– Я как раз собираюсь писать докладную записку по пово-
ду опасных тенденций имеющих развитие в земном социуме.

– Пиши, соколик, пиши. Тереби начальство от, не остав-
ляй его в праздной сытости.

Тут бабка Лукерья замолчала, как будто обдумывая ка-
кую-то мысль и ища для нее подходящую формулировку. Он
не стал торопить ее. Затем, пожевав губами, начала:

– А насчет дочки, я тебе так скажу..., – опять немного
помолчав, как бы собираясь с духом, глубоко вздохнула и

продолжила. – Коли уж решил бороться за нее, так борись, если не за душу ее, так за тело хотя бы. Пиши, настаивай, донимай. Сам обмолвился, что чин у тебя теперь не малый. Полковник говоришь?

Захария кивнул. А бабка продолжила:

– Вот. И чин твой немалый должен быть тебе в этом подмогой. А я уж завсегда готова молить Всевышнего о ниспослании тебе Его заступы и руковожения на сём поприще.

При последних словах бабка приподняла правую руку и широко и истово перекрестила ангела. Он опять было сунулся поцеловать старческую руку, но бабка не дала, погрозив ему сухоньким пальчиком, произнеся наставительно:

– Ангелы рук смертным не целуют.

Он хотел было возразить в том духе, что и бабку к смертным уже как бы причислять и нелепо, да и сам он ангелом является только на службе, но по здравому размышлению не стал этого делать. А баба Луша, тем временем, уже встала из-за стола:

– Ох и засиделась я с тобой, Захарушка. Пора и честь знать, вон на дворе уже смеркаться начинает. Дома дела еще есть. А! Вот еще что, – вспомнила бабка, хлопнув себя по лбу. – Если ничего доедать не будешь, то остатки еды кинь в дезинтегратор, а саму посуду не мой, а сложи в тот же шкаф, дверцы закрой и нажми клавишу «отправить», а то в следующий раз заказ не примут, пока посуду им не вернешь. Так, ну вроде бы все сказала. Если что, то звони, номер то чай

остался мой?

Он кивнул. Бабкин номер у него был записан в записной книжке коммуникатора. Провожая старую, уже в прихожей сказал:

– Может, я провожу? А то, как вы в потемках то?

– Да что ты, родимый, переживаешь за старую?! Тут телепорт то за углом. Не переживай. И там тоже – в пяти минутах ходьбы. К Онфиму еще заглянуть надо бы, а то опять что-то давненько не объявлялся, поганец. Видать в Город умотал.

Уже в дверях, стоя напротив Захарии, подошла к нему вплотную и встав на цыпочки, чмокнула того в щеку. И не говоря ни слова, открыв дверь, бодро засеменяла с крыльца вниз. Захария еще некоторое время постоял в проеме открытой двери, наблюдая, как неугомная старушка шагает к калитке. Дверь закрыл лишь после того, как бабка скрылась за углом.

Х

До конца рабочего дня оставалось десять минут. Женская часть коллектива отдела контроля и наблюдения уже была на низком старте, подводя последние штрихи макияжа на своих и без того хорошеньких личиках. Мужская, как более дальновидная, потихоньку начинала отстегивать и складывать крылья, чтобы не помять их в очереди на телепорт. Майор Вершинин, только что закончил нудные переговоры

с начальником АХО , давая тому наряд на замену разбитых стекол и выслушивая стенания по поводу закончившихся месячных лимитов и отсутствия свободных рабочих рук. Отстегнул крылья, критическим взглядом осмотрев обломанные и поредевшие в неравной борьбе с сумасшедшей фурией перья. Появляться на людях с этими лохмами посчитал для себя невозможным, поэтому кряхтя от усердия, кое-как пристроил их в рядом стоящей тумбочке, вытащив предварительно из нее всякую мелочевку и свалив ее на стол. «Ладно, – подумал он про себя. – Сейчас как-нибудь перекантуюсь, а в воскресенье схожу в «Ангелторг» и куплю новые. Никто ничего и не заметит. Авось». Пронаблюдав сквозь стекло своей конторки, как последние из сослуживцев покидают помещение и проверив еще раз как скачались на флешку результаты его сегодняшних мучений, зажал ее в кулаке и тоже стал пробираться к выходу. Уже через десять минут он стоял у калитки загородного дома своего начальника...

Начальник отдела Наблюдения и контроля, генерал-майор ангельской службы – Герард Публиевич Тацит, был личностью примечательной во всех отношениях. Сын прокуратора Бегники, проконсула Рима, всадника – Публия Корнелия Тацита , принадлежавший к высшей патрицианской касте Рима, с самого детства не нуждающийся ни в чем, благодаря положению отца, он, как и его отец, относился к наиболее образованным людям своего времени. Будучи во всех отношениях примерным сыном, он по примеру отца тоже с

юных лет занимался историографией. Однако, в отличие от него, скованного в своих суждениях корпоративной этикой служебного положения, взгляды на окружающее имел гораздо более прогрессивные, о чем никогда не стеснялся публично заявлять, что служило предметом частой головной боли для его именитого предка. Помогая отцу в составлении «Анналов», частенько вставлял в них, видимо пользуясь отцовским «недоглядом» свои суждения и нелюбезные выводы о правлении римских императоров, обличая как их деятельность, так и окружающую их атмосферу. Во все времена правду любят только в отношении к другим, но не к самому себе. Так всегда было, есть и будет во все времена. Не любили правду и римские императоры – Нерва, Траян и Адриан, но вследствие того, что Публий был слишком влиятельной фигурой на шахматной доске империи, до поры до времени помалкивали, втихомолку скрипя зубами от негодования. Холостяк по призванию, настоящий демократ по убеждениям, бескорыстный умница, всю жизнь вынужденный выглядывать из-за плеча своего именитого отца, Герард мог прожить свою жизнь в неге и роскоши, ведя неторопливые беседы с людьми своего круга о философии и искусстве, меценатствуя и участвуя в светской жизни. Но не таков был наш герой. Сразу после смерти отца, случившейся в 110 году н.э. он продал все Рейнские земли, принадлежавшие отцу, отпустил на волю всех рабов, предварительно снабдив их «подъемными», а на вырученную немалую сумму потра-

тил на строительство первой бесплатной публичной библиотеки и лечебницы, для содержания в ней больных проказой. И все бы ничего, если бы этим все и ограничилось. Так нет. Он решил написать, когда-то обещанное, но так и не выполненное отцом жизнеописание правления последних трех императоров из династии Антонинов, а также Октавиана Августа, естественно в своей критической манере изложения. Хуже того, он не только решил написать сей труд, он его написал и издал за свой счет. Этого то ему правящие круги во главе с императором Пием Антонином и не простили. Была ли это цикута, излюбленный яд римских императоров, поднесенная ему в кубке на каком-то из симпозиумов, или сок белладонны, подмешанный в еду, подкупленным слугой, история об этом хранит молчание. Да это уже и не так важно, как не раз он сам говаривал. Важно то, что в результате стечения трагических обстоятельств, Герард Петрович оказался в Раю. Поживши непродолжительное время в европейском секторе, и перелаявшись вусмерть с тамошними историками и философами, включая одного из своих византийских родственников по побочной ветви, в середине VI века, прибыл сюда, прельстившись новизной недавно образованного сектора. Да так тут и остался. Всю жизнь любивший учиться, окончил, неожиданно для всех академию ангельской службы, где попутно с историей увлекся темпорально-пространственными перемещениями. Став одним из крупнейших теоретиков темпорологии, сделал неплохую ка-

рьеру, дослужившись до звания генерал-майора, сменив на посту начальника отдела наблюдения и контроля прежнего руководителя ушедшего на пенсию и по примеру еще одного римского императора Диоклетиана II и занявшегося выращиванием капустных кочанов.

Калитка была открыта нараспашку, приглашая гостя войти в нее. Загородный дом Герарда Петровича, исходя из пристрастий и привычек своего хозяина, представлял собой типичный двухэтажный домус с побеленными известью стенами и красной черепицей. Здесь под одной крышей были собраны помимо самого дома еще целый ряд подсобных помещений, сгруппированных вокруг атриума с небольшим фонтаном в центре и также небольшим садиком с южной стороны. К дому от самой калитки вела, выложенная желтоватого оттенка камнями дорожка, в шутку названная хозяином КВЖД (камнями выложенная желтая дорога). В раскрытом окне второго этажа показалась, абсолютно лишенная всякой растительности, голова начальника отдела. Приветливо улыбаясь входящему Левушке, она прокричала в радостном возбуждении:

– Проходи-проходи! Поднимайся сюда ко мне.

Вершинин быстро взбежал на крыльцо и зашел в уже заранее открытую дверь. После яркого солнечного дня, глаза не сразу привыкли к полумраку огромной прихожей.

– Лестница слева, – послышался предупреждающий голос сверху.

Слегка запыхавшись от крутизны каменных ступенек и волнения от предстоящего разговора, Левушка очутился в просторном, но несколько пустоватом зале с высокими потолками и выложенным мозаичной плиткой полом. Хозяин стоял в проеме окна, одетый в белую майку и треники с характерными «адидасовскими» лампасами.

– Здравствуйте еще раз, Герард Петрович! – поприветствовал майор, протягивая руку генералу в майке.

– Привет, Левушка! – осклабился хозяин, пожимая протянутую руку двумя своими. – Я смотрю, и впрямь дело немешкотные, раз ты примчался к старику, не переодеваясь, в мундире, – указал он пальцем на хитон майора.

– Ой, и не говорите Герард Петрович! Да что там мундир?! Я и крылья то не сдал в гардероб, так, в тумбочке пристроил! – пояснил Левушка, умалчивая однако по какой причине это сделал.

– Да уж вижу. Видок у тебя какой-то растерянный. Проходи, садись, приди немного в себя, – указал он на широкий диван с высокой спинкой. – А я пока за тобой поухаживаю.

С этими словами он подкатил к усевшемуся на диван Левушке тележку, уставленную всякими яствами, начиная от бутербродов и салатов и кончая пирогами, судя по запаху с рыбной начинкой. Громадный никелированный кофейник и под стать ему громадные чашки, завершали «мобильный» пиршественный стол. В такую же громадную сахарницу была воткнута ложка, как флаг, над поверженной Иводзимой. Из

кофейника распространялся, одуряющее ароматный запах, свежезаваренного кофе.

– Копи-лювак ? – спросил Левушка, подозрительно косясь на кофейник.

– Да нет! Что ты?! – засмеялся гостеприимный хозяин. – Всего лишь мокко . Не бойся. Пей. Судя по твоему виду, пообедать тебе сегодня не удалось. Так что, приступай. Дела потом.

Левушка, нисколько не чинясь, пододвинул к себе тележку, и уже собрался расстелить на ногах салфетку, взяв ее тут же из аккуратной стопки, как обнаружил, что до сих пор сжимает в кулаке флешку с записью дневных экспериментов. Это не укрылось от всевидящего ока начальства:

– Что это там у тебя в руках?

– Бомба! – произнес майор, жуя бутерброд с брынзой и укропом.

– Ага! И стало быть, ты не нашел ничего лучшего, как принести мне ее сюда, чтобы взорвать в моем доме?! – поднял в недоумении брови шеф. – Ничего не скажешь, хорош у меня помощничек! – с нескрываемым ехидством добавил он.

Видя, как помощник начинает краснеть от смущения, тут же подбодрил:

– Да ты ешь-ешь, не смущайся. Брынза хорошая. И сыр с молоком тоже. Мне их регулярно поставляет соседка по участку. Так что, сначала еда, деловые разговоры потом.

– Спасибо, Герард Петрович. Я уже поел – с трудом проглотив слишком большой кусок бутерброда, проговорил майор. – А только то, что я вам сейчас принес, действительно является, в какой-то мере бомбой. Если не в прямом смысле, то в переносном – точно.

С этими словами он передал начальнику флешку с таким опасением в глазах, что тот и вправду начал потихоньку верить в то, что дело может принять серьезный оборот. Покрутив так и этак в руках, предмет, обещающий, по крайней мере, сенсационную информацию. Шеф отошел в угол комнаты, где на письменном столе располагался компьютерный моноблок и сунул его в USB-порт, затем включил ЖК-монитор.

– Эх, молодежь-молодежь, и везде-то вы ищите зацепки, чтобы подорвать устои. Ну да ладно, мы в ваши годы тоже таковы были. Пока загружается, давай, вводи в курс дела. Да кофе наливай. И мне тоже.

Левушка кивнул и разливая по чашкам восхитительный напиток начал издали:

– Шеф, вы ведь наверно помните Захарию? Полевого агента.

– Захария, Захария, – потер лоб начальник. – Это не тот, что является рекордсменом по числу «обращенных» ставших в свою очередь ангелами? У него их, кажется, уже под сотню набралось? Очень приятный в общении молодой человек, вернее ангел. Прости, полторы тысячи лет прошло, а

я все никак не привыкну...

– Да. Он самый. Молодым, правда, его не назовешь ведь он чуть не вдвое старше вас. Ну да это к делу не относится. Так вот, сегодня он прибыл из последней своей командировки. Операция завершилась не по плану, а точнее, и вовсе аварийно. Что-то там аналитики не то не предусмотрели, не то перемудрили, как всегда. Нас, по крайней мере, они в известность заранее тоже не поставили. Вам сколько сахара?

– Смежники они все такие. Четыре. Ты же знаешь, что я сластена, – улыбнулся шеф, подсаживаясь на диван рядом. – Ну, ты не отвлекайся, продолжай...

– Так вот, продолжаю. Детали я опущу, если позволите... – шеф утвердительно кивнул. – Заходит он ко мне и говорит: «Операция завершилась аварийно, не мог бы ты мне показать со стороны, что там и как было, а то я в суматохе деталей не заметил?» Я не стал отказывать в просьбе, тем более, ничего такого в этом нет. Он назвал мне пространственно-временные координаты. Я ввел данные в T-скан примерно за минуту до предполагаемого события и вот что у меня получилось. Разрешите?

Поймав взглядом, согласный кивок головы шефа, встал, и направился к уже загрузившемуся, и готовому к работе компу. Щелкнув «мышью» и найдя нужный файл, включил изображение. Отошел в сторону, чтобы не загоразивать собой изображение. На экране мужчина переходил дорогу с девочкой, которая держала его за руку... Все двадцать минут,

что длилась съемка до момента приезда «скорой», прошли в полной тишине. Шеф даже перестал помешивать сахар в своей чашке. Изображение погасло.

– Я пока ничего странного не заметил, – раздался в тишине баритон Петровича, мелкими глоточками пившего уже порядком остывший кофе.

– Да, – согласился Левушка, – ничего странного вроде бы нет, за исключением одного момента.

С этими словами он опять подошел к столу и вновь защелкал «мышью».

– Вот это я сделал стоп-кадр за две с половиной секунды до столкновения объектов с расшифровкой состояния всех физически присутствующих лиц.

Он снова отошел от экрана, чтобы шефу была видна информация о девочке, «отце», и «джипе».

Шеф внимательно и не торопясь начал изучать зеленые надписи. Изучал долго. Хмурил лоб, шумно сопел носом и кривил губы, будто пытаясь с кем-то спорить. Потом медленно и негромко начал говорить:

– Ну... с ребенком все более-менее ясно. Тут и говорить нечего. Её восклицание об отце, оставим пока без комментариев, списывая на случайное стечение обстоятельств и стрессовое состояние. То что «реципиент» умер еще до столкновения с авто, это тоже в общем-то понятно. Такое бывает. *Mortem ordinarium*, то бишь «смерть обыкновенная». Внезапная остановка сердца. Не исключено, что он страдал ка-

кой-нибудь из сердечных болезней. Возможно, даже перенес инфаркт на ногах. Такое бывает сплошь и рядом, особенно у мужчин и особенно у русских.

Отхлебнул из чашки. Вершинин при этом молчал, прератившись в безмолвного сфинкса. Немного подумал и отхлебнул еще, прежде чем продолжить:

– То, что, будучи в состоянии клинической смерти он смог отшвырнуть ребенка на противоположную сторону улицы, конечно интересно, но тоже укладывается в рамки объяснимого. Курица с отрубленной головой, тоже может еще продолжительное время бегать по двору, вводя в ступор впечатлительных домохозяек. Про разницу температур окружающей и локальной среды ничего не могу сказать определенного. Возможно, в этом что-то и есть, но судить не берусь. Данных для объяснения этого феномена маловато.

Тут шеф заворочался, и диван под его немалым весом жалобно скрипнул. Майор хранил стойкое молчание, приглашая тем самым начальство к продолжению изложения своих мыслей.

– А вот то, что Т-скан не смог идентифицировать «водителя» всего лишь через лобовое стекло, тогда как мы знаем, что даже метровые стены для него не являются помехой, вот это действительно удивительный факт. С этим не поспоришь.

С этой фразой Герард Петрович замолчал и воззрился на подчиненного, перепасовывая тому мяч беседы. Левушка

кивнул, правильно поняв того:

– Совершенно с вами согласен. А что вы скажете по поводу этого кадра?

С этими словами он снова подошел к столу и вывел на экран стоп-кадр, запечатлевший среди прочего неприятного типа в белом костюме с данными о его невозможной идентификацией и указанием эпицентра температурной аномалии. На этот раз молчание шефа продолжалось гораздо дольше. Наконец, кряхтя как старый дед, он спросил:

– Ты не обратил внимания, с какой стороны этот суетливый господин подошел к месту, где собралась толпа?

– Н-нет, – чуть запинаясь, произнес Левушка, – не обратил, а что?

– Да я вот думаю, – задумчиво протянул «римлянин», – нет ли какой связи между ним и автомобилем? Уж больно схожие характеристики.

– А причем тут «с какой стороны»? – недоумевая, спросил Вершинин.

– А притом, что если он подошел с той стороны куда уехал «джип» после столкновения это может означать, что за рулем был именно он. А если с той стороны, откуда он ехал, то, – развел руками шеф, – тогда я уж и не знаю. В любом случае, связь между ними какая-то имеется. Отмотай-ка еще раз тот кусочек после столкновения, когда начинает собираться толпа. Я пока его погляжу, а ты кофе попей, а то он у тебя уже совсем холодный.

Левушка послушно защелкал «мышкой» и застучал по клавиатуре. Нажал на «воспроизведение» и когда оно началось, уселся на диван к шефу и не отрывая глаз от экрана нащупал свою чашку. К разочарованию обоих зрителей, повторный просмотр ничего не дал. Суетливый гражданин «обманул» их ожидания, появившись ни слева и не справа, а откуда-то из глубины экрана, вообще непонятно каким образом. После просмотра опять в зале повисло тягостное молчание. Левушка в три огромных глотка выхлебал содержимое своей чашки, даже не сообразив, что себе сахара не положил вовсе.

– Н-да, – многозначительно произнес лысый «следователь». – Все это конечно очень интересно и я подумаю об этом на досуге.

– Что вы, Герард Петрович?! Это далеко не все! Если бы этим дело и закончилось, я бы не стал просить у вас аудиенцию! – воскликнул младший «следователь» еще не потерявший свою шевелюру.

– А что?! Есть еще что-то?! – в глазах шефа ясно плавало удивление пополам со страхом встречи с необъяснимым.

– Да, – коротко бросил Левушка.

– Час от часу не легче, – пробормотал тот. – Ладно продолжай, доводи старика до полного сумасшествия.

– Продолжаю. Эта запись с ПВ-сканера была сделана мной в присутствии самого Захарии. И наблюдая за происходящим, так сказать, в прямом эфире, я не стал бы анализиро-

вать ее с таким тщанием, если бы не он. Захария с таким неистовым жаром убеждал меня, что девочка каким-то образом смогла его увидеть, что я невольно подпал под его искреннее убеждение. Проанализировав запись, сделанную при просмотре события, я впал в задумчивость от того, что никак не мог найти достойного объяснения всему произошедшему.

Тут, начальник, молча и внимательно, поглядел на Левушку. Таким красноречивым он еще никогда его не видел. А тот тем временем продолжал:

– Долго думал, пока в голову мне не пришла дикая, на первый взгляд, мысль, а не включить ли Т-скан и не посмотреть ли все еще разок. Координаты я помнил, поэтому быстренько набрал их и прильнул к раструбу бинокюляра. Слава Всевышнему, я включил запись. И вот что мне довелось увидеть.

Майор снова, уже в который раз подошел к компьютеру, и, найдя нужный файл, опять нажал на «просмотр». Он не стал в этот раз далеко отходить от компьютера, а остался стоять рядом, слегка отодвинувшись, чтобы не бегать больше туда-сюда. На экране тем временем замелькали кадры с изображением смерти Захара Круглова, но уже без участия злополучного авто, а так, по естественным причинам. Шеф без отрыва и не мигая смотрел на происходящее. Казалось, что он забыл даже дышать. Вершинину же было неинтересно в сотый раз смотреть на происходящее, поэтому он раз-

влекал себя тем, что опустив голову, рассматривал мозаичный пол, украшавший собой зал. За более чем шестидесятилетнее знакомство со своим начальником, дома у него он ни разу не был. Не подворачивалось случая. А набиваться в гости он не любил ни там, ни здесь. Ролик закончился. Левушка поднял голову. Сказать, что у Петровича был необычный вид, значит ничего не сказать. Шеф сидел на диване белый как полотно.

– Обратите внимание, как разительно отличается данное видео от предыдущего, – обратился он к шефу с донельзя спокойным голосом. – И это несмотря на то, что съемка велась в тех же самых пространственно-временных координат. Кстати, когда я первый раз смотрел этот ролик, вид у меня был сродни вашему.

Шеф покивал головой как китайский болванчик на комод. Потом глаза его несколько оживились и он спросил с надеждой:

– А ты только один раз заходил в эту временную матрицу?

– Обижаете! – с напускной обидой в голосе произнес «младший следователь». – Этот эксперимент выходом и входом в данный пространственно-временной кластер я повторил еще девять раз.

– И?

– Никаких изменений. Записи абсолютно идентичны. Гарантирую.

Лицо шефа начало приобретать естественные краски.

– Сюжет изменился в корне, как и основные персонажи в виде суетливого не в меру джентльмена и авто, которые здесь напрочь отсутствуют, вместе с температурным феноменом.

– Следовательно, – подхватил Петрович, – именно этих персонажей мы вправе назвать «виновниками» климатического микро-катаклизма. А также с большей, чем прежде уверенностью предположить естественную связь между ними. Либо он и водитель злополучного авто из одной шайки-лейки, либо это одно и то же лицо.

– Что вы, Герард Петрович, опираясь на ваш громадный жизненный опыт и глубочайшие познания, можете сказать по данному поводу? – с ноткой лести спросил Вершинин.

– Смогу, пожалуй, только для этого кофе уже не подойдет, а нужно что-нибудь покрепче...

– Я закажу, говорите какого? – готовно отозвался Левушка.

– Нет, – отмахнулся, вставая с дивана Тацит. – Беседа, чую, будет серьезная, а для этого не каждое вино подойдет.

С этими словами Герард Петрович вышел из комнаты, жестом приказывая Вершинину ждать его возвращения на месте. Ждать пришлось недолго. Уже минут через пять он вернулся, держа в одной руке двуручный глиняный сосуд, а в другой две также глиняные чаши, составленные одна в одну. Поставив сосуд на пол возле дивана, расставил чаши на тележке.

– Настоящее вино, сынок, надо пить из амфоры, разливая

его в килик , – ответил он на немой вопрос своего помощника. И тут же продолжил. – Это фалернское . В дни моей юности оно считалось одним из самых благородных. Лозу мне прислали друзья, оставшиеся в европейском секторе. А уж обо всем остальном я позаботился сам. Пришлось, конечно, повозиться...

Начальник одной рукой поднял с пола амфору, а другой сделал приглашающий жест Левушке и тот вовремя сообразил подставить свою чашу под тугую струю пахучего напитка цвета турмалина.

Наполнив обе чаши, Герард Петрович, не чокаясь, поднес свою к губам замуриваясь на некоторое время, вдыхая позабытый аромат родины, потом медленно сделал небольшой глоток, глотательных движений делать не стал, оставляя вино во рту. Все это он проделал, не открывая глаз. Наконец проглотил первую порцию. Затем осторожно, также смакуя, мелкими глоточками начал пить, почти не останавливаясь, пока не показалось дно килика. Левушка, как зачарованный, смотрел на это священнодействие. Не обученный культуре питья подобных напитков, он почти залпом опорожнил свою чашу, и теперь в смущении не зная, куда поставить пустую посудинку, продолжал держать ее в руках. И тут, наконец, «римлянин» нарушил молчание:

– А что ты сам думаешь по этому поводу? Как объяснишь два разных события на одном и том же временном и пространственном участке?

– Я? Признаться честно, даже и не знаю. Я ведь не темпоролог. Мое дело – шпионское. Оптика, акустика, ретрансляция... Это надо у «извозчиков» спрашивать как они перемещают объекты в нужное им время, и как все синхронизируют, – неуверенным голосом протянул врио начальника.

– Ну зачем так грубо?! Какие же мы с тобой шпиёны?!

– А что, разве нет?

– Нет, конечно! Мы вуайеристы-профессионалы! – улыбаясь во все сорок четыре зуба, промурлыкал «профессионал».

– Что в лоб, что по лбу... – гнул свое «шпиён».

– И все-таки? Я ни за что не поверю в то, что у тебя нет своих мыслей по данному поводу, – подначил его шеф, наполняя килики по второму разу. На этот раз выпили уже без смакования.

– Если исключить вмешательство каких-то могущественных потусторонних сил, все также неуверенным голосом начал он, – То можно было бы предположить наличие параллельных миров, один из которых каким-то непостижимым образом проявился в данной точке пространственно-временного континуума. Мы далеко продвинулись в области познания, но одновременно и бесконечно мало знаем о фундаментальных основах мироздания, как круги Аристотеля на песке, поэтому не вправе отметить существование параллельных миров.

(Прим.автора. Имеется ввиду притча об Аристотеле, когда тот на вопрос одного из учеников о сомнениях одолева-

ющих учителя нарисовал на земле два разных по величине круга, сказав: «Твои знания – малый круг, мои – большой. Чем шире круг познаний, тем с большей областью неизвестного он граничит. Чем больше мы узнаём, тем больше вопросов у нас появляется.)

При имени знаменитого грека Тацит невольно поморщился и тут же с явной ехидцей в голосе спросил:

– Увлекаешься фантастикой? Признайся, кого втихаря почитываешь – Шекли или Гамильтона ?

– Почему втихаря? – обиделся вдруг Левушка. – Ничего не втихаря. И почему Шекли? У нас и свои писатели есть. Снегов , например, или Лукьяненко .

– А ведь ты батенька мой богохульник-с! Да-с! – уже не скрывая улыбки, сказал шеф.

– С чего это вы взяли?! – недоуменно спросил подчиненный, краснея то ли от выпитого вина, то ли от смущения.

– Сам-то находишься, не в ангельском ли чине?! А допускаешь наличие параллельных миров. Ну скажи мне, зачем Богу создавать параллельные миры, затрачивая на их создание колоссальную массу энергии и своего личного времени, если экспериментировать с людскими особями можно и на Земле, создавая для этого кластеры различной конфигурации и направленности?! Не знаешь?! Не знаешь! А если все же допустить наличие параллельных миров и пространств, то значит надо допустить и тот факт, что Он не единственный в своем роде, а, следовательно, не всемогущ! На костер

тебя, батенька! – с этими словами он приник к чаше и сделал пару солидных глотков. У него явно поднялось настроение, и Левушка не спешил испортить его.

– А все-таки, учитель, что вы сами думаете обо всем, после увиденного? – не желая униматься спросил он у веселого начальника.

– Я конечно ни разу не технарь и тем более не темпоролог, а историк и может быть немного философ, но даже мои скромные познания в планиметрии подсказывают, что две прямые имеющие единую исходную точку не могут быть параллельными. Никогда. А у нас как раз классический пример того, как два разных события имеют единую точку отсчета – начало перехода проезжей части. Что же касается философского обоснования теории параллельных миров, то я допускаю возможность существования иных миров в принципе. Но только отличных от нашего с вами. Допустить же существование миров, где все процессы проходят абсолютно идентично, а именно этот критерий заложен в их параллельную сущность, есть полный абсурд. Их существование, с точки зрения философии, не имеет никакого смысла, тем более практического. Не дура же Вселенная, чтобы плодить саму себя бесконечно?!

Открыв рот и оттопырив нижнюю губу, весь во внимании, Левушка слушал нечастые откровения своего наставника. Шеф тем временем продолжал витийствовать:

– Что же касается анализа этих эпизодов с точки зрения

историка, то... Наливай! – неожиданно потребовал он у ловащего ртом каждое слово наставника Левушки.

Тот икнул от неожиданности, покраснел еще больше, но шеф явно не захотел замечать его оплошности, и это несколько успокоило майора, не привыкшего к подобному времяпрепровождению. Он бодренько разлил еще по одной порции живительной влаги.

– Так вот, – продолжил он, беря свою чашу. – Как ты представляешь себе время? Что оно по-твоему представляет из себя?

– Я как-то никогда не задавался этим вопросом, – пожал он плечами. – Время и время. Как река наверное. Течет себе и течет.

– Суждение, в принципе верное, – поддержал его историк. – И то что река, и то, что течет. А что мы видим в графическом плане?

– Что?

– В графическом плане мы можем представить себе время в качестве бесконечно направленной прямой с реперной точкой в любой ее части. Я бы даже сказал – луч, но не могу, ибо он имеет свое начало, а у времени его нет. Поэтому в отличие от него, состоящего из двух частей, она, прямая, состоит из трех компонентов. Ими являются, будущее, которое несется к этой точке, сама точка, называемая нами «настоящее» и «прошлое», которое «вылетает» из настоящего и остается, естественно позади. Как мы видим, две из

трех компонентов, величины абсолютно бесконечные, а третья вообще не имеет никакой величины, ибо находится в координатном нуле – между «будет» и «было». Мы не можем с уверенностью сказать, что «здесь» и «сейчас» это именно здесь и сейчас, потому что его нет. Его невозможно никак описать и выразить, даже через другие величины. То есть мы с вами, коллега, не живем в настоящем, ибо его нет, а постоянно существуем между будущим и прошлым. Вы со мной согласны, коллега?

– Ммм... Безусловно, – промычал тот, отхлебывая из своего килика.

– Замечательно! А можно все это представить себе в виде стереометрической модели?

– Наверное, можно, если в планиметрии она есть.

– И снова замечательно, мой дорогой! А как мы это можем сделать? Вернее в виде чего?

– Чего? – подхватил Левушка, уже без разрешения, но с явным одобрением противоположной стороны, разливая вновь фалернское.

– В виде той же самой направленной прямой, но уже на плоскости. Где прямая является неким событием, а плоскость окружающей его обстановке. То есть событийную направленность в сопутствующей его среде. Чувствуете, куда я клоню? – спросил с добрым пьяненьким прищуром глаз философствующий историк.

– Куда, учитель? – проблеял ученик.

– Ты заметил, – опять переходя на «ты» Петрович, как я обрадовался, узнав что дальнейшие твои эксперименты уже не выявили никакой аномалии?

Майор кивнул, припоминая порозовевшие щечки шефа при известии о чередке его опытов, но опять решил помалкивать до поры до времени. Приберегая козыри.

– Так вот. Сей факт полностью вписывается в стереометрическую теорию времени. Подумай сам. Вот тебе еще один геометрический постулат. Любая прямая, принадлежащая какой либо плоскости, одновременно принадлежит бесконечному числу плоскостей, проходящих через нее.

А это значит, что одни и те же события под разным углом сопутствующих им сред, могут выглядеть по-разному.

– А как в эту теорию вписывается, что десять роликов показывают одно и то же, а первый ролик вообще не был ни на что похож? – спросил Левушка, желая подцепить не в меру раздухарившегося шефа.

– Очень просто, – отмахнулся Тацит. – Вы первую съемку с Захарией когда делали? Утром небось?

– Ну да, около полудня. А что?

– Потом еще поговорили о том, о сем? Поспорили о способности к дальновидению у девочки.

– Конечно.

– Потом когда он ушел, ты сколько еще времени анализировал этот эпизод, пока не догадался заново отсканировать место происшествия?

– Еще минут сорок, может чуть больше. Не знаю.

– Ну вот. Угол сопутствующей среды к событию за это время изменился. Причем кардинально. Что ты сам и зафиксировал впоследствии. Тут явно наблюдается некий парадокс. А именно, взгляд на событийную направленность с различных плоскостей сопутствующих сред, как бы ни отличался от первоначального угла обозрения, все равно будет истинным в любой своей ипостаси!

–Н-дя-а, – протянул многозначительно ученик, собирая в кучу, слегка окосевшие глаза.

– Скажу больше! История, батенька мой, это самая что ни на есть необъективная наука. Кроме уже перечисленных факторов на нее еще действует субъективизм взглядов интерпретатора. Вот совсем недавний пример. Сейчас в Соединенных Штатах охотятся за Усамой бен Ладеном. Что там говорят о нем? Бандит, террорист, мерзавец. Что говорят о нем в России? Бандит, террорист, агент ЦРУ! Чуешь, куда ветер дует? Что о нем говорят в Саудовской Аравии? Воин ислама, хранитель веры, непримиримый борец с мировым злом капитала. Интерпретации почти диаметрально противоположные, но все они истинны.

– А эти десять эпизодов один в один как вписываются? Ведь должны они хоть в малом, но отличаться друг от друга?! – встрепенулся ученик, возвращая учителя к основной теме.

– И тут имеется объяснение. Слои времени очень тонкие,

а аппаратура у тебя чувствительная. Более или менее точно попадает каждый раз при сканировании. Просто между твоими опытами прошло слишком мало времени, чтобы их векторальная существенно изменилась.

От подобного красноречия у начальника видимо пересохло во рту, и он жадно приник к чаше.

– А вообще-то, мой юный друг, положи руку на сердце, я тебе так скажу, как человек... тьфу, как райанец, долго занимающийся историей и ее описанием, для нее, то есть истории, главное – это событие, а не сопутствующие ему факторы.

Он сделал неопределенный жест рукой и прищелкнул пальцами. Вершинин уже научился распознавать невысказанные желания своего старшего товарища и поэтому ни говоря ни слова, молча, принялся разливать по новой. Между тем Тацит продолжал монолог:

– По большому счету, ей, то есть истории все равно от чего пал Цезарь из рода Юлиев, от ножа ли, гладиуса или воровской заточки. Ей все равно кто это сделал: Брут ли, или сам Октавиан. И уж тем более ей наплевать, когда это произошло : в марте, или апреле. Для нее важно, что он пал. А уж при каких там сопутствующих этому обстоятельствах – не важно. Так вот и в твоём случае.

Неважно какие обстоятельства сопутствовали смерти подопечного нашего общего знакомого. Важно лишь то, что в любом случае он умер в 7 часов 52 минуты и 32 секунды.

Всё.

Он взял, протянутую ему чашу и опять приник к своему источнику вдохновения и красноречия.

Испив и эту чашу до конца, продолжил:

– Я сейчас, как ты знаешь, пишу свою «глобальную хронологию», и скажу тебе, был немало удивлен одним обстоятельством. Некоторые события, в свершении которых нет никаких сомнений, по прошествии времени начинают терять свою датировку. Возьмем к примеру первый попавшийся событийный случай – затмение в Мурсили, которое случилось на территории Хеттского царства во времена правления царя Мурсили II. Казалось бы рядовое событие. Ну затмение и затмение, и Бог с ним. В мою бытность еще там, на Земле, с датировкой данного события не было никаких проблем, ибо местные хронисты точно указывали его дату – десятый год правления этого царя. И никаких вопросов по этому поводу ни у кого не возникало. Но прошло каких-то три тысячи лет, тьфу... по историческим масштабам, и что мы видим?! Уже начинают спорить о дате. Одни утверждают, что оно было в 1308 году до н.э., а другие, что в 1312 году до н.э. А ведь к этому спору нет никаких предпосылок. Или взять хотя бы уж совсем вопиющий случай, который тебе будет более понятен, так как произошел вообще буквально на днях.

– На днях?

– Ну да. Я имею в виду появление, так называемой Вифлиемской звезды, предвещающей рождение Христа. Событие,

по историческим меркам, которое произошло буквально вчера. И что же видим опять, историки опять ломают копья, споря о дате ее появления. Отождествляют ее то кометой Галлея, то с соединением Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб, получая разброс чуть ли не в двадцать лет. А между тем древние хронисты прямо указывают на точную дату – год переписи населения иудеи во времена правления римского императора Августа. И таких случаев – вагон и маленькая тележка, как у нас теперь принято говорить. Тебя ни на какую мысль это не наводит?

– Наводит. Летописцы безграмотные, а историки халтурят. Верно?

– Балда, ты Левушка! Это прежде всего означает, что исторические события, со временем имеют тенденцию к «размытию». Я вообще подозреваю, что история, в качестве вектора событий имеет очень «рыхлую» основу, похожую на инверсионный след от пролетающего реактивного самолета. Сначала он ровный прямой и яркий, а спустя какое-то время начинает тускнеть, бледнеть, «рыхлеть» и растворяться в окружающей среде. Происходит некая диффузия событий в среде. Слои у него, как я уже отмечал, тонкие, следовательно «испаряются» быстро, поэтому эпизод с «джипом» зафиксирован лишь в одном случае, да и тот пропал прямо у тебя на глазах, если бы вы с Захарией с самого утра взялись за Т-сканирование, то наверняка их было бы гораздо больше. А к полудню, видишь один только и остался.

С этими словами учитель печально вздохнул и многозначительно уставился на ученика. Тот кивнул и опять наполнил сосуды душистым напитком. Пока тот разливал по чашам содержимое амфоры, шеф продолжал монолог:

– Два чудака из МГУ по фамилиям Фоменко и Носовский тоже начали подозревать что-то в подобном ключе. Мало того, что они додумались накладывать одни исторические события на другие, мотивируя это схожестью ситуаций, так они еще решили их привязать к объективным реалиям, коими назвали астрономические и климатологические константы. В итоге у них получилась абракадабра на подобие тех что пишут в юмористических виршах. Вот например, и он продекламировал известный всем студентам истфака стишок:

Через Греко – Палестину,
Пряча в ладан ятаган,
Делал хадж на Украину
Римский папа Чингисхан.

Парни они в общем неплохие. Бессребреники от науки, выгод не взыскующие. Их конечно сейчас метелят во всю, вербально пока, считая чуть ли не юродивыми, так что не исключено, что попадут они к нам. Ты проследи за этим. Математики нам нужны.

– Прослежу. Непременно. – кивнул Вершинин.

Опять помолчали. Однако долгое молчание грозило погрузить теплую компанию в объятия Морфея, и чтобы этого не случилось, Левушка решил еще разок, как следует встрях-

нуть шефа.

– Герард Петрович, – сказал он. – А ведь у меня есть еще записи...

Тут уже настало время икать начальству, что оно и не пре-
минуло сделать:

– К-как?! Какие еще записи?! – встрепенулся он.

Левушка, уже слегка покачиваясь от наполненных «трю-
мов», продефилировал к столу. Опять потыкал «мышью»,
выискивая нужный файл. Далеко отходить не стал. Через па-
ру секунд появился ролик с другим «джипом». После окон-
чания ролика, немного перемотал на момент столкновения и
нажал на стоп-кадр, опять выводя на экран характеристики
изображаемых объектов. Дав шефу некоторое время на то,
чтобы в очередной раз прийти в себя от увиденного, спросил
у того невинным голосом:

– А как вы прокомментируете данный сюжет, учитель?

Тацит, сидя на диване, усиленно тер руками лицо, то ли
восстанавливая кровообращение, то ли просто отгоняя вне-
запно навалившуюся сонную одурь. Левушка ликовал в ду-
ше от мысли, что усадил начальника в лужу и уже предвку-
шал победу, предполагая услышать нечто вроде того, что «
темна вода во облацех», но шеф живенько спустил его на
грешную землю словами:

– Ну и что?

– Как что?! – растерялся от убийственного спокойствия
начальства Левушка.

– Вот и я говорю, ну и что? Джип имеется?

– Имеется. Но марка другая, вы же видите, – начал было майор, но начальник отмахнулся.

– Не суть. Клиент в наличии?

– Да...

– Смерть наступила в то же самое время, что и в предыдущие разы?

– Ну... в общем, да.

– Попрошу без «ну». Все, как видишь, вполне укладывается в мою теорию. Сколько раз ты снял этот эпизод?

– Уууу... сбился со счета.

– Все они идентичны?

– Да.

– Ну и чем ты тогда собрался меня удивить? – уже благодушным голосом произнес шеф.

– А вот чем, – сказал Левушка и поведал о своих разговорах с Эллочкой и Борисовым.

После окончания повествования о «темной» истории с приказами и заявками, между двумя подвыпившими собеседниками вновь установилась тишина, которую никто не решился нарушить первым. Шеф сдался первым:

– Нда..., – многозначительно произнес он. – Левушка, ты случайно не в курсе, умирают ли ангелы от инсульта, а то я как-то упустил этот вопрос из виду?

– Не знаю. Скорее всего нет. Сосуды у нас будут, я думаю, покрепче, нежели у наших земных пращуров.

– Спасибо. Утешил.

– Не за что.

– Не ко мне тебе надо было идти с этим, – кивнул он на компьютер.

– А к кому? – растерялся нарушитель спокойствия.

– Не знаю. Я – историк, а тут дело пахнет детективом. Где там у нас Шерлок Холмс обитает?

– Эээ... Вообще-то это литературный персонаж, с явным сочувствием к шефу проговорил он.

– Жаль. Очень жаль. Его помощь сейчас была бы весьма кстати.

– И это все, что вы мне можете посоветовать? – огорчился всерьез Левушка.

– Ты никогда не задумывался, – не обращая внимания на огорченные стенания подчиненного, начал Тацит. – кто как и каким образом рассчитывает события, результатом которых наши «полевые» сослуживцы пополняют наши ряды?

– Ну-у, – начал тянуть Левушка. – Суперкомпьютеры рассчитывают все данные по потенциальным и перспективным «носителям».

– Нет, Левушка, не то ты говоришь, – перебил его начальник. – Компьютеры всего лишь рассчитывают генетическую предрасположенность предполагаемого «носителя» к тем или иным поступкам, анализируют уже совершенные поступки и дают прогноз на будущее, не всегда, кстати, точный надо отметить. А вот подгадать время и место встречи

того же «джипа» с «реципиентом»...

– Руководитель отдела Т-перемещений генерал Васильев, в миру был известным пророком, – попробовал вставить свои пять копеек Вершинин, сведя глаза к своей переносице для проверки состояния опьянения.

– И опять нет, голубчик, – возразил Петрович. – Пророчества – это все на макро-уровне. Оно не опускается до таких мелочей, как банальное ДТП в районе Мухосранска. Это только операции по внедрению «извозчики» совместно со специалистами из аналитического отдела разрабатывают самостоятельно. Задания на завершение же получают исключительно из рук...

– Серафимов, – догадался Левушка.

– Вот именно. А как у нас обычно их называют? – гнул свое шеф.

– Огненноносными, лучезарными, светоносными, – начал вспоминать майор, невольно понижая голос от почтения и душевного трепета к представителям этого вида «природных» ангелов.

– А еще? – требовательно произнес Петрович.

– Управляющие случаем, – совсем уже тихо просипел помощник.

– Вот! – поднимая указательный палец кверху, подтвердил Тацит. И продолжил. – Тот кто управляет случаем и есть основной игрок на этой сцене. Наверняка с их подачи были и оба приказа и отмена заявки на наблюдение.

– Так-то оно так, шеф, но в итоге-то это все равно ни к чему не привело. Основная канва событий осталась прежней, – попробовал опять возразить Левушка.

– Да. Ты прав мой мальчик, – согласился наставник с доводом ученика. – У них ничего не вышло потому... потому, что появился еще один неучтенный фактор, – медленно словно в сомнамбулическом сне произнес Петрович.

Левушка уже с неподдельным страхом взирал на своего начальника. Таким он еще его никогда не видел за все шестьдесят с лишним лет работы с ним.

– Ты знаешь, – все также медленно продолжал он, – а ведь мне теперь события, показанные в первом ролике видятся совсем-совсем в ином свете.

– В каком? – с придыханьем спросил ученик.

– Сынок, а не припомнишь ли ты еще каких-нибудь странностей во время визита к тебе Захарии? Чего-нибудь необъяснимого в его поведении или в окружающей среде, например.

Левушка усиленно морщил лоб в попытке припомнить что-нибудь выходящее за рамки обыденного.

– Вроде бы ничего такого особенного не было... Разве что мне почудилось, что холодком откуда-то потянуло, да еще неприятное чувство, что кто-то недобрый смотрит тебе в затылок.

Шеф покивал, как будто и сам предполагал нечто такое, а затем задумчиво начал:

– Я все это время не переставал думать о том типе в белом костюме... Из всех трех вариантов событий, именно тот, где присутствует он является загадочным, остальные укладываются в рамки разумного. Вот я сейчас и подумал, а что если этот тип и является тем неучтенным серафимами фактором?

– Да. Ведь это именно он растолкал зевак, чтобы девочка якобы увидела своего отца и позвала его. Если бы не он, то ничего бы и не было. К тому же мы с вами установили прямую связь между ним и злополучным автомобилем. И он единственный на кого у нас нет никаких сведений, – загнув три пальца Левушка.

– Но ведь в мире нет таких живых существ, на которых бы не распространялось действие Т-скана! И кто, из тех кого мы знаем никак и нигде не отображается?! – подхватил эстафетную палочку шеф.

– Никто. Хотя, постойте-постойте – начал догадываться Левушка, а затем добавил. – Кажется...

– Таких живых существ в мире нет, – повторил историк еще раз, – кроме...

– Кроме... – подняв глаза куда-то вверх, открыл рот Левушка.

– Да. Либо его антипода, или если хочешь, то Его же, но только в другой своей ипостаси. Только об этом, т-с-с, – предостерегающе приложил свой палец к его губам учитель.

Оба дружно кивнули той мысли, что одновременно пришла к ним в голову.

– Да, – еще раз подтвердил невысказанную догадку ученика наставник. – И этот второй вариант, мне кажется наиболее убедительным со всех точек зрения.

В глазах майора плескался неподдельный страх. На этот раз молчание затянулось особенно долго. Шеф опять первым нарушил тягостное молчание:

– Посмотри, сынок, там не осталось в кувшине еще сколько-нибудь?

«Сынок» тряхнул пятилитровую амфору. Там еще что-то плескалось.

– Есть немного.

– Наливай.

Левушка разлил остатки вина по чашам. Выпили. Крякнули с досады. Что больше ничего не осталось. Глядя в окошко, где уже порядком стемнело, хоть в Раю, как и у нас в Ленинграде майские ночи никогда не бывают слишком темными, Левушка засобирался домой. Петрович не стал притворно уговаривать остаться, он и сам порядком устал за этот бесконечно долгий вечер:

– Ты оставишь мне копию своих экзерциций?

– Да. Я еще с самого начала скачал ее вам. Папка на рабочем столе, – ответил он, вытаскивая флешку из компьютера.

– Ты вот что сынок, – стал наставлять Петрович своего помощника, – ты непременно поговори с Захарией еще раз. Чую, что он является ключом к разгадке этой тайны.

– Да, Гер-рард Петрович, завтра и п-поговорю, – слегка

заплетающимся языком ответил он наставнику.

– Надеюсь, что ты будешь держать меня в курсе.

– Р-разумеется.

На крутой лестнице, непривычный к таким возлияниям, как сегодня, Левушка оступился и чуть было не съехал по лестнице кубарем вперед до самого низа, но Петрович вовремя его поддержал.

– Да, брат, питух из тебя еще тот, как я посмотрю. Эх, молодежь-молодежь... Ладно давай я тебя хоть провожу до телепорта.

С этими словами он обхватил своего верного помощника за талию, и они в обнимку вышли во двор. Выйдя на улицу, остановились, потом переглянулись, и не сговариваясь дружно во весь голос затянули:

Видно, нечего нам больше терять,

Всё нам вспомнится на Страшном суде.

Эта ночь легла, как тот перева-а-ал,

За которым исполненье надежд.

Так в обнимку, как влюбленные они вышли со двора, и пошли вдоль улицы.

Бабка Лукерья, засидевшаяся у открытого окна, в ожидании «проклятого супостата», который по ее сведениям вот-вот должен был вернуться из Города, услышав песню, доносившуюся со двора ее соседа, очень удивилась. Сосед по участку справа, который регулярно покупал у нее молоко и брынзу, слыл мужчиной солидным, тихим и благообразным,

ни в чем таком не замеченным, а уж тем более в пьянках. Прислушалась, выпростав одно ухо из-под платка:

– Ишь ты, как выводят шельмы, – довольно прошептала она себе под нос. А с улицы тем временем продолжало доноситься:

Пусть Луна взойдет оплывшей свечой,

Ставни скрипнут на ветру, на ветру.

Ах, как я тебя люблю горячо-о-о!

Годы это не сотрут, не сотрут.

XI

Проводив бабу Лушу, Захария вернулся на кухню, убрал нетронутое со стола в холодильник. Остатки от пиршества скинул в дезинтегратор, который тут же заурчал как сытый кот, принимая в себя отходы. Природная совесть не позволила Захарии отправлять назад немытую посуду, поэтому перед отправкой он тщательно ее вымыл и вытер насухо. Во время этой не слишком приятной процедуры вспомнил слова бабки об ее желании видеть его обремененным брачными узами. Парадокс, но даже закоренелые холостяки всерьез задумываются об этом именно во время приготовления еды, мытья посуды и уборки в доме. Задумывался периодически об этом и наш герой. «А почему бы и нет? – спросил он сам себя, ставя в «шкаф» для отправки посуду. – Чем я хуже других? Ничем. Вроде бы не урод и не ду-

рак. Свой дом, солидный счет в банке, званием и наградами не обойден, авторитет у коллег по службе тоже имеется, и не малый. Да и все кругом, начиная от начальства и кончая бабой Лушей, уже в открытую говорят, что пора завязывать с холостяцкой жизнью. Ладно. Вот закончу это дело с обеспечением безопасности Инессы, и тогда всерьез можно будет подумать об обустройстве личной жизни». Конечно, на первый взгляд, положение Захарии выглядело странным. Просуществовав более трех тысяч лет, имея довольно импозантную внешность, он так и не смог обзавестись семьей. Нет, мимолетные любовные интрижки в период между командировками, конечно, имели место, многие представительницы «слабого» пола млели и строили глазки при виде его хорошо скроенной фигуры и магнетического очарования серо-стальных глаз, но до серьезных отношений они не доходили. Все любовные интрижки быстро заканчивались, стоило какой-либо из девушек узнать, кем он работает. Это вовсе не значит, что профессия «полевого» агента было презренна в райанском обществе. Напротив, «полевые» агенты пользовались заслуженной славой и авторитетом. Такой же славой и авторитетом пользовались только представители еще одной ангельской службы – спецназовцы. Их обожание среди населения вообще не имело никаких границ. Но слушать там могли только больные на всю голову, ибо это было единственное подразделение ангельской службы, которое действительно несло потери в прямом смысле слова. Ангелы,

несшие там службу, иногда погибали при выполнении заданий, связанных с командировками на Землю. И если люди, погибая, там у себя на Земле, могли рассчитывать на дополнительную жизнь здесь – в Раю, то смерть ангела была всегда окончательной. И тем не менее желающих служить в частях специального назначения было, как говорится, хоть отбавляй. Портреты таких «передовиков» как Захария и «спецназовцы» не сходили со страниц местных газет, их приглашали в школы рассказов о совершенных ими подвигах, в их честь называли улицы и корабли, на любом празднике такой вот агент тут же становился центром восхищенного внимания. И все это без учета того, что денежное содержание «полевых» было самым высоким среди райанцев во всех секторах Рая. Однако у каждой медали, как известно, имеется две стороны. И чем громче звучали фанфары в честь героев с передовой по борьбе за души братьев-землян, тем громче звучал и рекеиом их личной жизни. Никакая слава и никакие деньги не могли заставить райанок отдать свою руку и сердце такому вот молодцу, ибо какой женщине, будь она земная или райская, может понравиться то обстоятельство, что муж в любой момент может сорваться в очередную командировку лет так на тридцать, если повезет, а то и на шестьдесят-семьдесят. Вот и жди его. Вроде и жена, а все равно как вдова. А уж связать свою судьбу со «спецназовцем» это уже выходило даже за рамки помешательства. Подавляющее большинство ангелов такое положение удручало. Не все могли выдер-

жать подобный психологический прессинг. Многие из них писали рапорты и переходили на менее престижные должности с поражением в окладе, либо вовсе увольнялись со службы, будучи уже в немалых чинах, ради семейного счастья. И чем более становилось таких случаев, тем ценнее были оставшиеся кадры. Захария на своем карьерном пути, избежал множества соблазнов, бытового дискомфорта и душевных травм, связанных с особенностями своей профессии и теперь был в полном своем праве рассчитывать на компенсацию за все прошлые неудобства. Ценз «полевого» агента выслужен им сполна, без единого нарекания со стороны вышестоящих органов. Шутка ли, девяносто девять «обращенных» и не просто абы каких, а тех, кто сам в свою очередь стал «полевым»?! Считай, целая рота. А если принять в расчет то, что каждый из них, в свою очередь тоже по многу раз отличился на данном поприще, и те в свою очередь тоже, и так на протяжении более чем в две тысячи лет. Если все досконально с калькулятором на руках подсчитать, то он за свою продолжительную карьеру стал родоначальником, чуть ли не целого ангельского воинства в несколько десятков тысяч. Было, отчего закружиться голове.

Покончив с таким не очень приятным делом для любого мужчины как мытье грязной посуды и дождавшись ее отправки «столу заказов», Захария прошлепал в гостиную. Там отыскал глазами большой диван, стоящий посреди зала и с явным удовольствием вместил в продавленную годами одно-

му ему известную ложбинку в изделии Роберта Адама свою пятую точку. Напротив дивана, висел подвешенный к стене громадный и плоский экран визора «Аметист». Он принадлежал к первому поколению визоров с ЖК-экраном, освоенных местным производством. Захария как сейчас помнил, что купил его в далеком 81-м, как раз перед самой отправкой в последнюю свою командировку. На журнальном столике, стоящем рядом с диваном лежал пульт ДУ, бережно засунутый в полиэтиленовый чехол, по моде того времени. Нажал на «включение». Как ни странно, но экран тут же засветился. «Батарейка не села, спасибо баба Луша» – благодарно подумал он. Тут же завел «Чайку», сверяясь со временем в углу экрана. Машинально надел на руку. Рука моментально ощутила добротную тяжесть стального корпуса часов и такого же стального браслета. Насколько он помнил, в «русском» секторе транслировались 15 своих каналов и по 5 из других секторов. Нажал на кнопку «1». По первому каналу транслировалась передача «Вести с полей». Румяная и круглолицая, словно фермерская дочка, диктор бодрым голосом рапортовала о новых достижениях агропромышленного комплекса в деле выведения новых сортов злаковых, бобовых и клубневых культур, на основе последних научных разработок. Растениеводство мало увлекало Захарию, поэтому он тут же переключился на следующий канал. Там шла передача о проблемах сохранения книжного фонда в условиях перехода ко всеобщей цифровизации. Библиотекари и архивариусы, со-

бравшиеся в телестудии, уныло сетовали на катастрофическое падение посещаемости библиотек молодыми райанцами. Захария предпочитал идти в ногу со временем, поэтому данную проблему не считал заслуживающей внимания. Третий канал, по сложившейся традиции, отдан был под обсуждение и голосование по очередному из представленных законотворческих проектов. Он даже не стал прислушиваться к теме предстоящего голосования, а сразу переключился на следующий, боясь, что непременно уснет через пару минут от скуки. Переключив канал еще раз, обнаружил разгневанную райанку средних лет, выговаривавшую корреспонденту в микрофон претензии к транспортному подотделу городского жилкомунхоза за малое количество телепортеров, в часы пик, не справляющихся с потоком граждан спешащих с работы и на работу. Захария целиком и полностью разделял мнение разгневанной райанки, но все равно не стал смотреть окончание сюжета. Концерт камерной музыки, несмотря на великолепное звучание, также не вдохновил его. Передача об особенностях животного мира, населяющего океаническое побережье Рая, без характерных интонаций голоса Николая Николаевича Дроздова, казалась пресноватой и академичной. Вести о завершающем этапе строительства первого, общего для всех райских секторов космодрома, призванного обеспечить межзвездные перелеты космических кораблей, должна была вызвать неподдельный интерес у любой аудитории, и у Захарии в том числе, но сейчас он был слишком да-

лек от эйфории по поводу предстоящей экспансии мирового космоса. Будь он помоложе на пару тысяч лет, он возможно охотно записался бы в первый отряд космонавтов (портрет Юрия Гагарина висел у него на стене в кабинете), но судьба, а точнее Всевышний решили использовать его для достижения иных целей. Канал, посвященный происшествиям, связанным с техногенными авариями, либо климатическими катаклизмами (да-да, даже в Раю такие иногда случались, хоть и обходились, как правило, без серьезных разрушений и травм), смотреть не стал, из-за нежелания портить настроение в первый день возвращения домой. Наверное именно по этой причине подавляющее количество известий с Земли не находили своего отражения в сводке местных новостей. Видимо подкомитет, ответственный за телевидение опасался расстроить психику райанцев, просмотром всех ужасов совершаемых на Земле, а также катастрофического падения нравов, льющегося на головы землян и угрожавшего райанцам. Захария не был согласен с данной политикой, так как попадающие в Рай люди все равно приносили с собой страшные вести с родной планеты. Замалчивание истинной ситуации сложившейся на прародине большинства райанцев, на этом фоне выглядело, по его мнению, наиболее зловещим образом. По вполне справедливому суждению Захарии, о подобном нельзя было молчать ни в коем случае. Напротив, подобное должно было освещаться самым подробнейшим образом. Это дало бы возможность коллективному разуму жи-

телей Рая, выработать не только защитные меры в отношении самих себя, но и разработать рекомендации для землян. И возможно поспособствовало очищению земного общества от мерзости со всех сторон грозящей ему. А то вон, даже Аверьян из аналитического отдела спрашивает у него, у Захарии, о том, что творится на земле-матушке. Хороши же у нас аналитики, если даже не представляют, что творится там, куда они отправляют командировочных. Закончив эту мысль, полную праведного негодования, рашил продолжить прогулку по телеканалам. Опять защелкал пультом. Пропустил программу для желающих заочно повысить свой образовательный уровень. Хоть по своей последней земной профессии он и был артиллеристом, но обилие математических формул и «птичий» язык экранного лектора, всегда вызвали у него легкий приступ головной боли. Спортивный канал транслировал матч по футболу в Райской Чемпионской Лиге между любительскими командами (профессиональное занятие спортом в Раю резко порицалось на всех уровнях) из европейского и латино-южно-американского. Многие священнослужители, в силу своего благочестия попавшие в Райские Кущи всячески осуждали подобные мероприятия, упирая на «чужебесие азартных игрищ, возбуждающие в агнцах Божьих страсти», но как это ни странно покажется, именно в Раю их суждения не имели решающего значения. Понаблюдав за игрой минут 10 и послушав слова комментатора об игре, Захария поморщился: «кривоногие» русские футболи-

сты, даже находясь в Раю, умудрились не пробиться даже в четвертьфинал. Вновь щелкнул пультом, переключая на другой канал. По детскому каналу шел старый советский мультик о том, как ослик искал счастье. Несмотря на возраст, чины и звания, Захария любил смотреть мультфильмы, особенно советские. Было в них что-то душевно-щемящее, светлое и вместе с тем глубоко философичное. В них порой поднимались такие глобальные вопросы, что не сразу поймешь, для детей тот мультфильм или все же для взрослых. Скорее всего, для тех и тех. Высокая нравственная составляющая советской анимации заключалась не только в пропаганде гуманного и гармоничного образа жизни, между всеми ее формами, но и в том, что детям в этих фильмах давалась возможность почувствовать себя взрослыми, в плане принятия важных решений, а взрослым давался шанс переосмыслить свой внутренний мир. Старые советские мультфильмы были одним из немногих продуктов земного телевидения, которые всегда охотно получали разрешение на теле трансляцию в Раю от комитета по информации. Гораздо менее охотно комитет выдавал разрешение на показ художественных фильмов. Для этого они должны были отвечать не только высокохудожественным параметрам, но удовлетворять комитетчиков своими морально-нравственными критериями. Раз в год представители комитетов по информации всех секторов собирались и на консенсусной основе утверждали списки разрешенных к просмотру фильмов, дабы исключить контра-

банду нежелательного контента. Просмотр земных фильмов был чрезвычайно популярен среди райанцев, так как своих киностудий и театров в Раю попросту не было. Играть роли в театре или в кино, райанцы для себя считали делом зазорным, как надевание на себя чужих личин, а земные актеры, в силу специфичности своей жизни, попадали сюда гораздо реже чем представительницы «самой древней профессии». Молодые райанцы, рожденные здесь и не знавшие как следует земных реалий, нет-нет, да поругивали «жандармские формы правления» и «засилье цензуры». Однако их родители, вдоволь насмотревшиеся там на Земле на разгул вседозволенности в культуре, приводящий к общему падению нравов, цепко придерживались прежних устоев и полностью поддерживали в этом свои комитеты по информации. Так и не прижились театр и кинематография в Райских Кущах. В общем и целом, если перефразировать слова, сказанные когда-то одним из землян, то райское телевидение было каким угодно – где-то смешным и наивным, где-то даже немного скучноватым, но оно никогда не было пошлым, и в этом была его основная заслуга. Захарии надоело переключать каналы, поэтому он выключил визор, встал и направился в прихожую, где бросил свою барсетку с карточкой и коммуникатором, и где стояла корзинка для писем, доверху наполненная содержимым, что он отметил краем глаза еще когда только вошел в дом. Вынув «комтор», как в обиходе называли коммуникатор местные жители, склонные к всевозможным со-

кращениям и аббревиатурам, из барсетки и воткнув его в розетку для подзарядки, принялся разбирать почту. В основном это были банковские уведомления о состоянии личного счета клиента на конец каждого года. Уведомления несли информацию о всех поступлениях и списаниях со счета клиента. Теперь сумма в сто шестьдесят четыре миллиона уже не вызывала в нем трепет, который он невольно ощутил днем стоя возле кассира. Мысленно прикинул, сколько у него выходило в среднем в месяц за почти три тысячи лет службы. Трепета поубавилось еще больше. Если бы не его невольная экономия из-за бесконечных многолетних командировок, то повода раздуться от спеси, было бы еще меньше. Впрочем, означенной в последнем уведомлении суммы ему хватило бы для безбедной жизни, пожелав он завтра выйти в отставку, как минимум на десять тысяч лет.

Правда, никто не знал точно, сколько живут райанцы, и «природные» ангелы в том числе, на самом деле. Стареют они до чрезвычайности медленно, о смерти какого либо из райанцев по естественным причинам он пока даже и не слышал, а самым старым из них, таким как, например Гавриил, было что-то всего около восьми тысяч. Это внушало неподдельный оптимизм, тем более уходить в отставку он пока не собирался даже в самых страшных своих мыслях.

Аккуратно сложив стопкой для их дальнейшего скармливания дезинтегратору, банковские уведомления за почти 30 лет, приступил к ознакомлению с остальной почтой. Осталь-

ной почты оказалось совсем не много. Несколько писем из средне образовательных школ с просьбой в любое удобное для него время посетить оное, с целью поделиться рассказами о «героической» профессии ангела-спасителя. Письма были одинаковыми, написанными будто под «копирку». И было еще одно уведомление из Комитета по культуре с просьбой дать ответ на предложение занять на ротационной основе одно из освободившихся мест. Судя по дате, ответ необходимо было дать еще шесть лет назад. Опять тяжело вздохнул и переправил эти письма к предыдущей стопке. «И никому-то я не нужен» – сам себя жалея, горько подумал он. «Хотя... Стоп... Как это не нужен?! Нужен! И еще как нужен! Инессе нужен!» – воскликнул про себя Захария. Как же он мог забыть о возможно той единственной, которая по настоящему любила его с самого своего рождения?! За суетой этого сумасшедшего дня, он совсем позабыл о дочери, которая больше всех на свете нуждалась в нем. Он тут же вспомнил последние кадры записи, сделанные Т-сканером. Вспомнил ее, как всегда не по-детски серьезное личико, слова: «папка...», прошептанные в неизмеримую даль и взгляд, умоляющий не оставлять ее одну в этом чужом и пугающем, без него, мире. Захария вскочил, будто его ужалила незаметно подкрававшаяся гадюка. Нужно было срочно что-то предпринять, нельзя было просто так сидеть и ждать чего-то. Вспомнил давешний разговор с Гавриилом. Тот категорически отказал ему в предоставлении возможности про-

вести еще одну операцию по внедрению его в кого-то из знакомых и близких Инессы. Однако напоследок посоветовал написать заявление с просьбой о проведении дополнительной операции по внедрению, с мотивировкой необходимой для этого. Захария нелепо покружил по гостиной в поисках чего-нибудь пишущего, потом с размаху хлопнул себя по лбу: «Блин... привык там, на Земле к «хрущебам», где одна и та же комната может служить и спальней и гостиной и столовой одновременно. И забыл. Что здесь у меня есть свой кабинет!» С этой мыслью быстро поднялся на второй этаж и не мешкая вошел в довольно просторный кабинет. Однако перешагнув порог, приостановился. Здесь, в торжественном сумраке сводчатого потолка, с расположенными вдоль стен стеллажами со свитками свернутыми и уложенными в специальные тубусы, книгами в грубых воловьих переплетах и дорогих окладах, древних авторов и современных, хранилась мудрость многих поколений жителей Земли. Здесь были книги, авторы которых были представителями не только разных эпох, но и разных народов, на многих языках мира. Особенность библиотеки Захарии, которую он любовно собирал на протяжении многих столетий, заключалась еще и в том, что там находились произведения, как известных всем авторов, так и совершенно незнакомых, написанные ими как на Земле, так и здесь. Это там, на Земле, Нестора Печерского, известного как Нестор-летописец, знают всего лишь по одному произведению, а именно «Повести времен-

ных лет», тогда как здесь он широко известен своими многочисленными трудами, написанными им уже здесь, и выдержавшими уже не одно издание. Захария любил свою библиотеку. Любил прикасаться к старинным фолиантам, ощущая под пальцами шероховатость и тиснение переплетов. Любил вдыхать в себя специфический, слегка затхлый запах, присущий любому книгохранилищу. Ощущая, ни с чем не сравнимый запах книг, ему казалось, что он вдыхает в себя материализовавшуюся таким образом саму историю. Оглядев стены кабинета-библиотеки, он уже чуть менее уверенным шагом прошел к письменному столу. Сел в удобное кресло с высокой спинкой. На столе стоял допотопный лаптоп «Кристалл» – пятидесятилетнее недоношенное, но все же выпущенное в продажу, детище местного акционерного общества «Райбытэлектроника». У него слегка свело скулы от того, что сейчас придется каждый раз вводить команды вместо того, чтобы нажимать на нужные «иконки», как он привык в своей «экспишке». Воткнул вилку шнура питания в розетку и откинул, предварительно отщелкнув замки, верхнюю крышку. Пока тот загружался, кинул взгляд на тумбочку справа, примыкавшую вплотную к столу. На ней валяжно расположилось еще одно чудище бытовой электроники – матричный принтер «Белка». «Это кому же в голову пришла мысль назвать «белкой» скрипучий аппарат, издающий при работе звуки схожие с металлическим скребком по мокрому стеклу?!» – с досадой подумал он, вспоминая прошлое. В

это время экран осветился и лаптоп весело заморгал огоньками давая понять, что к работе целиком и полностью готов. Захария размял пальцы, попутно вспоминая особенности работы с «кроссом» – местным аналогом «ворда». «Гавриил говорил, что заявление надо писать вверх по инстанции. Как вверх? По какой такой инстанции?» – припомнил Захария утренний разговор с шефом. За всю свою жизнь, он никогда и никому не писал никаких заявлений, за исключением заявлений на предоставление очередного отпуска, но он писал их шефу через канцелярию, а то и просто клал на стол «дрожайшей» Олимпиаде Дормидонтовне, а уж она сама знала, что с этим дальше делать. Отчеты по результатам очередной командировки он передавал в отдел аналитики в руки любого попавшегося сотрудника данного отдела. А в последнее время даже этого не приходилось делать. Вместо писанины отчетов командировочные просто проходили всеобщее сканирование головного мозга, которое в процессе обработки преобразовывалось в машинописный текст, рассказывающий обо всех похождениях «засланца» за весь период командировки. Поэтому он не представлял себе, в какую еще инстанцию можно направить то, что он сейчас пытался сочинить. «Может быть, он имел в виду серафимов? – размышлял он. – Да нет, пожалуй. Это не их компетенция. Они выполняли, прежде всего, роль координаторов той или иной операции, до недавнего времени провожали и встречали ангелов в командировки, служили передаточной Его во-

леизъявлений, но решений отнюдь не принимали. На имя кого же тогда писать?» В задумчивом недоумении начал потирать подбородок. «Кому-кому писать?! Да, Самому. Кому же еще?!» – неожиданно для себя самого нашел он выход из сложившейся ситуации. Набрал команду «создать документ». Перед ним тут же развернулось белое полотно, готовое к заполнению. Вдохнув поглубже, как перед прыжком в воду, набрал «шапку»: «Господи, Всемогущий и Всемило- стивый Создатель наш...». «Так. А вот теперь спешить никак нельзя, ибо если письмо Самому, то следует все тщательно обдумать. Заявление должно быть написано с умом. И вы- сказано оно должно быть, как бы между прочим, а основная его часть должна быть посвящена предложению по разреше- нию кризиса связанного с резким падением притока землян. Для придания веса своему посланию, так же не худо было бы упомянуть свои заслуги перед Престолом Господа» – так рассуждал он в своей наивности, и эти рассуждения ему так понравились, что позабыв обо всем окружающем, он неволь- но погрузился в воспоминания...

ХП

В отличие от людей, Захария помнил момент, когда по- явился на свет. За плечами были более трех тысяч лет су- ществования, но тот день запомнился ему наиболее отчетли- во. Все было до обыденности просто, он очнулся на камен-

ном ложе в каком-то полутемном помещении, открыл глаза, как будто поле долгого сна, встал и вышел в другое. В этом другом, громадным до бесконечности, залитым непонятно откуда взявшимся светом, помещении, он увидел множество таких же, как и он, абсолютно голых особей мужского и женского пола, которые, впрочем, никак не реагировали на свой вид и вид окружающих. Он никогда не был ребенком, и у него никогда не было детства. Он появился на свет уже вполне взрослым, с минимально необходимым набором инстинктов и знаний, как модель автопроизводства в базовой комплектации, которую еще долго приходится доводить «до ума». О некоторых вещах он имел довольно ясные представления, заложенные в него Всевышним при рождении, а о некоторых не имел никакого понятия. По большому счету он представлял из себя всего лишь белый лист, формата А4, заправленный в каретку пишущей машинки Фатума. Здесь никто и ни с кем не разговаривал, все старательно делали вид, что они тут совершенно случайно. Делал вид и он, чтобы никак не выделяться из толпы. Когда громадный зал достаточно наполнился, откуда-то сверху и со всех сторон послышался громкий, но приятный по тембру голос, выразивший желание видеть всех присутствующих построившимися вдоль стен. Когда голая братия после некоторой, обычной в таких случаях, суеты все же кое-как выстроилась вдоль стен, в зал вошли еще несколько персон с развевающимися за спиной громадными переливающимися всеми цветами радуги кры-

льями. Крылатая кучка прошла в центр зала и там остановилась. Один из них, самый старший на вид, таким же громким, но чуть менее приятным голосом возвестил, что все собравшиеся здесь являются созданиями Господними, и кандидатами Ангельского Воинства, призванными служить Его воле. Сейчас каждого из них нарекут персональным именем, выдадут подобающее одеяние и дальнейшие инструкции. После этих слов, группа «крылатых» подошла к ближайшей шеренге, и началось наречение. Группа подходила к очередному кандидату в ангелы, что-то негромко произносилось одним из крылатых, неслышное из-за дальности расстояния и не громкости слов, после чего «нареченный» склонялся в неглубоком поклоне и выйдя из строя направлялся к одной из многочисленных разноцветных дверей. Через довольно продолжительное время, очередь дошла и до него. Остановившись напротив Захарии, «старший» посмотрел тому, казалось в самые зрачки и торжественным, но уже чуть усталым голосом произнес негромко: «Нарекаю тебя именем Захария. И носить тебе его отныне и до скончания рек». Захария поклонился так же, как это делали и все предыдущие. Бесцветный голос из-за спины «старшего» произнес: «Проходи в белую дверь». Захария повиновался и вышел из строя. Быстро отыскав глазами нужную дверь, он уверенно направился к ней. Помещение, в котором оказался Захария, представляло собой длинный как чулок коридор вдоль стен уставленный грубо сколоченными столами, за которыми тоже си-

дели крылатые существа, но с крыльями, куда меньших размеров и красоты. Мимо столов, вереницей, чуть задерживаясь у каждого, проходили «кандидаты». Назвав свое имя, он подошел к первому из столов. Сидящий молча, окинув оценивающим взглядом подошедшего, откуда-то из-за спины достал стопку белья из довольно грубо выделанной ткани, сунув его в руки Захарии. Белье состояло из длинной, серого цвета рубахи без ворота, с вырезом для головы и таких же серых штанов на подвязке. Водрузил на нее сандалии, вынув их из под стала и также молча указал взглядом на соседний стол. За этим столом, более словоохотливый крылатый сообщил Захарии, что жить он будет в казарме на фронте, под крышей которого имеется изображение, и он быстро начертил на пергаменте тростниковым пером знак «IV», оторвал кусочек с изображенным знаком и протянул его Захарии. У третьего стола ему сообщили о месте и времени трехразового столования. У четвертого стола уведомили о «банном» дне и выдали холщевый мешок с ремнем для ношения через плечо, в котором находились: иголка, воткнутая в моток ниток; костяной гребень с нечастыми зубцами; чернильница из обожженной глины, заткнутая каменной пробкой; пучок тростниковых перьев, перевязанных бечевкой; свернутый в трубочку носовой платок, для того чтобы сморкаться в него, а не ковырять пальцем в носу, из ткани чуть более нежной, чем нательная одежда; большой кусок чего-то не очень приятно пахнущего, коим оказалось мыло, как он

узнал впоследствии и небольшого размера черная грифельная дощечка с набором разноцветных мелков. У последнего стола ему выдали маленький кожаный кошелечек на пояском ремне. В кошелечке сиротливо лежала одна маленькая медная монетка. Как ему пояснил вручивший кошелек крылатый, это была его ежедневная оплата труда и учебы, вручаемая авансом. На вопрос, что он, Захария, может на нее купить, крылатый криво усмехнулся и неопределенно пожал плечами. Потом приняв опять официально-строгий вид посоветовал поторопиться с переодеванием, потому что вскоре должно начаться построение. Перед тем как выйти в мир, он по примеру рядом находящихся соискателей ангельского чина, оделся, застегнул поясной ремень на впалом животе и перекинул через плечо ремень с холщевой сумой. Так, не слишком обремененный имуществом и лишними финансами Захария и явился в этот мир, где ему предстояла долгая и кропотливая работа, пока главным образом над собой, а уж там, кто ж его знает, что будет потом?

Выйдя на свежий воздух, Захария впервые очутился под лучами местного светила. В глубоком голубом до рези в глазах сияла оранжевая звезда, посылая свои лучи на планетообразную поверхность (он еще не знал ни как называется твердь, на которой стоял, ни как называется светило, посылающее свои лучи на нее). Здание, из которого только что вышел Захария, находилось в центре огромной и круглой площади с выложенной из камня мостовой. Вокруг площади

громоздились, как ему показалось, здания поистине циклопического размера. От площади, расходясь лучами в разные стороны, виднелись улицы, тоже сплошь застроенные зданиями различной высоты. Тут и там сновали люди, одетые, как он сразу заметил гораздо лучше его. У всех снующих туда-сюда были серьезные и озабоченные лица, поэтому он не сразу решился остановить одного из них, чтобы спросить, где находится здание со знаком «IV» на фронте. Вопреки ожиданиям, остановившийся возле него прохожий не только не отмахнулся от бестолкового вопрошателя, но напротив, улыбнулся и охотно указал на длинное и высокое здание, находившееся в глубине одной из улиц и стоящее торцом к собеседникам. Поблагодарив, за помощь, спешащего прохожего, Захария направился к указанному зданию. Подойдя к нему, он убедился в правильности своего маршрута, обнаружив у центрального входа толпу таких же, как он одетых в серую робу особей обоих полов. Дверь в здание была закрыта. По толпе прошел шепоток, что де двери не откроют, пока все не соберутся. Прошло еще какое-то время, прежде чем высоченная двустворчатая дверь отворилась и на ступеньках, ведущих к ней, не появился высокий дядечка в белоснежном одеянии и с громадными, выше головы крыльями за спиной. В одной руке он держал обнаженный, но опущенный книзу длинный меч, а в другой чашу из которой виднелись неяркие язычки пламени. Трубным голосом он произнес краткую, но выразительную и не совсем понят-

ную в некоторых местах речь:

– Приветствую в вашем лице всех благополучно созданных дланью Божьей и прибывших сюда. То место, где вы сейчас находитесь, называется Раем, но я вам обещаю, что вы все еще побываете в Аду. Меня зовут Уриил. Звание мое – архангел. На ближайшие годы я буду для вас – мать, отец, учитель и экзекутор .

Немного передохнув после произнесенной фразы, видимо нечасто ему приходилось произносить без паузы такие длинные речи, он поднес к губам пылающую чашу и сделал из нее несколько глотков под изумленными взглядами присутствующих. После чего продолжил уже менее трубным, но все равно хорошо слышимым гласом:

– В этих стенах вы получите все необходимые вам знания для дальнейшей работы по исполнению воли Создателя нашего. Вы будете учиться и работать. И то и другое станет для вас тяжким испытанием и тернистой тропой, ведущей к совершенству как вас самих, так и тех за которых вам, поручено, будет нести ответ.

Он опять отхлебнул из чаши, содержимое которой окончательно привело его в благодушный настрой, и он уже совсем повеселевшим голосом закончил:

– Сейчас ваши кураторы разобьют вас на сотни и проводят до вашего нового обиталища. После обустройства – обед. После обеда вам зачитают нормы общежития, которых вы должны будете придерживаться, а также расписание часов

учебы, труда и отдыха. С Богом!

С этими словами он развернулся и шагнул в дверной проем здания, не закрывая за собой двери.

Тут к толпе подошли еще несколько крылатых, но с крыльями поменьше и начали формировать сотни, уводя каждую за собой в ту же дверь. Вскоре сотня, в которую входил и Захария, под водительством одного из крылатых тоже вошла в эти двери и не задерживаясь на первом этаже стала подниматься по крутым и скользким мраморным ступеням на второй этаж. Пройдя узким и длинным коридором небольшое расстояние, сотня свернула направо и очутилась в просторном и светлом от больших оконных проемов помещении. По двум противоположным стенам помещения располагались двухъярусные нары, застеленные куцыми серого цвета покрывальцами и увенчанные такими же сиротского вида жиденькими подушками с белыми наволочками. После приказа крылатого о занятии койко-мест, толпа с шумом и смехом мигом ринулась разбирать места на нарах. Захария не стал суетиться, а подошел к ближайшим от входа закинул свой мешок с немудрящими пожитками на верхний ярус и сам вскарабкался туда следом. Над изголовьем была прибита тумбочка, которой он не преминул воспользоваться, положив туда свой мешок и пояс кошельком. Кто занял нижние нары под ним, он даже не обратил внимания. Когда суета с расселением улеглась, все тот же крылатый, которого звали Малхий, скомандовал построение. Будущие ангелы тут же

стали выстраиваться в две шеренги в проходе между двумя рядами нар, согласно занимаемым им местам.

Закончив построение, Малхий обходя двойной строй произнес речь не менее зажигательную, чем его предшественник:

– Значит так! Меня зовут Малхий! Эй, кто там такой веселый и скалится?! Я сказал Малхий, а не малахай! Если кому-то непонятно, то мой кулак растолкует все как надо! – и с этими словами он поднес свой немалый кулак к носу одного из недавно скалившихся, после чего продолжил. – Чувства юмора у меня нет. Телесные наказания в Раю не практикуются, но в качестве средства для быстрого приведения к адекватному состоянию – не запрещены. А с настоящим малахаем некоторые из вас непременно познакомятся, когда их упекут куда-нибудь севернее Гирканского моря, но вам уже тогда будет не до смехуечков! Усвоили?!

Шеренги дружно закивали головами в испуганной растерянности, ибо никто из них не знал, каким должно быть это адекватное состояние, где находится Гирканское море и почему его надо опасаться именно с северной стороны. А он, прохаживаясь вдоль вытянувшихся по струнке двух шеренг, продолжал:

– Я являюсь куратором вашей группы. Все вопросы, все жалобы, все проблемы – это ко мне. Теперь следующее. Надеюсь, умение определять время по солнечным часам уже заложено в ваши головенки?! Хорошо. Тогда слушайте и за-

поминайте расписание, коему вы будете следовать не один год. Читать хотя бы по складам, я надеюсь, вы тоже умеете.

6.00 – побудка, заправка топчанов и одевание;

6.15. – туалет. Он находится в конце коридора и налево. Места всем хватит, так что без столпотворения у меня. Там же находятся и рукомои. За чистотой рук буду наблюдать лично. Если обнаружу «траур» под ногтями, то накажу;

6.45 – утренняя гимнастика. Буду сам проводить ежедневно в коридоре;

7.00 – завтрак, на который будем спускаться строем в столовую на первом этаже;

7.30. – возвращаемся в спальное отделение, откуда забираем свои писчие принадлежности и строимся во дворе;

7.45. – опять же строем, можно с песнями, идем к амфитеатру, где и будут проходить основные занятия;

8.00. – начало занятий. Между отдельно преподаваемыми дисциплинами перерыв – 15 минут. Занятия – до 13.00;

В 13.15 – построение и поход на обед. Туда же;

13.30 – обед;

14.00 – построение и направление на стройку. Физический труд у нас наравне в почете с интеллектуальным;

17.45. – построение и поход на ужин;

18.00 – ужин. Опять там же;

18.30 – отдых. Для желающих факультативные занятия, место, перечень и расписание которых будут уже завтра висеть в столовой;

19.45. – построение;

20.00 – отдых, занятие личными делами;

22.00 – отбой.

И так шесть дней. На седьмой день – отдых. Каждый волен заниматься своими личными делами. Вопросы?!

У матросов вопросов не было, но зато было слышно, как поскрипывают, проворачивая шестерни новенькие мозги у некоторых особей от усилия запомнить все и сразу. Выждав необходимую паузу, он закончил:

– Раз вопросов больше нет, то слушайте мою команду. На-ле-во! За мной шагом марш, в столовую на ужин.

Эта команда и сообщенная новость о грядущем приеме пищи, как-то сразу приободрила присутствующих, и они бодрой походкой устремились вслед за своим вожатым. После, в общем- то простого, без всяческих изысков ужина, опять же строем, будущие ангелы отправились назад в казарму. До отбоя еще оставалось свободное время, и завтрашние студиозы начали понемногу знакомиться друг с другом. Так для Захарии прошел первый день в Раю. Сравнить его было пока не с чем, поэтому по здравому размышлению он признал его вполне приемлемым для себя.

А со следующего утра начался настоящий ад. После завтрака их строем погнали к амфитеатру – громадному круглому в сечении сооружению со ступенями каскадом поднимавшимися с самого низа и до верха. И вся эта громада была заполнена такими же, как и он – студентами Райского Высше-

го Ангельского Училища. Из объяснений данных Малхием на ходу по пути к амфитеатру Захария понял, что там будет проходить обучение будущих ангелов общим дисциплинам: обучение основным языкам, принятым на какой-то там Земле; логике; риторике; этике в разных ее ипостасях; истории, божественному праву и прочим дисциплинам. Специальные дисциплины будут преподаваться в классах расположенных на третьем этаже их казармы. Перед началом занятий в центр амфитеатра вышло существо с обычным телом, и уже достаточно примелькавшимися за сутки крыльями, но зато с головой похожей на львиную. Весь вид этого существа внушал невольный трепет у всех, кто здесь находился. От существа с такой головой можно было ожидать услышать все что угодно вплоть до грозного рыка, но ожидания были обманчивыми. Голос у него оказался мягким и приятным и кажется Захария, уже его где-то слышал. Несмотря на циклопические размеры арены амфитеатра акустика была превосходной, поэтому существу с львиной головой, представившемуся как Херувиил, не пришлось даже повышать голоса. Слова, что он произнес спокойным и где-то даже задушевым голосом, навсегда остались в голове Захарии:

– Здравствуйте мои дорогие соплеменники, соратники и просто друзья. Меня зовут Херувиил. Я из рода херувимов, призванный доносить до вас Божью мудрость. Я являюсь ректором вашего учебного заведения. Сейчас я поведаю вам о том, какие задачи нам с вами предстоит решить и какие

трудности преодолеть на этом пути...

И тут он поведал собравшимся о том, для чего их создали и зачем собрали всех в этом месте. Из его слов выходило, что Бог оказывается создал два мира – тот в котором находимся мы и еще другой – неизмеримо далеко отсюда. Оба этих мира населенные внешне похожими друг на друга живыми существами, но разные по их внутреннему строению, находятся в неразрывной связи. Этот мир называется Раем или Райскими Кущами. Рай представляет из себя громадную по всем космическим меркам планету с приятным и теплым климатом, разнообразной флорой и фауной. Особенностью планеты является то, что на ней практически отсутствует такое понятие как смерть. Планета населена разумными существами – райанцами. Их отличительной чертой являются незлобивость характера, любовь ко всему окружающему, открытость и искренность чувств, отсутствие таких пороков как зависть, жадность, нравственная развращенность и прочие многие достоинства. Однако в этот и заключается их слабость. В чем слабость серафим не стал уточнять. А на краю Галактики имеется маленькая планета, во много-много раз меньшая, чем Рай, и на языке народов, населяющих ее, называется «Земля». Так как и мы, и они созданы одним Творцом, то между нами существует нить связующая наши этносы незримым родством. Однако в отличие от Рая на Земле почти все не так как у нас. Там суровый климат, земляне в подавляющем большинстве своем являются, по сути, ди-

карями, отягаченными бесчисленным количеством грехов и пороков, а главное – там повсюду гуляет смерть в самых отвратительных своих формах. Мурашки неподдельного ужаса пробежали по спине Захарии. До него теперь стал доходить смысл слов Уриила, когда тот обещал им попадание в Ад. Без всяких сомнений он имел ввиду Землю и ее обитателей. Тут лектор опять не стал пояснять, почему Бог создал такое неприглядное место как Земля и какой от этого может быть прок. Дальше из его слов следовало, что так как мы являемся братьями землян по факту рождения от одного отца, то нам жизненно необходимо помочь им преодолеть врожденные и приобретенные грехи и пороки и наставить их на путь радости и добродетели для дальнейшего воссоединения в одну общую семью, в которой мы с ними сможем обмениваться полезными качествами. «Это какими такими полезными качествами они могут наделить нас, интересно!?» – подумал Захария. «Наставление» на путь истинный будет происходить путем временного, по меркам Рая, внедрения нашей сущности (опять непонятка) в тело кого-либо из землян. (Вай-дот! Еще чего не хватало?!). Причем внедрения и пребывания в нем до тех пор, пока землянин существует. По словам говорившего, лишённые своего собственного тела, возможности общения с себе подобными, заключенные в чужую оболочку и утратившие часть самосознания, мы не сможем руководить поступками тех, в кого нас будут внедрять. Не сможем, ибо это будет нарушением Божьей заповеди о свободе

воли. Однако мы можем и должны всеми силами подсказывать пути ведущие к добродетели, постоянно указывать им на ошибки и пробуждать муки совести (это еще что такое?). Но перед тем, как приступить к спасению душ несчастных братьев-землян, нам самим предстоят еще долгие и долгие годы учебы тому, что мы должны будем им передать. В этом заключается наша ответственность и Господь строго взыщет с каждого из нас за упущенные и не спасенные души землян. Эти слова больно кольнули Захарию, ибо слишком явно намекали на то, кто из двух народов у Бога является любимчиком. Его горечь разделил сидящий рядом, хлопнувший себя ладонями по коленям и прошептавший:

– Вот те, на, те! Они стало быть грешить будут, а нам, значит, отдуваться за них! Я на такое не подписывался!

Захария был полностью солидарен с подобным мнением, однако решил благоразумно промолчать. Он вообще с некоторых пор начал замечать за собой поразительное благоразумие.

Вот для чего по мысли херувима было создано Небесное воинство, представителями которого являются ангелы. Они должны служить катализатором (снова непонятный термин) спасения обеих цивилизаций. В конце своей речи крылатый лев выразил надежду в том, что все мы, благодаря заложенным в нас с рождения, хорошей памяти, усидчивости и благонравия, успешно пройдем все этапы многолетнего обучения и оправдаем возложенные на нас надежды.

Что и говорить, дело по спасению сразу двух миров (неизвестно, правда, по спасению от чего), конечно весьма эпично и, безусловно, благородно. Но некоторые детали этого, прямо скажем пахивающего откровенной авантюрой, мероприятия вызывали чувство стойкого отторжения, особенно это касалось процедуры, так называемого «внедрения» от которой у Захарии пробегал морозец по коже. Обо всем этом думал Захария, опасаясь все же делиться с кем-нибудь из окружающих своими мыслями. Начавшиеся сразу после речи оратора лекции преподавателей, отвлекли Захарию на время от его тягостных раздумий.

После первых вводных лекций по общим дисциплинам и обеда, куратор повел будущих «воинов небес» на работу, дабы в «процессе тяжелого физического труда, отточить навыки смирению и долготерпению». Работа действительно была тяжелой, почти каторжной, не хватало только надсмотрщиков с плетью из воловьей кожи. Суть ее заключалась в том, чтобы ломать камень в каменоломне, возить его и предварительно отполировав укладывать в качестве уличной брусчатки. Весь их курс поделили на три неравные части. Две части представляли собой особой мужского пола, а одна – самая большая, женского. Мужчины ломами и кирками добывали камень, возя его на волокушах к месту укладки, а женщины специальными ручными терками с закрепленным в них абразивным материалом полировали его с одной стороны, оставляя другую сторону шероховатой. Далее

камни передавались специально обученным мастерам, которые и укладывали его с помощью особого связующего материала плотно прилегающими друг к другу ровными рядами. Уже к концу первого рабочего дня, старый мастер, руководивший работой каменщиков, с клочковатой длинной бородой чуть не до пупа, прохаживаясь вдоль неровного строя только что закончивших работу, с ехидным прищуром поинтересовался:

– Ну как вам работалось первый день, вольные вы мои каменщики ?

– Да какие же мы вольные?! – послышался из рядов недоуменный возглас.

– А как же голубчики не вольные?! – в свою очередь удивился дедок. – Вольные и есть! Вы, чью волю тут выполняете?! Его волю. О том, что это будет ваша воля, никто не говорил. Стало быть. вольные и есть! Сегодня вы вошли в историю, а она, сынки, вас так и запомнит отныне в качестве «вольных каменщиков», – проговорил он, оглаживая свою бороденку. И уже вдогонку уходящим ссутулившимся спинам, добавил:

– Это ничего. Это так – мелочи жизни. Вы еще научитесь носить круглое и катать квадратное.

Ужасно болели поясницы и плечи. Руки и ноги гудели от перенапряжения, ладони и пальцы саднило от кровавых мозолей у всех без исключения – мужчин и женщин. Кое-как соблюдая строй, доплелись до казармы, и там тоже кое-как

ополоснувши руки, заняли места в столовой. Ужин опять был сытным, но на это никто не обратил внимания. Ели вяло. После ужина Малхий привел в казарму группу ангелиц, которые споро и без лишних разговоров обработали всем раны, смазав их какой-то до ужаса вонючей мазью, от вони которой резало в глазах и было не продохнуть, а затем перебинтовали смазанные места длинными узкими полосками материи. Несмотря на вонь, мазь показала пациентам свои чудодейственные свойства, разом уняв боль и сочившуюся сукровицу. На факультативные занятия никто даже и не подумал идти. Перекинувшись парой-тройкой фраз с соседями по нарам, все поспешили улечься на свои места. Через некоторое время в казарму буквально ворвался незнакомый ангел с маленькими крылышками и таким же, как и у всех мешочком для монет в руках. Пробежал туда и обратно вдоль нар, аккуратно кладя на постель каждого по одной маленькой медной монетке, и так же стремительно удалился. Уже перед самым отбоем, когда Малхий пришел, чтобы пожелать всем доброго сна, кто-то с верхнего яруса, Захария со своего места даже и не разглядел толком, жалобным голосом спросил его:

– Скажите пожалуйста, зачем все это?

– Что, это? Выражайтесь яснее, курсант! – весьма недружелюбно отреагировал Малхий.

– Н-ну, в-вот эт-то всё? Камни ломать, таскать, шлифовать и вообще, – запинаясь проныл тот же голосок.

– Встать, когда со старшим разговариваете! – рявкнул

Малхий.

С верхнего яруса соскочил тощего вида паренек, перевязанный с ног до головы. Видимо ему сегодня досталось не только рубить и таскать, но и получить несколько производственных травм.

Паренек вытянулся по стойке смирно. Кадык на его тоненькой шейке судорожно дергался, делая глотательные движения. Малхий тяжелым взглядом смерил его от пяток до макушки:

– Имя?

– Натив .

– Ага. Подходит. Так что, «Врожденный» ты наш, тебя не устраивает? – ухмыляясь, переспросил куратор курса.

– Я-я, просто хотел спросить: зачем нам все эти работы, рубить, таскать, шлифовать? Ведь утром серафим, ну тот, что с головой льва, сказал, что нас будут готовить к внедрению в тела человеческие для интеллектуального воздействия на их поступки. А тут... такие понимаете ли. Истязания, чисто физические.

С каждым словом замотанного в тряпки субчика, глаза Малхия все выше и выше лезли на лоб.

– Ты откуда, зародыш, таких слов нахвататься успел?! «Интеллектуальное», «воздействие»! Уж не интеллигент ли ты часом?! – в крайней степени изумления поинтересовался он у задавшего вопрос. Тот помотал головой из стороны в сторону, а Малхий продолжил. – Умный что ли такой?! Ты

еще очки нацепи на нос!

Уловив на себе недоуменно-вопрошающие взгляды, пояснил:

– Потом. Изобретут потом такой прибор, чтобы интеллигентов от приличных людей отличать. Еще не скоро, – и опять обращаясь к Нативу, протянул, – то-то я смотрю. Лицо у тебя какое-то подозрительное. Сразу видно, что засланный казачок!

Заинтересованные этим диалогом курсанты, начали сползать с нар и подтягиваться к эпицентру событий, чувствуя, что намечается нечто интересное. Малхий отвернулся от собеседника, и уже обращаясь к почтеннейшей публике, проговорил:

– Ладно. Это все были шутки. Я же предупреждал, что чувством юмора не обладаю. А теперь серьезно. Я вижу этот вопрос многих интересует. Так вот, как вы, я обращаюсь сейчас ко всем вам, собираетесь влиять на людей, склоняя их к труду, терпению, самоотречению и даже возможно к подвигу, если сами не знаете что это такое?! Один день поработали и уже заныли?!

– А что, разве то, что мы сегодня делали это подвиг?! – раздались голоса.

– Да. Подвиг. Я не говорю о грехах – у вас их нет. Я говорю о другом. Все то, что вы преодолеваете в себе, будь то праздность, усталость, отчаяние, сомнение в себе и окружающих, все это подвиг. И у каждого из вас он свой. Если сами

в силах совершить подвиг, значит, и других сможете подвигнуть к этому. Я все сказал.

С этими словами он круто развернулся и быстрыми шагами покинул полное тишины помещение.

Прошло более трех тысяч лет с тех пор, как Захария услышал эти слова, но они до сих пор звучат в его ушах. Этот день стал переломным в жизни Захарии и рассеял все сомнения терзавшие его прежде.

XIII

А дальше потянулись годы учебы и труда. Учебный процесс для будущих ангелов не составлял больших проблем, они как пересохшая губка жадно впитывали в себя новые знания по десяткам дисциплин. Усвоение пройденного материала тоже не требовало каких-либо усилий, ибо вложенная в них с рождения прекрасная память цепко удерживала в мозгу все, что было необходимо для самосовершенствования. Помимо учебных предметов напрямую необходимых для плодотворного влияния на объект предстоящего внедрения, изучались еще и сугубо специфические, такие как, владение рукопашным боем, умение обходиться с мечом, ножом, копьем, пращей и луком. На осторожные вопросы, ибо откровенные претензии после того памятного всем случая с Нативом уже никто не решался высказывать что-либо подобное, зачем и к чему нужны эти экзерциции, если после «внед-

рения» они будут лишены своей телесной оболочки, Малхий с присущей только ему откровенностью пояснял:

– Разумеется, сами вы не сможете на практике применить свои познания в боевых искусствах, потому как будете пребывать исключительно в образе «внутреннего» голоса. Но в нужный момент на подсознательном уровне сможете подсказать даже растяпистому неумехе, как уклониться от удара копьем или парировать выпад меча в его сторону. На большее рассчитывать не приходится, но это все же лучше чем совсем ничего. И к тому же не забывайте, что вы будущие ангелы-хранители. Причем хранители не только душ, но и по возможности тел, в факультативном, так сказать, порядке. Чем на дольше время вы задержитесь в телах своих подопечных, тем лучше для них и для Рая тоже. Для Рая мало проку будет в том, чтобы получить чистую, с минимальным количеством пятен душу молодого и неопытного юнца без жизненных навыков. Мы здесь заинтересованы в прибытии к нам специалистов, обладающих полезными для развития общества навыками, имеющими зрелость в поступках и суждениях.

А на вопрос о том, почему преподаватели никогда не устраивают своим ученикам экзамены, как в иных учебных заведениях Рая, он отвечал с такой же прямоотой:

– А зачем? Самый лучший и беспристрастный экзаменатор это будет ваша жизнь там. И она будет выставлять вам свои, возможно нелицеприятные оценки.

Трудовая повинность тоже не вызывала в Захарии глухого неприятия как было в начале. Он видел, что трудятся в Раю все без исключения и порой этот труд был более тяжким и гораздо менее приятным, чем тот каким занимался он со своими сокурсниками. Тут никто не сидел без дела в праздном ничегонеделании. За время обучения, Захарии приходилось осваивать многие профессии. Он уже успел поработать не только горным рабочим, но и плотником, переписчиком, кузнецом, ратаем и садоводом. В процессе труда и в нечастые дни отдыха, Захария уже успел познакомиться с некоторыми представителями «обращенных». Эти знакомства напрочь, перевернули его прежние представления о представителях Земли как о грубых и диких варварах, неспособных ни к созиданию, ни к благородству поступков и слов. Все эти «бывшие» люди были если и не все достаточно просвещенными, то во всяком случае обладали другими не менее ценными свойствами такими как самопожертвование, душевный порыв и тяга к высшей справедливости. Причем. Далеко не все из них при жизни там, на Земле имели своих незримых помощников в лице ангелов. Это невольно наводило его на мысли о том, что земное общество, не такое уж и отсталое по сравнению с райским, если способно было самостоятельно генерировать в себе таких своих представителей. Если райанцы обладали дарованным Всевышним благонаравием, усидчивостью и хорошей памятью, то земляне брали свое природной изобретательностью и упрямством в дости-

жении поставленной цели. Со временем он понял слова херувима о том, что оба мира, разделенные громадным межзвездным пространством способны в процессе слияния обогатить друг друга в плане обмена жизненной стойкости и знаний на высокие душевные качества. Захарии все больше и больше нравились эти мужественные и в тоже время какие-то беззащитные существа, появление которых здесь в подавляющих случаях сопровождалось какими-либо трагическими обстоятельствами. И несмотря на это их душе не были сломлены, напротив, получив возможность прожить бесконечно долго новую жизнь, они подобно засохшей ветви опущенной в кувшин с водой, начинали преобразоваться и покрываться молодой зеленью, расцветая и раскрывая весь свой доселе нерастраченный потенциал. Ему очень хотелось поскорее приступить к работе.

По мере того как продвигалась учеба Захарии, улучшались и его бытовые условия. К концу десятого года обучения, он жил в общежитии и делил одну маленькую комнатку еще с тремя студентами. Денежное содержание также повысилось и уже составляло одну серебряную монетку в день. Захария не слыл скопидомом, поэтому почти все свои заработанные деньги тратил на покупку свитков (книг тогда еще не было). Свитки, аккуратно свернутые и заботливо разложенные по полочкам лежали у него в отдельном шкафчике, и все желающие имели к нему свободный доступ. Наконец подошел срок окончания учебы. Подошло время практики.

Как уже отмечалось ранее, население Земли, несмотря на все войны и катаклизмы, росло стремительными темпами. В то же самое время, искусственно созданные райанцы, меж собой практически не размножались. Это обстоятельство было для них настолько печально, что им приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы хоть как-то сгладить остроту данного вопроса. По Раю до сих пор ходили легенды о том, что еще пару тысяч лет назад группа молодых, но недалеких умом ангелов в количестве двух сотен, попытались по-своему решить эту проблему. Ухитрившись каким-то образом, то ли обмануть, то ли уговорить серафимов, отвечающих за переброску духовной сущности ангелов в тела людей, осуществить их переправку на Землю в телесном состоянии, что было строжайше запрещено регламентом службы, они решили естественным образом увеличить народонаселение. До этой цели они пошли самым примитивным путем, а именно соблазнив земных женщин на сожительство с ними. Соблазнение не составило большого труда, благо своим внешним видом они выгодно отличались от аборигенов. Раскинув в разные стороны своим недалеким умишком, они думали, что тем самым убьют сразу двух зайцев. Во-первых, выведут путем скрещивания особую расу землян, которой будут присущи все положительные качества «отцов», а значит отпадет утомительная необходимость внедряться в тела людей, год за годом наставляя их на путь истинный, и земляне будут почти все поголовно

попадать в Рай. Во-вторых, сама собой решится проблема воспроизводства самих райанцев, искусственно созданные, они сами, наконец, смогут воспроизводить себе подобных, не уповая на помощь Всевышнего. А уж их потомкам во втором и следующих поколениях это и вовсе не будет составлять никакого труда. Но как говорится, гладко было на бумаге. За довольно непродолжительный период своего пребывания на Земле, эта группка инициативных товарищей, пользуясь без зазрения совести тем, что Господь был занят чем-то другим, либо вообще находился в очередном отпуске где-то на Бали или Сейшелах, где в то время даже сотовая связь толком не работала, развила такую бурную деятельность по улучшению породы земной расы, что она невольно обернулась грандиозным скандалом. Все дело в том, что о таких понятиях как «генетическая несовместимость» молодые энтузиасты первой в мире «сексуальной революции» вообще не имели никакого, не говоря уж о самой «генетике», которая отрицает возможность скрещивания жизненных форм, основанных на углероде с формами, основанными на кремнии. Результатом этого «горе-осеменительства» стало появление на Земле такого невиданного количества монстров и генетических уродов, что они буквально за несколько лет наводнили собой всю планету. Тут тебе были и драконы, и просто гиганты, и кентавры и всякие руко-ногие о двух головах, да и просто черт те, что и сбоку бантик. И ладно бы еще так, но к несчастью это «потомство» обладало всеми дурны-

ми свойствами именно человеческого, а не ангельского характера. Они бегали по Земле, где грабили, убивали и насиловали всех, кто ни попадетсЯ им в лапы или зубы. Когда спохватились, то было уже почти поздно. Три четверти землян были уничтожены. Поначалу бедный Бог только за голову хватался от лицезрения подобного непотребства. Ну а когда, все-таки сумел взять себя в руки, то естественно, полетели головы, в прямом и переносном смысле. Пришлось срочно формировать и направлять группу специальных ангелов для устранения последствий необдуманного эксперимента. Ангельскому спецназу пришлось изрядно попотеть, вступая в единоборства с монстрами, порожденными их бестолковыми собратьями. Конечно же, не обошлось без потерь. Это в Раю, с его тепличными условиями буквально во всем, они были практически бессмертны. На Земле, в своем телесном обликии, ангелы были уязвимы. Не одно столетие длилось это эпическое сражение с переменным успехом для обеих сторон. Монстры и чудовища размножались с поразительной быстротой. Великое множество ангелов пало, найдя свою смерть в зубах громадных чудовищ, под ударами их лап и шипастых хвостов. Из десяти тысячного отряда, посланного на Землю, уцелела едва ли половина. И даже после окончания основных сражений, еще очень долго приходилось вылавливать, прячущихся в горах и болотах последних монстров. Досталось, конечно, и «энтузиастам» от евгеники, их хоть и не казнили, но разжаловали и раскасси-

вали по самым удаленным райским закоулкам с пожизненным запретом состоять на ангельской службе. Впрочем, напуганные последствиями своих необдуманных действий они не возражали против подобных репрессалий и были рады радехоньки, что так легко отделались. В истории человечества этот период известен как «битва титанов», преподнесенная ему в искаженном виде сказителями древнегреческого эпоса, да еще в книжных «откровениях» ветхозаветного пророка Еноха. В историографии Рая этот инцидент получил название «заговор двухсот». После всех этих событий, как раз и был произведен второй ангельский набор, вместо павших и отстраненных от службы. К этому второму набору как раз и принадлежал Захария со своими сокурсниками. Учитывая печальный опыт предыдущего периода, к делу обучения нового поколения будущих ангелов подошли более основательно. В угоду этой основательности принесли даже наличие застойных явлений в деле развития райанского общества, так как на время подготовки следующей партии ангелов, приток «обращенных» резко сократился.

Как уже упоминалось выше, на ранних стадиях развития человечества, когда количество людей не так фатально превышало количество ангельских особей из числа райанцев, как в более поздние времена, ангелы имели возможность проникать практически во всех людей. Однако демографический «взрыв» в среде землян поставил жирный крест на желании райанцев повлиять на поведение «подопечных».

Процент достойных райской жизни и раньше был невелик вследствие неумелых действий самих «кураторов», а после стремительного увеличения землян, он и вовсе снизился до минимальных значений. Даже «битва титанов» в которой погибло до трех четвертей землян, не переломило этой тенденции, и всего лишь несколько притормозила ее. Райанцы долго ломали головы над тем, как при сравнительно небольшом количестве ангелов повысить количество подготовленных к Раю землян, как выявить потенциально готовых к этому без того, чтобы внедряться во всех подряд. После долгих споров, наконец решили, что внедряться в тело всех землян – дело расточительное да теперь уже и невозможное, а по сему была сделана ставка на их детей. Брали на «заметку» детей возрастом от 3-х до 5-ти лет, с уже сформировавшимся сознанием и наклонностями и вели за ними наблюдение. Это позволило сузить количество претендентов на райскую жизнь и повысить качество отбираемого материала, так как исключало работу «вслепую». Конечно, не редкими были случаи, когда в рай попадали души тех, кто не имел своего небесного покровителя. Такое происходило тогда. Когда «дежурные» по итогам проверок детского сознания приходили к убеждению о бесперспективности того или иного человека, а он неожиданно для всех вдруг сам менял мировоззрение и светлая его сущность побеждала темную без посторонней помощи. Детей, нуждающихся в подобном тестировании, конечно, тоже было очень много, гораздо больше, чем наблюдавших за ни-

ми ангелов. И тут тоже нашли выход – отказались от постоянного наблюдения за каждым отдельным ребенком. Вместо этого внедряли какого-нибудь «дежурного» ангела в тело ребенка ночью, когда тот спит и просто снимали показания с коры головного мозга обо всем, что с ним происходило за день. Ангелу достаточно было всего на несколько мгновений слиться с ребенком в единое целое, чтобы получить всю нужную информацию. Объективный контроль скрупулезно подсчитывал, сколько раз за день ребенок лгал окружающим, и была ли эта ложь злонамеренной, сколько раз таскал ни в чем неповинного кота за хвост или сколько раз обрывал крылья бабочкам, обижал ли детей еще более меньшего возраста и т.д. Именно с этого момента взяли свое начало рассказы о том, что детям снятся ангелы в этом возрасте. Когда дети рассказывают об этом, то им нужно верить, потому что это не сон, а форма контакта, которая практикуется и до нынешних пор. Таким вот нехитрым способом каждый «дежурный» ангел способен был снять нужную информацию с нескольких десятков детишек. Некоторые «стахановцы» умудрялись посетить до сотни малышей. К таким «передовикам производства» относился и Захария, почти триста лет проходивший практику «дежурного» ангела. Работенка была еще та. Мало того, что почти не было никакой специальной аппаратуры для наблюдения и снятия показаний – приходилось все делать вручную и письменно, к тому же процесс «внедрения» был сам по себе процедурой малоприятной, так еще и

за каждым «чихом» приходилось обращаться к серафимам. Но служивому ангелу не приходится выбирать время и место службы – куда прикажут, туда и ступай, на какой срок прикажут – тоже не твоего ума дела.

Денежное содержание, правда, тоже было не сравнить с прежним. 250 райалов в месяц позволили Захарии обзавестись хоть и маленьким, всего в одну комнатку, но зато своим жильем. А учитывая минимальные жизненные потребности, у него впервые в жизни образовался даже небольшой излишек денег, чему он сильно удивился. Впрочем, удивлялся этому обстоятельству он недолго, быстро найдя применение образовавшимся излишкам – купил у знаменитой египетской женщины-врача Песешет несколько сочинений, среди которых была редчайшая «Фармакология целебных трав Верхнего Нила», написанная ею уже здесь на основе воспоминаний. Будущее начинало приобретать радужные очертания.

Начав практику со звания рядового пельтаста, к концу ее он уже имел чин гипасписта. Казалось бы, за три сотни лет от «копыеносца» до «меченосца» не такое уж и большое повышение, но для ангела, проходящего всего лишь практику – расстояние довольно значительное. В этом скромном чине он и получил свое первое персональное назначение, после которого он с полным правом мог бы нацепить свои первые м-а-а-ленькие крылышки. Ему предстояло внедриться в тело семилетнего мальчишки по имени Ликет, послушника

Файюмского храма, посвященного крокодилообразному богу Себеку. Кровавый и варварский обычай приносить жертву, отдавая на съедение живым крокодилам девственниц, давно вызывали в райанцах желание каким-то образом помешать исполнению кровавых оргий. И однажды такой случай подвернулся. Один из «дежурных» ангелов доложил, что в храм на Меридовом озере взяли совсем юного послушника, который отвечает всем требованиям для получения своего персонального ангела-хранителя. Мальчик-сирота, обладал помимо тяги к знаниям, честности и душевной открытости, кротости нрава и милосердия, неплохим интеллектом и что было бы большой ошибкой не воспользоваться этими качествами по полной программе. Захария успел первым предложить свою кандидатуру на первое внедрение. У принимающих решение по внедрению вопросов по предложенной кандидатуре не было. На следующий день он отправился в свою первую длительную командировку. Процедура отбытия была стандартной. Он уже привык к ней за триста лет, каждую ночь, отбывая на детское «дежурство». На верхней площадке одной из многочисленных ретрансляционных башен, два серафима, приложив персты к вискам транспортируемого, усыпляли его, погружая его в некое подобие летаргического сна, а затем, склонившись над ним, простирали по одной паре крыльев, закрывавших их туловище. Сконцентрированный пучок энергии в виде остронаправленных фотонов пронизывал насквозь тело ангела «выбивая» из тела мельчай-

шие частицы, составляющие ангельскую сущность. Отразившись от специального зеркала, этот луч с ангельской сущностью устремлялся по специально открывающемуся тоннелю со скоростью многократно увеличивающейся от ускорения, в результате высокочастотного столкновения с его стенками благодаря эффекту «отскакивания», устремлялся на Землю, куда и пребывал спустя пару минут. Тело же самого ангела оставалось на месте, практически лишённое всех видимых признаков жизни. Дыхание проходило с периодичностью в один вдох за час, а сердцебиение – приблизительно один удар в минуту. Все жизненные процессы внутри организма затормаживали свою деятельность, как бы переходя в общий «спящий» режим. Тем временем тело «командировочного» переносили в подвал, где уже находились тела других «полевых» агентов и там его укладывали на специальное ложе в позу эмбриона. Примерно раз в неделю, специально назначенные переворачивали тела «спящих», чтобы у них не образовывались пролежни. Раз в год их протирали специальным раствором на основе сильно разбавленного уксуса и кормили. Кормление проходило ректальным способом, уж извините. В таком вот состоянии и прибывали ангельские тела до момента возвращения своих хозяев.

Это была его первая и самая короткая командировка. С самого начала своего симбиотического существования, пользуясь запасом нерастраченных сил и преувеличенным самомнением о своих талантах, Захария ринулся в бой за

душу юного послушника. Он буквально изводил мальчишку своими укоризнами и увещеваниями, порой доводя его до полуобморочного состояния. В конечном счете, ему удалось полностью подчинить себе тело и душу Ликета, и тот стал всерьез задумываться о способах активного противодействия варварским ритуалам, практикуемым в храме. Изощренный ум ангела, поднаторевший в общении с детьми за триста лет, помогал ему в этом деле. Он подсказал мальчишке, что сытое чудовище наверняка не станет пожирать предложенную ему жертву, следовательно, его надо было, как следует накормить перед предстоящим жертвоприношением. На скудное жалованье младшего послушника Ликет покупал тушки мертвых козлят и ягнят, с которых предварительно снимали шкуру для выделки пергамента, и тайно скармливал их крокодилу. А так как процесс пищеварения земноводного проходил достаточно медленно, то двух-трех тушек вполне хватало, чтобы оно не испытывало чувство голода до двух недель. После этого жрецы долго удивлялись, почему Себек отверг жертвоприношение. Но делать было нечего, раз божество отвергало дар, значит, жертву приходилось отпускать. Нечастые жертвоприношения и скудость жалованья послушника не позволяли каждый раз прибегать к подобному трюку. Тем не менее, этой «сладкой парочке» удалось спасти, таким образом, более четырех десятков невинных девушек. Захария настолько обнаглел от сопутствующей ему удачи, что абсолютно потерял всякую

осторожность, а поэтому и «прозевал» слежку за своим подопечным. Жрецов насторожило, что Себек слишком часто стал отказываться от предложенных жертвоприношений, вот и стали потихоньку искать причину этому недоразумению. И нашли. Чтобы «не выносить мусор из избы», мальчишку, потихоньку схватили и скормили тому же самому крокодилу, дождавшись, когда тот основательно проголодается. Удивительно, что при такой бурной деятельности ему удалось продержаться незамеченным около пяти лет.

Ликет, естественно попал в Рай. Захария возвращался домой триумфатором. Однако начальство похвалив того за успешное «обращение» все же попеняло ему за потерю бдительности и слишком активное терзание своего подопечного, грозившее не единожды нервным срывом и суицидом последнего. В общем дали понять, что «триумф» захарии по большому счету является «пирровой» победой, так как от мальчика пользы немного, а вот он является косвенным виновником его ранней гибели. Вот так, с небес на землю, со всего размаха. Он, конечно и сам начал потихоньку понимать подоплеку своих ошибок, но сделанного уже не воротить. Через сорок дней положенного карантина, Захария пожелал встретиться с тем, с кем делил одно тело почти пять лет. Встретились, заново познакомились. Чувствуя свою безусловную вину и ответственность за дальнейшее существование подростка, помог тому со школой и даже предложил переселиться к себе на то время, пока Ликет стоит в очереди

на квартиру. Видя в глазах подростка неложную благодар- ность за заботу, и узнав, что тот изъявил желание стать ан- гелом-хранителем, старался изо всех сил, но дружбы не по- лучалось. Чувствовалась не только разница в возрасте, но и что-то еще, мешавшее более теплым отношениям. После за- вершения следующих командировок, он так же как и с Лике- том, чувствуя свою ответственность перед новоприбывши- ми, старался наладить с ними контакт, но и с ними ничего не получалось. Он долго недоумевал по этому поводу. Старал- ся понять изо всех сил почему спасенные и обязанные ему своей второй жизнью, всячески избегают тесного общения с ним. И после долгих размышлений, наконец, понял. Они испытывают неловкость от того, что им приходится общать- ся с тем, кто знает о них практически все – от поступков до тайных желаний, иногда весьма и весьма скверных. Они же в свою очередь не знали о нем ничего, что делало их общение с ним неравноправным. Понял и принял, поэтому уже не ис- кал встреч с бывшими подопечными. А когда такие встречи все же были неминуемы, на форумах или конференциях, ча- сто устраиваемых руководством, по тому или иному поводу, то пользуясь тем, что они не знали его в лицо, не стремил- ся к раскрытию факта знакомства. Со знающими его в лицо реципиентами, перекинувшись парой фраз ради приличия, как можно быстрее расходился с ними в разные стороны.

А потом пошли командировки – одна за одной, как вер- стовые столбы вдоль дороги. Был он в теле пророка Елисея,

и вместе с ним очищал отравленные воды и врачевал прокаженных. Был он и в теле святого Аггея, пророчествуя и обличая народ иудейский, погрязший в роскоши и гордыне. Был знахарем в войске непобедимого Искандера Двурогого и кельтом, бросавшим камни со стен Лютеции на головы римлян. Много совершил он подвигов по «обращению» землян и с каждой новой победой рос его авторитет и популярность среди ангелов. Но, пожалуй, самым значимым своим подвигом он считал свое внедрение в тело будущего апостола Андрея, прозванного впоследствии «Первозванным». Именно тогда он впервые посетил земли, которые позже станут Святой Русью. Действуя по какому-то внутреннему наитию, он предрек великое будущее этой земле, и как не раз вспоминал с гордостью, ничуть не ошибся. Может быть в этот момент, искупавшись, первый раз в бане и нырнув в сугроб, он искусственно созданный, впервые почувствовал себя человеком – русским человеком. Тридцатым, кого удалось Захарии привлечь на «светлую» сторону добра был слуга Дмитрия Солунского по имени Лупп. Вообще, раннехристианский период был необычайно «урожаен» для ангелов. Именно этот период дал огромный прирост в райанской цивилизации. Обилие подвижников веры и новомучеников за короткий срок чуть ли не в два раза повысили народонаселение Рая. Их качество с точки зрения профессиональных навыков оставляло желать лучшего, так как это были преимущественно довольно молодые люди, еще не набравшие ни житейского,

ни профессионального опыта. Их достоянием были бескорыстие, несгибаемость, самопожертвование и любовь к окружающим. Хороший набор для алмаза, но требующий длительной огранки. В любом случае, рабочих рук у райанцев прибавилось. Это Гавриилу тяжело дался перевод в «русский» сектор, а для Захарии, уже знакомого не понаслышке о славянских племенах, назначение сюда стало вполне ожидаемым и даже в некоторой степени желанным событием. Он вообще был из плеяды новаторов, для которых заняться чем-то новым было всегда более предпочтительным занятием, чем двигаться уже проторенной кем-то дорогой. Он говорил и мыслил на том же языке, что и те кто стоял с ним рядом на качающихся лодьях, отбиваясь от нурманнов, кто таскал камни для строительства Старой Ладogi, кто, служа Перуну, не ходил в завоевательные походы за золотом и рабами, а стоял на страже земли-кормилицы и тех кто не щадя пота работал на ней. Захария с большим воодушевлением вливался в тела этих мужественных и честных людей. Случайно или нет, но почти все свои воплощения Захария в «русском» секторе осуществлял в тела воинов. Все шестьдесят девять воплощений. За это время он успел побывать и в теле легендарного, но тем не менее вполне реального Алеши Поповича и соратника Александра Невского доблестного Филиппа, в язычестве Пелгусия. Побывал он Михаилом Бренком и стремянным князя Пожарского Василием. Защищал стены Соловецкого монастыря от ядер английской эскадры и был послед-

ним защитником Брестской крепости старшим лейтенантом Уматом Бархановым . До последнего держал штурвал самолета вместе с Юрием Яновым , став прототипом героя всем известной песни и прапорщиком Малыгиным из «Вымпела», прикрывшим собой своего командира от пуль крупнокалиберного пулемета. Россия вообще была странным государством. Она пребывала то в полусонном состоянии, отставая в развитии от остальных стран Европы, то вдруг очнувшись от непонятной спячки, начинала бешеными темпами наверстывать упущенное. Эти пробуждения от векового сна давали яростный и обильный приток «обращенных». Складывалось впечатление, будто она как лейденская банка заряжалась электричеством пассионарности, а затем бурно выплескивала ее в виде «святых» и подвижников. И вот какую особенность в связи с этим не раз отмечал про себя Захария. Список попавших в Рай и список почитаемых святых разнятся, чуть ли не диаметрально. Если из служителей церкви признанных блаженными, великомучениками или паче того святыми, в Рай попадало около четверти, то со светскими представителями удостоенными такого звания творилось что-то вовсе непонятное. На поверку выходило так, что райской жизни зачастую удостоивались простые люди, иногда даже вовсе незаметные – простые служаки без особых чинов или тихие трудяги от науки, не хватавшие звезд с небес. Нет, среди ученых, удостоившихся второй жизни, были и известные всем лица. Но что примечательно?! Ни один полково-

дец, ни один князь или царь, за всю историю существования двух миров, так и не смогли достичь Райских Врат, хоть и были многие из них причислены к лику святых там у себя на Земле. Как не попал туда и тот разбойник, что висел рядом с Иисусом на кресте, хоть тот и обещал ему за веру и искреннее покаяние Царствие Божье. Видимо сиюминутного раскаяния душегуба, даже искреннего, все же оказалось маловато для искупления всех совершенных им злодеяний. А вот создатель атомной бомбы – Игорь Курчатов и сейчас преподавал и заведовал кафедрой «Атомарных превращений» в одном из райанских университетов. Это было уму непостижимо, но видимо у небес была своя бухгалтерия и своя логика.

Но с некоторых пор, Захария шестым чувством начал ощущать еще не вполне оформившуюся, но, тем не менее, уже грозную опасность. Где-то примерно с начала шестидесятих годов XX века, стало стремительно сокращаться число «обращенных». Эта тенденция зародилась, как это ни странно на Западе европейского континента, считавшегося доселе оплотом христианства в отличие от «большевистской» России. Зародилась и начала быстро распространяться по всему северному полушарию. «Яйцеголовые» умники из райского отдела аналитических исследований, в недоумении почесывая затылки, пространно и путано объясняли это явление наличием то «сексуальной» революции, то движением «хиппи», то многовековой самодискредитацией церковных учений, то эпохой «НТР» и отсюда развитием гностициз-

ма. С этим пожалуй можно было бы согласиться, тем более, как выяснилось гностики в лице того же самого Вершинина, уже устроились в самом центре Рая. Да. Все это так. Если не оперировать такими терминами как «мораль» и «нравственность», неизвестными на ранней стадии развития человечества, то по большому счету от грехопадения удерживало только наличие двух факторов – боязнь вечного наказания за прегрешения и обещание «вечной» жизни за примерное поведение. То есть наглядные «кнут» и «пряник» в классическом исполнении. И лозунг к этому был соответствующий «истинно, потому что верую». А когда человечество, сбросив атомные бомбы, не понесло за это никакого наказания «свыше» и вырвавшись в космос убедилось в отсутствии хрустального купола вокруг Земли, то и лозунг естествен сменился на «поверю, если докажешь». Человечество не просто потеряло «страх Божий», оно, дойдя в своем развитии до каких-то пределов просто начало разочаровываться в самом себе, не видя перспектив и смысла своего существования. Это было видно даже невооруженным взглядом. Если раньше наукой делались открытия,двигающие прогресс вперед в познании окружающего, то вот уже несколько десятилетий оно топчется на месте, всего лишь приспособливая полученные ранее знания для своего комфортного существования. Человечество в своем развитии неумолимо «выдыхалось». Захария сравнивал его с неким подобием старой зажигалки, у которой стерся кремень. И чем сильнее пытаются райан-

цы крутить колесико стершегося кремня для получения хоть какой-нибудь искры пассионарности, тем сильнее стачивается кремень. Необходимо было срочно найти какой-то выход из сложившейся тупиковой ситуации, грозившей обоим мирам сначала жуткой стагнацией, а затем увяданием, в лучшем случае. Ни райанцы, ни тем более земляне выхода никакого предложить не могут, что естественно, ибо каждому больному нужен доктор, который придет со стороны. Захария знал такого единственного доктора. Имя ему было – Бог. Только он мог плеснуть бензина в потухающий костер. Каким образом?! Самым тривиальным. Просто явить себя, без каких бы то ни было посредников в виде пророков с невнятным произношением и иносказаний в виде «неопалимой купины». Явиться всем жителям Земли. Сразу и одновременно. Для него это не составит особого труда, зато заткнет рты проходимцам и вселит уверенность человечества в завтрашнем дне, если оно вспомнит, что оно именно человечество, а не стадо зажавшихся баранов с отвисшими курдюками. Веру тоже надо подкармливать хоть иногда, а то она засохнет.

Захария очнулся от своих мыслей потому, что услышал противный визг печатающего принтера. Мельком бросил взгляд за окно. А там уже светало. «Ого! И сколько же я тут просидел?! Неужели всю ночь?!» – подумал он, потягивая занемевшие от неподвижного сидения мышцы тела. На экране ноутбука по-прежнему была только «шапка» обращения к Создателю. «Это что же выходит?! Я всю ночь гре-

зил в своих воспоминаниях?» Перевел взгляд на скрипучий принтер. Тот, шустрой кареткой вода взад и вперед, выплывал из себя очередной лист бумаги. Захария точно помнил, что никакой бумаги в принтере не было с того момента как он сел за стол. «Мистика какая-то!» – пробормотал он, поднося к носу очередную распечатку. Лист был девственно чист. «Чудны дела твои, Господи!» – произнес он вслух, собирая с пола чистые листы бумаги разбросанные принтером во время «странного» печатания и задумался. Теперь Захария точно знал, что и как напишет Господу. Оставалось прояснить лишь некоторые детали. Но это уже было не столь существенно.